

**ГОСУДАРСТВО, ОБЩЕСТВО, ЛИЧНОСТЬ
В ИСТОРИИ РОССИИ
(XVIII–XX ВВ.)**

*Сборник научных трудов
к 80-летию со дня рождения
доктора исторических наук, профессора
Владлена Семеновича Измозика*

Санкт-Петербург
ООО «Полторак»
2018

УДК 94(47)
ББК 63.3 (2)
Г 72

Рецензенты:

Базанов Петр Николаевич, д-р ист. наук, профессор кафедры документоведения и информационной аналитики Санкт-Петербургского государственного института культуры

Новикова Лидия Игоревна, канд. пед. наук, старший научный сотрудник, Российская национальная библиотека

Редакционная коллегия:

С. Н. Полторак (общ. ред.), И. А. Тропов (отв. ред.),
А. В. Зотова, С. Н. Рудник,
А. М. Иорданская, С. В. Степанов

Г 72 Государство, общество, личность в истории России (XVIII–XX вв.). Сборник научных трудов к 80-летию со дня рождения доктора исторических наук, профессора Владлена Семеновича Измозика / [С. Н. Полторак (общ. ред.), И. А. Тропов (отв. ред.), А. В. Зотова, С. Н. Рудник, А. М. Иорданская, С. В. Степанов]. – Санкт-Петербург : Полторак, 2018. – 272 с.: ил.

Сборник подготовлен в ознаменование 80-летия со дня рождения выдающегося российского ученого, доктора исторических наук, профессора Владлена Семеновича Измозика. В материалах, вошедших в сборник, затронуты актуальные проблемы социальной и политической истории России XVIII–XX вв., а также вопросы источниковедения и историографии.

Издание адресовано специалистам-историкам, а также широкому кругу читателей, интересующихся историей России нового и новейшего времени.

ISBN 978-5-6040764-1-5

© Авторы статей, 2018
© ООО «Полторак», 2018

Владлен Семенович Измозик

Вместо введения... Несколько слов о юбиларе

Плеханов А. М.

д-р ист. наук, профессор
(г. Москва)

Ветеран исторической науки

Впервые мне посчастливилось познакомиться с Владленом Семеновичем Измозиком «в смутное время», в сложные и тревожные 1990-е годы, когда страна после уничтожения Советского Союза выбирала свой новый путь. Историческая наука переживала очередной кризис, в основе которого лежали вседозволенность, безответственность и незнание предмета. Историками стали все: и философы, и журналисты, и юристы. И речь идет не о принижении этих профессий, просто они представляют другие науки. А голос историков потонул в громком и наглом крике новоявленных «открывателей истории», которые очень постарались в создании легенд, основанных на неправде. Они использовали доступ к ранее закрытым фондам архивов и отделам библиотек, прежде всего «Ленинки» и «Исторички», не для серьезного объективного анализа неопубликованных документов и исторической литературы, а под видом установления истины лепили свои версии истории органов госбезопасности России, особенно советского периода, ничего общего не имеющие с событиями прошлого. Дело дошло до издевательств над бывшими сотрудниками органов ВЧК–КГБ и их помощниками. И беда спецслужб новой России становилась частью общей катастрофы, постигшей наше Отечество. Злонамеренная клевета, огульное охаивание спецслужб наносили непоправимый вред нашей стране. При этом умышленно замачивалось то, что с трагическим прошлым в деятельности органов госбезопасности давно было покончено, в них произошла смена нескольких чекистских поколений. Так считали, кстати, и объективные аналитики и профессионалы западных спецслужб. Но на чекистов намеренно переносилась ответственность за нарушение законности органами НКВД в 1930-е годы. «Отсюда, – писал П.А. Судоплатов, – постоянная неприязнь, перерастающая порой в ненависть к тем, кто своей реальной работой внес вклад в тот базис современного развития, который остается до сих пор несокрушимым фактором гордости и престижа Родины».

В поисках выхода из создавшегося положения радикальных и стремительных перемен каждый гражданин старался внести свой вклад в стабилизацию обстановки в стране. Историки посчитали своим долгом объединение усилий для активизации научной деятельности. Именно в эти годы в Санкт-Петербурге проявился яркий талант В.С. Измозика, историка и пропагандиста. Его многочисленные публикации по самым актуальным вопросам прошлого помогали многим разобраться в хитросплетениях исторической науки.

Мы встретились с Владленом Семеновичем почти 22 года назад в кабинете начальника Центра общественных связей ФСБ СССР генерал-лейтенанта А.А. Здановича, где шло обсуждение состояния исторической науки по исследованию истории органов госбезопасности России.

Для того, чтобы противостоять валу негативной информации, доктор исторических наук А.А. Зданович, доктор исторических наук, профессор В.Н. Хаустов и автор данной статьи в 1996 г. решили организовать в Москве исторические чтения и назвать их «Чтениями на Лубянке». Принятию данного решения способствовало еще одно обстоятельство: утверждение патриарха советской разведки Вадима Алексеевича Кирпиченко, который в своей книге «Разведка: лица и личности» писал о том, что наше время быстро замечает следы прошлого, а мы постепенно превращаемся в людей без традиций и без истории: «Войны, оккупации, революции, контрреволюции привели нас к тому, что мы стоим на грани превращения в людей без рода, без племени. Не покаяние нам нужно, а всеобщее примирение и выработка взаимно приемлемых норм жизни и труда».

Первые «Исторические чтения на Лубянке» состоялись в декабре 1996 г. в Культурном центре ФСБ России. До этого была проведена большая подготовительная работа, значительная часть которой заключалась в том, чтобы определиться с ее участниками. Были просмотрены публикации за последние пять лет и, независимо от точек зрения авторов, они приглашены поучаствовать в «научных посиделках».

Из города на Неве прибыла представительная группа историков во главе с В.С. Измозиком. Он сразу же привлек к себе внимание своим аргументированным выступлением по истории силовых структур императорской России, открытостью, манерой общаться с коллегами.

Дальнейшее знакомство с этой неординарной личностью было продолжено в процессе творческой работы. Частые встречи и беседы на различные темы способствовали более предметной подготовке

очередных чтений, прежде всего выработке их тематики. Как правило, они были посвящены не только наиболее важным датам истории органов безопасности, но и дискуссии по различным темам их роли в истории России, начиная с Древней Руси.

По сравнению с 1996 годом значительно расширилась география и в разы возросло количество участников «Исторических чтений на Лубянке». Ежегодно в первой декаде декабря в Москву приезжали ученые из Санкт-Петербурга, Петрозаводска, Екатеринбурга, Великого Новгорода, Омска и других городов. К тому же, чтения фактически стали международными. Наряду с российскими историками звучали речи ученых Беларуси, Германии, Казахстана, Польши, Швеции, Украины. Поэтому в 2001 г. было решено образовать «Общество изучения истории отечественных спецслужб». Основные положения его Устава, предложенные В.С. Измозиком, были одобрены его будущими членами. Главными задачами Общества были определены: объединение усилий исследователей истории спецслужб, популяризация научных знаний и борьба с разного рода фальсификаторами.

7–8 декабря 2017 г. Общество провело XXI «Исторические чтения на Лубянке», посвященные 100-летию образования ВЧК. В них приняли участие более 130 человек, 35 докторов и 38 кандидатов наук. Было заслушано около 40 сообщений коллег из Владивостока, Екатеринбурга, Краснодара, Москвы, Нижнего Тагила, Орла, Петрозаводска, Самары, Санкт-Петербурга, Твери. Как и в предыдущие годы, В.С. Измозик проявил себя незаурядным ведущим заседаний конференции: четким соблюдением регламента, тактичными замечаниями, а иногда и уточнениями по ходу выступления очередного оратора. Но и после конференций, как член редакционной коллегии, он всегда участвовал в подготовке сборников выступлений, которые сначала издавались в Великом Новгороде, а затем в Москве. Ко времени проведения конференции 2017 г. издан ежегодный (за 2016 г.) сборник статей, посвященный теме: «Отечественные спецслужбы: история и современность».

За последние годы произошло значительное пополнение Общества новыми членами, в настоящее время в его рядах насчитывается более 150 человек.

Владлен Семенович за 21 год не пропустил ни одного заседания чтений, несмотря на большую занятость преподавательской работой в вузах Санкт-Петербурга.

В этом городе решением руководства «Музея политической истории» по примеру московских начали проводиться «Исторические чтения на Гороховой, 2», т.е. там, где первые месяцы размещалась ВЧК. Владлен Семенович во многом помог научным сотрудникам музея своим советами и личным участием.

За многие годы знакомства с В.С. Измозиком не могу не отметить его значительную организационную работу как члена президиума Общества по сплочению вокруг себя коллектива ученых Санкт-Петербурга. Без участия этой «могучей кучки» не проходит ни одно из исторических чтений, где бы они ни проходили: в его родном городе, на Гороховой, 2; в Москве – на Яузском бульваре, д. 13; в Петрозаводске – на ул. Андропова, д. 5.

Нет необходимости писать о научно-исследовательской работе Владлена Семеновича. Только отметим, что он проявляет интерес к совершенно различной научной проблематике, в том числе и к истории органов безопасности России преимущественно по сложным и до недавнего времени закрытым темам. Его работы используются в учебном процессе данных ведомств. В настоящее время наряду с другими проблемами он обстоятельно исследует развитие политической системы, в том числе и органов безопасности, которые являются необходимым атрибутом государственной власти, продуктом исторического развития в условиях определенных общественных отношений.

Значим вклад В.С. Измозика и в подготовку молодых ученых. Его заслуги можно перечислять до бесконечности, а его ветеранская жизненная энергия и общественный темперамент являются примером для других.

В 80 лет, дорогой Владлен Семенович, жизнь только начинается. В свои 86 я это точно знаю! У Вас богатейший жизненный опыт, Вы вооружены основными методами познания – главным орудием в борьбе с противниками столь любимой нами исторической науки, которой уже многие века покровительствует златокудрая Клио. С юбилеем Вас, здоровья и творческого долголетия!

Фотография 1946 г.

Фотография 1955 г.

Рудник С. Н.

канд. ист. наук, доцент, зав. кафедрой истории,
Санкт-Петербургский горный университет

Слово об историке, коллеге, друге и просто порядочном человеке

Впервые я увидел Владлена Семеновича в 1993 г. На конференции, посвященной 1917 г., он выступал с докладом о судьбах членов Временного правительства. В тот момент все мои мысли-помыслы были о защите своей кандидатской диссертации, но его интересное сообщение взбудрило меня, рассеяло тревожные думы. Я тогда еще подумал: «Какая интересная фамилия!» В 2001 г. судьба свела меня с ним в СЗГУ. На кафедре сложился замечательный коллектив во главе с мудрейшим Борисом Викторовичем Павловым. Наши кафедральные заседания, официальные и неофициальные (непреренно с чаем) превращались в интереснейшие дискуссии, где солировал Владлен Семенович. С этого началось наше знакомство, которое постепенно переросло в дружбу.

В начале 2005 г. московское издательство «Вентана-граф» решило издавать учебники по истории под общей редакцией члена-корреспондента РАН Р.Ш. Ганелина. У руководителей проекта возникла интересная мысль объединить в авторском коллективе историков—ученых, учителей—практиков и методистов. В то время я работал по совместительству в гимназии, так сказать знал учебный процесс изнутри. Поэтому Владлен Семенович предложил мне как соавтору написать учебники для старших классов. Мы приступили к работе, еще даже не представляя, насколько она будет трудной, но и в то же время интересной.

С тех пор в процессе творческих исканий, борений с многочисленными рецензентами, в беседах, в том числе и за рюмочкой чая, я, общаясь с Владленом Семеновичем, постепенно узнавал его как личность. Его рассказы наполнены яркими воспоминаниями: послевоенный Ленинград, керосиновая лавка на Кировском проспекте, мужская школа на Петроградке, учеба на историко-филологическом факультете ЛГПИ им. А.И. Герцена, комсомольская романтика целины, где он 60 лет назад познакомился со своей будущей женой Людмилой Васильевной, служба в рядах Советской армии.

Большую роль в становлении Владлена Семеновича как педагога сыграли годы его учительства в Приозерской школе-интернате Всеволожского района Ленинградской области. Наш юбиляр всегда с осо-

бой теплотой вспоминает своих учителей, замечательных историков Юрия Васильевича Егорова, Рафаила Шоломовича Ганелина, дружит с Александром Завелевичем Ваксером. Благодаря Владлену Семеновичу и я познакомился с Р.Ш. Ганелиным. Никогда не забуду наши сошествия на его квартире, его многочисленные удивительные рассказы об историках и истории, наполненные такими мельчайшими подробностями, юмором и самоиронией, которых не встретишь ни в каких научных трудах.

Следует особо отметить, что Владлен Семенович является ярким представителем петербургской школы историков. Он – ученый, для которого источники и факты всегда стояли и стоят на первом месте. Все его труды являются примером настоящей исследовательской работы. Например, над монографией «Черные кабинеты»: история российской перлюстрации. XVIII – начало XX века», изданной в 2015 г., он трудился 20 лет, изучив за это время материалы десяти центральных и местных архивов. Один факт – для того чтобы создать среднестатистический портрет чиновника «черных кабинетов», В.С. Измозик проделал кропотливую работу, изучив 106 формулярных списков чиновников. Это особо важно подчеркнуть сегодня, когда полки книжных магазинов забиты наспех сделанными, по принципу «я его слепила из того, что было» книгами. Солидная монография (почти 700 страниц!) стала первым научным исследованием, посвященным малоизученной стороне жизни русского общества и власти. Один только факт, что во всей империи нельзя было вскрывать письма трех человек, а именно: императора, министра внутренних дел и начальника III Отделения, а после его упразднения – директора Департамента полиции, уже вызвал неподдельный интерес к его работе.

Владлен Семенович выступает категорически против того, чтобы история, как наука, была служанкой политической конъюнктуры. В наши дни, увы, эта, казалась бы, прописная истина все чаще забывается, и история становится разменной монетой в политических баталиях. Приступая к работе над учебником, мы сразу договорились, что будем излагать материал с позиций подлинного историзма, избегая идеологизированности в изложении материала, и одновременно стремясь сохранить нравственную, гуманистическую позицию. Как часто подчеркивает Владлен Семенович, крайне важно, чтобы при чтении учебника истории учащиеся понимали, что есть «героизм повседневности» – повседневный выбор человеком своего поведения

в конкретных обстоятельствах: не подличать, не предавать, быть защитником слабых и беспомощных и т.п. Например, касаясь истории Гражданской войны, необходимо подчеркивать роль тех, кто даже в условиях кровавой русской смуты продолжал созидательную деятельность – врачей, учителей, инженеров. Для него подлинными героями Гражданской являются не красные полководцы, или белые генералы, а такие люди, как писатель В.Г. Короленко, осуждавший террор. В этом плане можно и нужно говорить о личности академика П.Л. Капицы, который спас от репрессий Ландау, хотя относился к нему сдержанно. Или о позиции А.Д. Сахарова, который не побоялся пожертвовать своим положением ради нравственных начал.

Не всем рецензентам понравился такой подход. Вспоминаю отзыв одного из них, который, в целом дав положительно оценку нашему учебнику, вдруг увидел в нем скрытый подтекст, обвинив нас в том, что «исподволь везде проглядывает идея: советская власть изначально была «бесчеловечным режимом», а история СССР – отрицательный эксперимент с некоторыми положительными исключениями». Другой неизвестный эксперт совсем недавно высказал к нам претензии в том духе, что используя выражение «политический режим» при описании трагических страниц нашей истории 1930-х–1950-х гг., мы, тем самым, недостаточно «вежливо» отзываемся о руководстве страны. По его мнению, «для авторов учебника в любой стране по определению право их государство». Отвечая автору такого «новаторского» взгляда на историю, В.С. Измозик заметил, что пренебрежение фактами недостойно ученых-историков и подкрепил нашу позицию словами Н.М. Карамзина: «историк должен ликовать и горевать со своим народом. Он не должен, руководимый пристрастием, исказить факты, преувеличивать счастье или умалять в своем изложении бедствия».

Наш первый учебник был издан в 2008 г. Осенью того же года мы вместе приняли участие во всероссийской конференции учителей истории, проводимой в Москве. С тех пор я много раз наблюдал выступления Владлена Семеновича перед учителями из разных регионов нашей необъятной страны. Его голос звучал не только в первопрестольной, но и на Урале, в Поволжье, в Сибири. В беседах с учителями он не устает утверждать, что история должна воспитывать нравственность. Именно поэтому, по его мнению, так важна нравственная оценка государственных и политических деятелей и исторических событий.

Владлен Семенович – великолепный рассказчик: безукоризненно грамотный русский язык, легкая ирония, четкость в ответах и стихи, непременно стихи. Например, он часто цитирует мудрые строки Б. Окуджавы: «Осудите сначала себя самого, // Научитесь искусству такому, // А уж после судите врага своего // И соседа по шару земному». Надо видеть, с каким вниманием аудитория слушает Владлена Семеновича, внимая каждому его слову. Всегда поражаюсь его широкой эрудиции и памяти. Однако общение не ограничивается только одним выступлением. И после лекций, в кулуарах его неизменно окружают учителя, слушатели. Вопросы буквально сыпятся со всех сторон, и наш юбиляр вдумчиво и обстоятельно отвечает на каждый из них (игнорируя умоляющие взоры некоторых коллег, спешащих на обязательный фуршет). При этом в его поведении нет и намека на снобизм и высокомерие.

В 1997 г. Владлен Семенович принял участие в первых «Исторических чтениях на Лубянке», посвященных истории российских спецслужб, организаторами которых стали учредители «Общества изучения истории отечественных спецслужб» А.А. Зданович, А.М. Плеханов, В.Н. Хаустов. И вот уже более двадцати лет наш юбиляр ежегодно активно участвует во всех конференциях этого общества в Москве, Петербурге (исторические чтения «Гороховая, 2») и в Петрозаводске. И не просто участвует, а является одним из главных действующих лиц многочисленных дискуссий, которые неизменно возникают по тем или иным вопросам истории российских спецслужб XIX–XX вв. Согласившись в 2011 г. стать консультантом в моих «докторских страданиях», Владлен Семенович привлек и меня к участию в этом обществе. Смело утверждать, что по накалу дебатов вряд ли какой-либо исторический форум может сравниться с чтениями «Общества изучения истории отечественных спецслужб». Дискуссии, споры не утихают и в кулуарах, и за дружеским чаепитием. И это вполне объяснимо, так как речь идет о роли ВЧК–ОГПУ–НКВД–МГБ–КГБ в истории нашей страны. И на одной площадке сталкиваются полярные точки зрения ветеранов спецслужб, сотрудников органов, историков, членов общества «Мемориал». В обществе, среди коллег Владлен Семенович пользуется огромным авторитетом, в том числе и потому, что неизменно выступает за истину и историческую объективность. Тема нравственного выбора постоянно присутствует в его выступлениях и на чтениях. Например, в истории чекиста С.И. Гот-Гарта, восставшего против произ-

вола и преступной практики допросов, написавшего в июне 1938 г. письмо на имя И.В.Сталина о незаконных методах ведения следствия в УНКВД по Ленинградской области и, тем самым, поднявшего голос в защиту законности и права. Или в деле ленинградских студентов-востоковедов, которые были арестованы в 1949 г. за антисоветский памфлет и разговоры.

Всегда внимательный к собеседнику, корректный в суждениях, Владлен Семенович становится непримиримым бойцом, если встречается с неприкрытыми попытками фальсификации истории, грубейшим подлогом в отношении исторической истины, подменой подлинной науки разными конспирологическими версиями и прочими фантастическими, не имеющими к подлинной науке, теориями. Увы, таких представителей псевдоистории, любителей «теории заговоров» за последние годы расплодилось очень много. Себя они называют «альтернативными историками». Наш юбиляр метко называет их «городскими сумасшедшими». Главным его оружием в борьбе с ними становятся факты и ирония. Каждый раз его иронические замечания по поводу очередной глупости начинаются с фразы «Слушайте, самый юмор...».

Владлен Семенович обладает ценными человеческими качествами. Он ценит дружбу, дорожит добрыми отношениями с друзьями, товарищами, коллегами, не забывает дни рождения даже тех из них, с которыми уже давно не работает. Будучи в высшей степени порядочным человеком, он прощает другим маленькие слабости. Он всегда готов оказать помощь – и словом, и делом. В этом я убеждался не раз и всегда буду ему благодарен за неоценимую помощь, оказанную мне как на поприще науки, так и в тяжелых жизненных ситуациях. С юбилеем, дорогой Владлен Семенович!

Торжественное бракосочетание. Фотография 1960 г.

Фотография 1964 г.

Подольский С. И.

канд. ист. наук,
ассистент кафедры истории,
Санкт-Петербургский горный университет

**«Владлена Семеновича знает весь город»:
заметки из блокнотов о В. С. Измозике**

Впервые имя Владлена Семеновича Измозика, которому посвящены эти скромные строки, я услышал весной 1999 г. Тогда на Петербургском радио он выступал в очередном выпуске исторического радиоклуба. Мне, в то время пятнадцатилетнему подростку, увлекающемуся историей, приключениями и фантастикой, врезался в память из-за своей необычности термин «черные кабинеты». С большим интересом я узнал об изощренной системе цензуры в дореволюционной России.

В следующий раз о В.С. Измозике я услышал уже на третьем курсе факультета социальных наук РГПУ им. А.И. Герцена на занятиях по методике преподавания истории весной 2005 г. Наши преподаватели Наталья Николаевна Лазукова и Людмила Владимировна Исковская, говоря о новейших изданиях по истории Санкт-Петербурга, обратили внимание на книгу Владлена Семеновича «Пешком по Миллионной» [3]. Помню, Л.В. Исковская, используя разные книги по краеведению, в том числе исследование В.С. Измозика, демонстрировала студентам-третьекурсникам, как можно использовать факты из петербургского прошлого на уроках истории в школе. В другой раз, на четвертом курсе в конце 2005 г., о книге В.С. Измозика нам рассказывал профессор кафедры русской истории А.В. Смолин. Мы готовились к экзамену, и на одном из семинаров Анатолий Васильевич, говоря о политическом контроле в СССР в 1920-х гг., настоятельно посоветовал нам обратиться к замечательной книге В.С. Измозика «Глаза и уши режима» [1].

Лично с Владленом Семеновичем мне посчастливилось познакомиться на заседании СНО кафедры русской истории РГПУ им. А.И. Герцена. Заседание проходило под председательством профессора Андрея Борисовича Николаева в декабре 2009 г., когда я уже был аспирантом. На меня произвели впечатление интеллигентность, мягкость Владлена Семеновича, его умение расположить к себе как одного собеседника, так и всю аудиторию. Я поймал себя на мысли, что Владлена Семеновича «вкусно слушать», столь интересен был его рассказ о цензуре до 1917 г. и политическом контроле в ранние годы советской власти.

Сразу замечу, что В.С. Измозик, будучи чутким собеседником, проявлял себя и как хороший полемист, умевший компетентно отстаивать свою точку зрения. Не так давно мне довелось встретить одного знакомого общественного деятеля (по своим политическим взглядам консерватора, чьи идеалы остались в 1970-х гг.), сообщившего, что ему однажды на одном круглом столе довелось спорить с В.С. Измозиком о В.И. Ленине и что Владлен Семенович «буквально в него вцепился». В общем, общественный деятель спор Владлену Семеновичу проиграл.

Вспоминая встречу с В.С. Измозиком в декабре 2009 г., добавлю, что состав слушателей отличался разнообразием, это были и студенты первых курсов, и магистры, и мы – аспиранты разных лет обучения. Всех заинтересовал рассказ Владлена Семеновича о его студенческих временах. Он вспоминал, как с большим энтузиазмом, который в наше время выглядел бы чем-то фантастическим, ему с другими студентами ЛГПИ им. М.Н. Покровского (ныне РГПУ им. А.И. Герцена) в 1956 г. довелось отправиться на целину. Из рассказа Владлена Семеновича хорошо запомнилось, что дорога длилась целых девять дней, что в этом многодневном пути студенческий коллектив сплотился и сдружился. Владлен Семенович рассказал нам о состоявшемся как раз во время этой поездки своем знакомстве с Юрием Васильевичем Егоровым, впоследствии известным ученым, историком-международником. Добавлю, что Ю.В. Егоров сыграл большую роль в жизни Владлена Семеновича (к сожалению, мне не довелось знать работавшего в герценовском университете Юрия Васильевича, но коллеги-историки рассказывают о многогранности его личности) [2].

Вспоминая о буднях студенчества второй половины 1950-х гг., Владлен Семенович читал стихи из студенческого фольклора. Я записал вот это: «Если не попал в аспирантуру, собирай свой тощий чемодан, обними папашу, поцелуй мамашу, и бери билет на Магадан». Весьма познавательным был рассказ Владлена Семеновича о времени 1960-х–1970-х гг. Меня поразил факт, что компетентные органы искали в РГПУ им. А.И. Герцена в 1967 г., преподавателей, читавших «Самиздат». Владлен Семенович упоминал и о своих родственниках. Оказывается, его дядя работал на заводе «Электросила» и был заместителем известного хозяйственника, директора Н.И. Шевченко.

Затем были и другие встречи. Особенно запомнились мероприятия в родном РГПУ им. А.И. Герцена: Владлен Семенович и его соавтор Сергей Николаевич Рудник представили в марте 2010 г. коллективную

монографию «Подлинная история РСДРП–РКП(б)–ВКП (б). Краткий курс без умолчания и фальсификаций» [9]. Осенью 2010 г. прошли Старцевские чтения, где выступал как сам В.С. Измозик, так и такие видные историки как Сергей Николаевич Полторац, Белла Давыдовна Гальперина, Андрей Борисович Николаев, мой научный руководитель Александр Юрьевич Давыдов. Очень ярко выступил член-корреспондент РАН, крупнейший историк Рафаил Шоломович Ганелин (1926–2014) (о нем и о его роли в своей жизни В.С. Измозик написал яркие воспоминания [6]. По приглашению Владлена Семеновича выступали приехавшие из Москвы преподаватели из Академии ФСБ.

Говоря об отношениях В.С. Измозика с коллегами-учеными, хотелось бы отметить многолетние дружеские отношения Владлена Семеновича с Александром Завелевичем Ваксером [4; 5]. Александр Завелевич – один из учителей как Владлена Семеновича, так и Александра Юрьевича Давыдова, он также повлиял и на мое становление как ученого, в частности в 2008 г. выступил оппонентом по моей магистерской диссертации и был одним из тех, кто рекомендовал меня в аспирантуру. Напомню, что в 1995 г. под руководством А.З. Ваксера наш сегодняшний юбиляр – В.С. Измозик – защитил докторскую диссертацию.

В начале сентября 2011 г. Владлен Семенович написал отзыв на автореферат моей кандидатской диссертации, посвященной Ленинградскому совету народного хозяйства в 1957–1965 гг. Владлен Семенович отметил мою работу по сравнению воспоминаний различных партийно-государственных деятелей. Но также сформулировал свои плодотворные советы. Помню, меня очень порадовало, насколько скрупулезно историк проанализировал содержание написанного мной текста. В частности, Владлен Семенович заметил, что я, упомянув высокопоставленных сторонников и противников ликвидации совнархозов, не раскрыл их доводы. В последующем я постарался учесть это замечание.

В конце 2011 г., работая в Российской национальной библиотеке, где я занимал должности ответственного дежурного и младшего научного сотрудника, я видел, как директор РНБ Антон Владимирович Лихоманов уважительно здоровается с Владленом Семеновичем. Когда я мимоходом рассказал об этом моему научному руководителю – профессору Александру Юрьевичу Давыдову, он отметил: «Владлена Семеновича знает весь город».

Просматривая одну из своих старых записных книжек, вижу, что 28 мая 2015 г. мне довелось побывать на презентации фундаментальной

книги Владлена Семеновича, над которой он работал много лет: «Черные кабинеты»: история российской перлюстрации. XVIII–XX вв.» [7]. Презентация проходила в Российской национальной библиотеке. Ее вел один из моих оппонентов по кандидатской диссертации, доктор исторических наук, профессор Игорь Анатольевич Тропов. Было интересно узнать об учреждении политической цензуры в конце XVIII столетия при Екатерине II, о применении утюгов для тайного вскрытия переписки. Оказалось, что некоторые цензоры перешли на работу из имперской цензуры в аналогичные органы новой советской власти. Но, правда, потом партийные и чекистские структуры устроили «дело черных кабинетов», выдвинув ложные обвинения против бывших цензоров. Интересно было узнать и о том, что в 1908–1915 гг. на каждого цензора в день приходилось в среднем 250 писем. Говоря об актуальности цензуры для советского времени, Владлен Семенович рассказал интересный факт: когда в 1982 г. секретарь Мурманского обкома КПСС принимал у себя в рабочем кабинете делегацию преподавателей из Ленинграда, он накрыл телефон шапкой, опасаясь, видимо, прослушивания.

В марте 2016 г. по приглашению А.Ю. Давыдова мне довелось участвовать в дискуссии на защите кандидатской диссертации Елены Анатольевны Кирилловой [8]. Одним из оппонентов выступил Владлен Семенович. Подготовленная под руководством А.Ю. Давыдова диссертация была посвящена истории городского хозяйства Петрограда – Ленинграда в первой половине 1920-х гг. Владлен Семенович показал высочайшее знание эпохи НЭПа при анализе исследования. Меня, например, особенно заинтересовали его высокопрофессиональные характеристики старых специалистов, привлеченных советской властью. Он продемонстрировал глубочайшее знакомство с источниками, в частности, ссылаясь на высказывания председателя Севзап-промбюро С.С. Лобова – персонажа нескольких моих статей о совнархозах 1920-х гг.

Завершить свои заметки о Владлене Семеновиче мне бы хотелось цитатой из статьи профессора С.Н. Полторака о В.С. Измолике, подготовленной к его 70-летию. Вот как пишет Сергей Николаевич о Владлене Семеновиче Измолике: «Его биография с одной стороны типична для миллионов наших соотечественников. С другой – она свидетельство упорного каждодневного труда талантливого и совестливого человека... Таких людей в России всегда называли и называют подвижниками» [10, с. 161].

Список источников и литературы:

1. Измозик В.С. Глаза и уши режима: Государственный политический контроль за населением Советской России в 1918–1928 гг. СПб.: Изд-во Санкт-Петербург. ун-та экономики и финансов, 1995. 164 с.
2. Измозик В.С. Девять дней и 43 года // Россия в контексте мировой истории. Сборник статей. СПб.: Наука, 2002. С. 85–89.
3. Измозик В.С. Пешком по Миллионной. СПб.: Общество «Знание» Санкт-Петербурга и Ленинградской области, 2004. 200 с.
4. Измозик В.С., Чистиков А.Н. А.З. Ваксер // Политика. Общество. Человек. К 85-летию доктора исторических наук, профессора А.З. Ваксера. СПб.: «Европейский Дом», 2008. С. 7–11.
5. Измозик В.С., Чистиков А.Н. А.З. Ваксеру – 90 лет // Клио. Журнал для ученых. 2011. № 9. С. 143–144.
6. Измозик В.С. Воспоминания о Р.Ш. Ганелине // Проблемы истории и историографии. Сборник докладов межвузовской научной конференции. СПб.: Государственный Электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова (Ленина), 2015. С. 173–178.
7. Измозик В.С. «Черные кабинеты»: история российской перлюстрации. XVIII – начало XX века. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 696 с.
8. Кириллова Е.А. Городское хозяйство в период становления НЭПа: 1921–1925 гг. (по материалам Петрограда – Ленинграда). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2016. 35 с.
9. Старков Б.А., Измозик В.С., Павлов Б.В., Рудник С.Н. Подлинная история РСДРП–РКП (б)–ВКП (б). Краткий курс без умолчания и фальсификаций. СПб.: «Питер», 2009. 496 с.
10. Полторак С.Н. К 70-летию Владлена Семеновича Измозика // Клио. Журнал для ученых. 2008. № 2. С. 160–161.
11. Рудник С.Н., Пученков А.С., Бибииков Г.Н. Измозик В.С. «Черные кабинеты»: история российской перлюстрации. XVIII – начало XX века. // Российская история. 2016. № 2. С. 207–219.

Юбилей свадьбы. Фотография 2010 г.

С учеными и писателями Санкт-Петербурга. Фотография 2002 г.

На даче в Синявино. Фотография 2011 г.

Проблемы Российской истории XVIII – начала XX вв.

УДК 002

Степанов С. В.

преподаватель, Гатчинский педагогический колледж
им. К. Д. Ушинского (г. Гатчина, Ленинградская область)

Региональное книжное дело Российской империи в конце XVIII – начале XX вв.: факторы развития и эволюции

В статье дана характеристика региональному книжному делу Российской империи конца XVIII – начала XX вв. На основе изучения историографического пласта публикаций по истории книгоиздательского, книготоргового и библиотечного дела в регионах выявлены пять факторов зарождения и развития книжного дела как подсистемы региональной культуры (цензурный, технический, экономический, коммуникативный и образовательный). Дана характеристика истории развития каждого фактора с опорой на накопленный фактический и историографический материал. В ходе их выявления и анализа прослежены характерные черты, отличающие региональное книжное дело от столичного (Москвы и Санкт-Петербурга).

Ключевые слова: книжное дело, книжная культура, губернская система, Российская империя, издательское дело.

The article describes the regional book business of the Russian Empire in the end of the 18th and early 20th centuries. On the basis of the study of the historiography layer of publications on the history of book publishing, bookselling and librarianship in the regions, five factors were identified for the origin and development of book business as a subsystem of regional culture (censorship, technical, economic, communicative and educational). A characteristic of the history of development of each factor is given, based on the accumulated factual and historiography material. In the course of their identification and analysis, characteristic features distinguishing regional book business from the capital city (Moscow and St. Petersburg) are traced.

Keywords: book business, book culture, provincial system, Russian empire, publishing.

Региональная издательская деятельность возникла в России на рубеже XVIII–XIX вв. До этого в отдельных городах империи осуществлялись первые попытки типографской деятельности, а книги в основном печата-

лись и распространялись силами столичных (петербургских и московских) полиграфических предприятий.

К настоящему времени в отечественной историографии сложилось целое направление – история регионального книжного дела (книжной культуры), в ходе которой предметом изучения стала типографско-издательская деятельность, книжная торговля, библиотечная и библиографическая работа, история подготовки и издания неперIODических и периодических изданий, которые были факторами развития территории, являясь частью книжного дела, подсистемой региональной культуры [1, 5, 8, 11].

Появление в этот период типографско-издательской и книготорговой деятельности обусловлено пятью факторами развития. Впервые эту мысль высказал известный книговед М. Н. Куфаев в 1920-е гг. [9]. Анализ их влияния на развитие книжного дела позволяет понять процессы возникновения и филогенеза региональной книги.

Первым фактором стало развитие технического оснащения полиграфических предприятий. Наибольшие успехи на рубеже XVIII–XIX вв. были достигнуты в усовершенствовании печатного воспроизведения изображений (иллюстраций). Существенный вклад сделал англичанин Т. Бьюик (1753–1828), который в 1790 г. изобрёл торцовый способ гравюры на поперечном срезе ствола твёрдых пород дерева. В 1790-е гг. рождается технология плоской печати для производства в первую очередь иллюстраций – литография. Этот способ был открыт в 1799 г. в Мюнхене И. А. Зенефельдером (1771–1834) [16]. Эти два способа печати широко использовались в книгопроизводстве XIX в. Особо продуктивной считалась гравюра на стали, поскольку меньше изнашивалась при тиснении.

В России литография была введена в 1818 г. изобретателем телеграфа, чиновником Министерства иностранных дел бароном П. Л. Шиллингом фон Каннштатом (1786–1837), который был командирован в Мюнхен (Германия), специально для её изучения и практического применения при копировании деловых бумаг [7, с. 83–84].

Начало XIX в. ознаменовалось внедрением механических двигателей в основные процессы производства печатных изданий. В 1811 г. в Лондоне немцы-эмигранты книготорговец Фридрих Кениг (1774–1833), а затем математик Андрей Бауэр построили первую в мире скоропечатную машину цилиндрического типа с паровым двигателем [3, с. 100; 4, с. 93]. В 1847 г. англичанин А. Эппльгет, а затем Р. Гоэ (1784–1833) изобрели другой способ печати, названный ротационным, а машины из-за их габаритов получили название в рабочей среде «Мамонт» [3, с. 102]. Это были существенные шаги в новую эру и, несмотря на громоздкость и

дороговизну оборудования, они постепенно появлялись в издательской практике в Европе и в России. Развитие техники издательского дела создавало возможность ее закупки типографами в регионах, а удешевление процесса печати посредством литографии и ротационных машин оказывало благотворное влияние на появление книгоиздательской деятельности в российских губерниях.

Вторым фактором, оказавшим большое влияние на развитие издательского дела в стране, стал процесс становления цензуры. Законодательство о цензуре в конце XVIII в. подробно изучено в трудах ведущего московского книговеда, доктора исторических наук А. Ю. Самарина [15].

В правление императора Александра I началось формирование цензурных органов в России. С 1802 г. типографии и порядок издания книг в империи учреждался по правилам екатерининского указа «О вольных типографиях» 1783 г., однако, «чтоб отныне рассматривание книг, внутри империи тиснению предаваемых в вольных типографиях, возложено было не на Управы благочиния, но на самих гражданских губернаторов, которые имеют к сему употреблять директоров народных училищ, и чтоб без одобрения их и без дозволения губернаторов ни одна книга не была издаваема» [12, т. 26, № 19807].

В 1804 г. был издан первый «Устав о цензуре и печати», состоявший из 48 статей, который был самым либеральным из всех последующих [12, т. 27, № 20139]. Роль цензуры заключалась в том, чтобы «доставить обществу книги и сочинения, способствующие и истинному просвещению ума, и образованию нравов, и удалить книги и сочинения, противные сему намерению» [16, с. 85].

Согласно цензурному уставу 1804 г., ничего нельзя было печатать в России без предварительной цензуры. Впрочем, «цензура в запрещении печатания или пропуска книг и сочинений руководствуется благоразумным снисхождением <...> когда место, подверженное сомнению, имеет двоякий смысл, в таком случае лучше истолковать оное выгоднейшим для сочинителя образом, нежели его преследовать» [16, с. 89]. Принятие этих двух нормативных актов значительно упорядочило законодательную базу об издательском деле, печатании книг, открыло путь развития книги в регионах.

Пересмотр цензурных правил был вызван событиями 14 декабря 1825 г. Устав 1826 г. усиливал «охранительное» направление в литературе и получил в мемуаристке название «чугунного». Под давлением общественности в 1828 г. был утвержден новый, более гибкий цензурный устав, определивший на последующие два десятилетия развитие

русской литературы, книги и печати. По уставу цензура делилась на внутреннюю и иностранную. Издания, получаемые по подписке, проверялись особыми цензорами почтового ведомства, составляющими систему перлюстрации России, подробно изученную доктором исторических наук В. С. Измозиком [6].

Для первой половины XIX в. характерен бурный рост количества ведомственных изданий, который был связан с деятельностью министра народного просвещения С. С. Уварова (1786–1855). Сергей Семенович, как разработчик идеологии официальной народности, активно внедрял ее в издательское дело. По его инициативе был принят ряд законов, направленных против издателей частных журналов, поэтому возникло много новых ведомственных журналов и газет.

Цензурная политика в отдельных регионах была обусловлена общественно-политическим, культурным и экономическим уровнем развития. Издательское дело появилось позже, нежели в столицах, и развивалось медленнее, но от этого контроль не был слабее. Как справедливо отмечал историк книги А. В. Блюм, с точки зрения формулировок советской исторической науки, «именно по отношению к провинции царизм проводил наиболее жесткую политику» [2, с. 11].

Отсюда следует, что дозволение выдавалось лишь в тех местах, где имелись достаточные средства для полицейского надзора: в губерниях, наиболее значительных уездных городах, но не в сельской местности. В регионах действовала трехуровневая система контроля издательской деятельности: полицмейстер; чиновник МВД; цензурный комитет.

Открытие книжных лавок, как наиболее удобных для полицейских осмотров, «разрешаемо было в большей мере, чем, например, типографий, литографий, словолитен и металлографии, надзор за особой бдительности и специально предназначенных для сего лиц» [16, с. 33]. В обычной цензурной практике отклонялись прошения об устройстве книжных заведений в удаленных частях уездов, а книжная торговля устраивались на многолюдных центральных улицах и площадях. Просители разрешений об открытии книжных заведений должны были иметь общее образование, сверх специального знания своего дела, обладать полной гражданской правоспособностью, также нужно было иметь поручительство известных местных обывателей о благонадежности, но самое главное, что разрешение, как отмечали документы, «должно быть принимаемо с крайней осмотрительностью и под личную ответственность полицейских чинов» [11, с. 33].

Сложившаяся цензурная практика не удовлетворяла правительство, назревала необходимость пересмотра законодательства о печати. Еще

в 1857 г. Александр II повелел приступить к созданию нового цензурного устава, но эта работа затянулась на много лет. До принятия основного закона о печати 1865 г., просуществовавшего до конца века, правительством предпринималась попытка создания полноценного закона – «Временных правил от 12 мая 1862 г.». Вводилась смешанная карательно-предупредительная система цензуры. Наблюдение за издательской деятельностью вверялось Главному управлению по делам печати при МВД. В 1865 г. Министерство внутренних дел издало особые правила и формы для ведения денежной отчетности по типографским суммам [18, с. 33]. Вскоре были изданы правила единства касс, введенных повсеместно, которыми был установлен особый порядок ведения бухгалтерских книг и форм счетоводства.

Отмена крепостного права в 1861 г. и изменение политического курса внесли изменения в развитие книгоиздания и книжной торговли. Издательское дело развивалось по нескольким направлениям (частное, государственное и ведомственное), а с течением времени происходил рост книжной продукции, расширялась читательская аудитория. Малообъемные книжки для массового читателя прочно вошли в издательский репертуар. Доминирующее положение занимала беллетристика, естественные науки, политическая литература, учебные издания. Гибкая издательская политика, ослабление цензурного контроля создали благоприятные условия для роста объемов книгоиздания.

Книгоиздание в провинции, по мнению И. И. Фроловой, возросло с 1855 по 1895 г. в 29 раз (в России в целом в 10 раз, в столицах в 7 раз), а в абсолютном выражении составило к 1895 г. примерно треть общероссийской книжной продукции [19, с. 12].

На волне революционного подъема в 1905 г. издатели фактически перестали обращаться к цензуре за разрешениями. Правительством были подготовлены «Временные правила о повременных изданиях». Предварительная цензура для изданий, выходивших в городах, административные взыскания и денежные залогов были отменены. Система административных взысканий, однако, продолжала применяться на основании Закона 1881 г. об исключительном положении, которое тогда было распространено на значительную часть территории России. Ответственность за преступления, совершенные посредством печати, определялась по суду. «Высочайший Манифест об усовершенствовании государственного порядка» от 17 октября 1905 г. открыл широкие возможности для развития издательского и книготоргового дела, особенно пробудил интерес к общественно-политическим изданиям. Если

в 1898 г. книги издавались в России в 198 городах, то через 20 лет – уже в 457 городах [19, с. 12–13].

Третьим фактором развития издательского дела в стране стало экономическое развитие государства, увеличение покупательской способности сельских и городских обывателей. Если в начале XIX в. существовала потребность в основном в акцидентных изданиях, то с развитием земской и общественно-городской деятельности с 1860-х гг. увеличивался поток книг и брошюр. В последнее десятилетие XIX в. книгоиздательство и книжная торговля России, перешедшие на капиталистическую основу, по данным Н. А. Рубакина, вступили в монополистическую фазу развития: «с 1887 по 1901 г., т.е. за пятнадцать лет, производство “книжного товара” (на одном только русском языке) увеличилось в России слишком в три раза, т.е. более чем на двести процентов. <...> Правда, 58 1/2 – 59 миллионов, сравнительно с 130-миллионным населением страны, из которых не более 40 миллионов человек грамотных – величина довольно-таки ничтожная, – то выходит меньше чем по 2 экземпляра книги на каждого грамотного в год <...> Интересно отметить относительно быстрый рост грамотности в городах и губерниях, именно в них за последние годы и выдвинулся тот читатель, который явился одним из активных потребителей книжного товара» [14, с. 8–10]. Улучшение материального положения стимулировало потребность в книжной продукции, что способствовало открытию типографий и книготорговых заведений в уездной России.

Четвертым фактором стала потребность в диалоге между властью и обществом, общественными объединениями и обществом посредством печатного слова – коммуникативный фактор развития зарождения и эволюции регионального книжного дела. Историки книги со времен М. Н. Куфаева отмечали «ведомственность провинциального книгоиздательства» [9, с. 100]. Однако для большинства ведомств книгоиздательская деятельность не была основной, а скорее сопутствующей. Ими издавались различные официальные издания: отчеты, программы, планы, то, что должно было фиксировать их основную деятельность. Самым крупным издателем провинции являлись губернские статистические комитеты. Издания комитетов представляли не столько служебный, а скорее научный и историко-культурный интерес.

Пятым фактором, повлиявшим на развитие издательского дела, стало развитие системы образования, распространение в губерниях различных школ (частных, земских, министерских, церковно-приходских). Открытие классических гимназий и реальных училищ, средних

специальных и высших учебных заведений стимулировало потребность в чтении и в книге.

По мнению Б. Н. Миронова, грамотность в России с 1807 по 1917 г. повысилась в 4 раза: с 8,1% до 30,1% [10, с. 482]. По подсчетам другого историка, А. Г. Рашина, с 1860-х гг. до 1908–1913 гг. грамотность сельского населения России повысилась в 5 раз: с 5–6% до 24–25%. В среднем уровень грамотности в 1908–1913 гг. колебался от 14,8% (Пензенская губерния) до 41,7% (Московская губерния) [13, с. 38]. Развитие образования стимулировало потребность в учебных и педагогических изданиях, а повышение образования – в чтении учебных, научных и литературно-художественных изданий.

Только сочетание пяти факторов (технического, цензурного, экономического, коммуникативного и образовательного) позволило возникнуть и широко распространиться печатному слову в регионах, а книге стать неотъемлемой частью повседневной жизни населения России. Региональное издательское дело отставало от столичного в развитии техники и конкуренции среди издателей, а большинство продукции составляло потребности различных государственных и земских учреждений. Ограниченность в материальных средствах побуждала типографов к нарушению закона, стимулировала обращения в суд надзирающих органов, чаще всего о подпольной печати и о нарушении ведения «шнуровых книг».

Для печати одного большого произведения нужно было оформлять заказ в нескольких типографиях, т.к. мощность их была невелика. По этой причине сложно отследить всю продукцию отдельного региона. Вследствие развитости полиграфической техники и конкуренции между типографиями в столицах авторы, в том числе из отдаленных губерний, отправляли печатать свои издания именно туда. Типографии в губерниях заключали в себе издательские и типографские функции, чем во многом и обусловлено их отличие от столичной печати.

В Российской империи книжное дело с момента его возникновения и до начала XX в. носило ведомственный характер. Правительство стремилось к полному контролю над процессом, который изначально являлся монополией государства. Частная инициатива сдерживалась посредством цензурных постановлений, нацеленных на приведение издательского дела «в порядок», удобный для государственного аппарата. Удешевление печатной продукции сделало издания более доступными по сравнению с XVIII в. Особенностью российского издательского процесса было также сочетание монополистических фирм производителей и мелких предприятий, которые продолжали играть значительную роль на рынке, что особенно проявлялось в региональном книжном деле.

Список источников и литературы:

1. Аверина Н.Ф. Пермские книжники. Пермь: Пушка, 2015. 300, [3] с.
2. Блюм А.В. Местная книга и цензура дореформенной России (1784–1860) : автореф. дис. ... канд. филол. наук (по специальности «Книговедение») / Моск. полигр. ин-т. М., 1966. 18 с.
3. Васильев В.И. Развитие издательско-полиграфической техники / отв. ред. Н.К. Ламан. М.: Наука, 1987. 254, [1] с.
4. Владимиров Л.И. Всеобщая история книги: Древ. мир. Средневековье. Возрождение. XVII в.: [Перевод]. М.: Книга, 1988. 310, [2] с.
5. Габдельганеева Г.Г. Полиграфия и печать в Казанской губернии 1800–1917 гг. Казань: Изд-во Казанского университета, 2005. 231, [1] с.
6. Измозик В.С. «Черные кабинеты»: история российской перлюстрации, XVIII – начало XX века. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 693, [2] с.
7. Коростин А.Ф. Начало литографии в России: 1816–1818: К 125-летию рус. литографии. М.: «Красный пролетарий», 1943. 152 с.
8. Курмаев М.В. Книжная культура Среднего Поволжья (конец XVIII – начало XX вв.). Самара: СНЦ РАН, 2008. 549 с.
9. Куфаев М.Н. История русской книги в XIX в. Л.: Культ.-просвет. кооп. т-во «Начатки знаний», 1927 [1926]. 354 с.
10. Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну : в 3-х т. – СПб.: «Дмитрий Буланин», 2015. Т. 3. 989, [1] с.
11. Немашкалов П.Г. Формирование традиций издательской культуры в российской провинции XIX – начала XX в.: (на материалах Ставропольской губернии и Кубанской области). Ставрополь : Изд-во СГПИ, 2010. 165, [1] с.
12. Полное собрание законов Российской империи: Собрание 2. [В 55-ти т. с указ.]. СПб.: Тип. 2 Отд-ния Собств. е. и. в. Канцелярии, 1830–1885.
13. Рашин А.Г. Грамотность и народное образование в XIX и начале XX века // Исторические записки. М., 1951. Т. 37. С. 28–80.
14. Рубакин Н.А. Книжный поток: факты и цифры из истории книжного дела в России за последние 15 лет // Русская мысль. 1903. № 3. С. 1–22.
15. Самарин А.Ю. Развитие книгопечатания и цензура в России (1760 – начало 1780-х годов) // Самарин А.Ю. Типографшники и книгопечатание : Очерки по истории книги в России второй половины XVIII века. М.: Пашков дом, 2015. С. 9–51.
16. Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1862 год: Напечатан по распоряжению М-ва нар. просвещения. СПб: тип. Мор. м-ва, 1862. 482 с.
17. Сборник циркуляров начальникам губерний по делам печати с 1-го сент. 1865 по 1-е янв. 1870 г. СПб., 1870. 280 с.
18. Сомов А.И. Литография // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Эфрона. СПб., 1903. Т. 34. С. 83.
19. Фролова И.И. К вопросу об источниках и перспективах исследования истории книгоиздания и книготорговли в провинции во второй половине XIX в. // Книга: Исслед. и материалы. М.: Книга, 1983. Сб. 46. С. 121–125.

Булгакова Л. А.

канд. ист. наук,
старший научн. сотр. СПбИИ РАН

Из истории «эпохи цензурного террора»: басня «Моль»

Революции 1848–1849 гг. в Европе вызвали жесточайшую политическую реакцию в России. Для высшего цензурного надзора 2 апреля 1848 г. был образован секретный комитет. Запрещалась публикация каких-либо рассуждений о правительственной политике и государственных учреждениях. Под страхом наказания цензоры совершали множество нелепостей, выискивая скрытый подтекст и мнимые намеки даже в далеких от политики сочинениях. Цензурным притеснениям и преследованиям подверглись известные писатели и журналисты. Публикуемая басня отражает общественные настроения после кончины Николая I и предвещает переход к политике гласности.

Ключевые слова: цензура, секретный комитет, басня, Николай I, гласность.

Revolutions of 1848-1849 in Europe caused the most severe political reaction in Russia. A Secret Committee for the Supreme Censorship Supervision was formed on April 2, 1848. Publication of any reasoning about government policies and their institutions was prohibited. Under the penalty of punishment, the censors committed a lot of absurdities, looking for hidden subtext and imaginary hints even in the writings, which were far from politics. Well-known writers and journalists have been censored and persecuted. The published fable reflects the public attitudes after the death of Nicholas I and foreshadows the transition to a policy of publicity.

Keywords: censorship, secret committee, fable, Nicholas I, publicity.

В истории России 1848–1855 гг. запечатлелись как «мрачное семилетие» и «эпоха цензурного террора» [5, с. 348–397; 3, с. 183–308; 6]. Волна революций захлестнула в 1848–1849 гг. Европу. Поддерживая монархические режимы в духе принципов Священного союза, Россия заслужила нелестную репутацию «жандарма Европы». В самой России, казалось бы, ничто не предвещало бурю. Посреди буйства волн она, по образному выражению Федора Тютчева, стояла, как «утес могучий». Однако опасность проникновения революционных идей и распространения вольнодумства осознавалось в верхах. Для упрочения устоев самодержавия были приняты чрезвычайные меры. «Весна народов» в Европе отозвалась жесточайшей реакцией в России.

Пристальное внимание правительства было обращено на «состояние умов» и печать как средоточие идейной жизни русского общества. 27 февраля 1848 г. под председательством морского министра князя А.С. Меншикова был учрежден Комитет для рассмотрения действий цензуры и соблюдения журналами их программы. Меншиковскому комитету хватило одного месяца, чтобы прийти к выводу о неудовлетворительности цензуры. 29 марта он завершил свою работу, уступив место новому комитету, учрежденному на постоянной основе.

2 апреля 1848 г. состоялось первое заседание Комитета для высшего надзора в нравственном и политическом отношении за духом и направлением печатаемых в России произведений. Для краткости этот комитет обычно называют «Комитетом 2 апреля 1848 года» или «Бутурлинским» по имени его первого председателя Д.П. Бутурлина, генерал-майора в отставке, действительного тайного советника, сенатора, члена Государственного совета, с 1843 г. директора Императорской Публичной библиотеки.

После смерти Бутурлина в октябре 1849 г. комитет возглавил генерал-адъютант, член Государственного совета Н.Н. Анненков. Во время его отсутствия председательствовал в комитете статс-секретарь М.А. Корф, сменивший Бутурлина на посту директора Императорской Публичной библиотеки. В апреле 1855 г. Корф был утвержден председателем комитета. В состав комитета в разное время входили: статс-секретарь, доктор права П.И. Дегай, статс-секретарь, член Государственного совета князь А.Ф. Голицын, министр просвещения А.С. Норов и некоторые другие облеченные доверием императора Николая I лица.

Бутурлинский комитет стал символом цензурного террора и оголтелой реакции. В его функции входил надзор за всеми печатными изданиями, включая литографированные учебные пособия и руководства, объявления и лубочные картинки. Комитет являлся промежуточным звеном между императором и ведомствами, имевшими отношение к печати. Повинуясь воле государя, члены комитета, в той или иной мере не чуждые учености и литературных занятий, с маниакальным рвением принялись изгонять из русской печати даже тень свободомыслия. Категорически не допускались какие-либо суждения о государственных учреждениях и властях любого уровня.

Деятельность комитета была окутана завесой секретности, открывая простор для произвола и наводя ужас как на цензоров, так и на литераторов. Под страхом служебного взыскания и увольнения цензоры выискивали между строк скрытые намеки и политический подтекст. Исто-

рия цензуры в России и раньше изобиловала примерами мракобесия, достаточно вспомнить «подвиги» М.Л. Магницкого и Д.П. Рунича или «чугунный» Устав о цензуре 1826 г., действовавший менее двух лет. На этот раз произвол достиг своей кульминации и не стал кратковременным эпизодом в истории русской печати.

Атмосфера панического страха породила тьму нелепостей в цензурных делах. Например, профессор С.-Петербургского университета, цензор и литературный критик А.В. Никитенко 25 февраля 1853 г. записал в своем дневнике: «Цензор Ахматов остановил печатание одной арифметики, потому что между цифрами какой-то задачи помещен ряд точек. Он подозревает здесь какой-то умысел составителя арифметики. Цензор Елагин не пропустил в одной географической статье места, где говорится, что в Сибири ездят на собаках. Он мотивировал свое запрещение необходимостью, чтобы это известие предварительно получило подтверждение со стороны министерства внутренних дел. <...> Цензора все свои нелепости сваливают на негласный комитет, ссылаясь на него, как на пугало, которое грозит наказанием за каждое напечатанное слово» [4; 2].

Плоды деятельности Бутурлинского комитета были весьма ощутимыми. Изданный в 1845 г. «Карманный словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка», послужил одним из оснований для возбуждения известного дела петрашевцев. Было запрещено переиздание опубликованной еще в 1802–1803 гг. переписки императрицы Екатерины II с Вольтером. В верноподданническом усердии Бутурлин предложил закрыть университеты. Хотя университеты устояли, численность студентов была ограничена, а защищавший университеты министр просвещения С.С. Уваров, несмотря на присущую ему изворотливость, вынужден был уйти в отставку. Цензурным притеснениям и преследованиям подверглись А.Н. Островский, И.С. Тургенев, братья И.С. и К.С. Аксаковы...

К концу царствования Николая I назрела необходимость пересмотра цензурной политики. Бессмысленность и вред «цензурного террора» ощущались даже в верхах. «Самое важное из настоящих дел то, которое касается цензуры, то есть уничтожения негласного комитета, а с ним вместе и большинства цензурных бедствий и нелепостей. Задача в том, чтобы ввести цензуру в рамки, где не было бы места произволу людей недобросовестных и невежественных, которые теперь располагают ею ко вреду просвещения», – записал Никитенко 15 декабря 1854 г. [4].

18 февраля 1855 г. скончался Николай I, и уже 20 марта Никитенко с воодушевлением отметил: «Настает пора положить предел этому страшному гонению мысли, этому произволу невежд, которые сделали

из цензуры съезжую и обращаются с мыслями как с ворами и пьяницами» [4]. Хотя в последние годы царствования Николая I принимались меры к улучшению состава цензоров, повышению их образованности, компетентности и материальной обеспеченности, в памяти поколений остался пережитый страх и ужас деспотизма.

После кончины императора Николая Павловича по рукам ходили критические и сатирические стихи, авторы которых по вполне понятным причинам пожелали остаться неизвестными. Среди этих стихов разного достоинства была и публикуемая ниже басня «Моль», в которой речь шла о Бутурлинском комитете. Басня обнаружена в «Рукописном сборнике разных неизданных сочинений в стихах и прозе», хранящемся в Пушкинском Доме [1, л. 372 об.-373]. Сборник принадлежал надворному советнику Александру Ивановичу Стригоцкому, исправлявшему должность обер-секретаря 4-го департамента Правительствующего Сената. Едва ли не впервые в русских баснях появляется моль, ставшая популярным отрицательным персонажем у баснописцев вплоть до Сергея Михалкова и современных авторов.

Моль

Есть где-то, говорят, на берегу морском
Какой-то старый дом, огромный,
Где окна заперты, завешаны кругом,
Затем и душно в нем, и темно,
И расплодилась моль: летает тут и там,
И портит то и се среди зимы и лета,
Нет от нее житья в дому по всем углам.
Хозяин, не любитель света,
Убедился в том, что моль наносит вред,
И доказал притом богатство доброй воли:
Из самых умных слуг составил Комитет
Для истребления моли.*
Чтоб от такого зла хозяина спасти,
Один советует – дом снова перестроить,
Тот – дальше от ворот снести,
Кто – стражу вокруг него удвоить,
Тот – выше приподнять забор,
Кто ж похитрее был в ученом Комитете,
Тот предлагал расставить сети!..

«Нет», – вдруг какой-то хват сказал, – «все это вздор!
Смешно нам моль ловить ловушкой...
По мне уж разом я ее огрею пушкой!..»
Возник меж членов жаркий спор,
Как бы в журналах, иль в газетах,
И чем же кончилось? Как часто в комитетах,
Ничем... И молью дом весь полон до сих пор.
А мог бы, кажется, хозяин доброхотный
Без Комитета свой избавить дом от бед:
Ведь стоило ему открыть в нем просто окна,
Чтоб вольный воздух был и свет.

* Секретный цензурный комитет (прим. в рукописи).

В конце басни сделана помета: «Списано 10-го ноября 1855 г.». Буртурлинский комитет доживал уже последние дни и 5 декабря 1855 г. был упразднен по всеподданнейшему докладу М.А. Корфа. Басня стала как бы прологом к политике гласности и ознаменовала собой зарождение сатирического направления в литературе и журналистике, которое получило название обличительного. Цензурный террор потерпел фиаско. Как и следовало ожидать, попытку повернуть течение мысли вспять постигла неудача. Цензурные тиски ослаблялись, предвещая наступление новой эпохи – эпохи Великих реформ.

Список источников и литературы:

1. Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом). Ф. 265 («Русская старина»). Оп. 3. № 22.
2. Березина В.Г. Цензор о цензуре (А.В. Никитенко и его «Дневник») // Русская литература 1995. № 1. [Электронный ресурс] URL: <http://vivovoco.astronet.ru/VV/THEME/STOP/NIK1.HTM> (дата обращения: 21.06.2018).
3. Лемке М.К. Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия. СПб.: «Труд», 1904. – 427 с.
4. Никитенко А.В. Записки и дневник. М.: Захаров, 2005. Т. 1. 640 с. [Электронный ресурс] URL: http://az.lib.ru/n/nikitenko_a_w/text_0030.shtml (дата обращения: 21.06.2018).
5. Скабичевский А.М. Очерки истории русской цензуры (1700–1863 г.). СПб.: Ф. Павленков, 1892. 495 с.
6. Старкова Л.К. «Цензурный террор» 1848–1855 гг. Саратов: Изд-во Саратов. пед. ин-та, 2000. 27 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.1543.su/VIVOVOCO/VV/THEME/STOP/STARKOVA.HTM> (дата обращения: 21.06.2018).

УДК 94(47) «185/190»

Барыкина И. Е.

д-р ист. наук,
профессор кафедры социального образования
Санкт-Петербургской академии
постдипломного педагогического образования
(г. Санкт-Петербург)

**«Голос из Германии 1859 года».
Неизвестная статья гр. Д. Н. Толстого**

В статье уточняется авторство и рассматривается содержание брошюры, написанной в 1859 г. о последствиях австро-итало-французской войны. Сочинение было опубликовано М.П. Погодиным в сборнике «Утро» в 1868 г. Интерес издателя объясняется актуальностью сочинения, в котором анализируется внутренняя политика Австро-Венгрии и процесс объединения Германии; даются политические прогнозы, подтвердившиеся спустя десять лет. Российское общество во второй половине XIX столетия внимательно следило за событиями в Австро-Венгрии, рассматривая их как образец внутренней политики, но различные течения общественной мысли предполагали по-разному использовать этот опыт. Статья, опубликованная в сборнике «Утро», пополняет наши представления о политическом спектре российского общества эпохи великих реформ, позволяет внести уточнения в понимание российского консерватизма и либерализма.

Ключевые слова: политическая идеология, печать, реформы, внутренняя политика, бюрократия, биография.

The article specifies authorship and considers the contents of the pamphlet written in 1859 on the consequences of the Austro-Italian-French war. The work was published by M.P. Pogodin in the collection «Utro» in 1868. The interest of the publisher is due to the relevance of the work, which analyzes the internal policy of Austria-Hungary and the process of unification of Germany; political forecasts are given, confirmed after ten years. Russian society in the second half of the XIX century closely followed the events in Austria-Hungary, considering them as an example of domestic policy, but various trends of social thought presupposed different use of this experience. The article, published in the collection «Utro», completes our understanding of the political spectrum of the Russian society of the era of great reforms, allows us to clarify the understanding of Russian conservatism and liberalism.

Keywords: political ideology, press, reforms, domestic policy, bureaucracy, biography.

В черновиках историка В.Г. Чернухи есть тонкое и остроумное рассуждение об изучении *curriculum vitae* государственных деятелей первого и второго планов. К первым историк относит «человека с биографией», ко вторым — «человека без биографии». «Когда судьба поставила человека в важный момент у руля — вынесла — и тогда нужно для выяснения магистральной линии развития изучать их биографию <...> А есть люди, оставшиеся на втором плане. Надо решать относительно формы воплощения их исторического бытования: подробная политическая биография, биографическая статья для словаря или вообще одна из статей составителя» [6, с. 465].

Вторая половина XIX столетия в Российской империи изобилует яркими примерами деятелей «с биографией» и «без биографии», причем некоторые родовитые дворянские семейства дали системе государственного управления тех и других. Так, в одной из ветвей графского рода Толстых тесно переплелись судьбы дяди — Дмитрия Николаевича — и племянника — Дмитрия Андреевича.

Граф Д.Н. Толстой в историографии традиционно рассматривается как «человек без биографии»: краткие взлеты его служебной карьеры были связаны в разное время с руководством Рязанской, Калужской и Воронежскими губерниями во второй половине 1850-х гг., а венцом стал пост директора Департамента полиции исполнительной Министерства внутренних дел в 1861–1863 гг. О гр. Д.Н. Толстом написаны биографические статьи [2; 3; 13, с. 62–64; 21, с. 174–216;], но подробная биография еще ждет своего часа. Это объясняется тем, что на российском политическом олимпе 1860-х гг. на смену Дмитрию Николаевичу пришел его племянник, Дмитрий Андреевич Толстой, вошедший в историю как государственный деятель первого плана, неоднократно занимавший министерские посты в царствование Александра II (обер-прокурора Святейшего Синода в 1865–1880 гг.; министр народного просвещения в 1866–1880 гг.) и Александра III (министр внутренних дел и президент Императорской академии наук в 1882–1889 гг.), и затмивший своего дядюшку. Однако своей карьерой гр. Д.А. Толстой был обязан гр. Д.Н. Толстому, благодаря хлопотам которого в 1836 г. он был устроен в Царскосельский Лицей [7, с. 234], а в 1847 г. получил должность чиновника особых поручений в Департаменте дел иностранных исповеданий МВД [1, с. 104].

Одновременно, следуя примеру своего дядюшки, гр. Д.А. Толстой стал помещать в журналах публицистические сочинения, обличая прозелитизм католического духовенства. Очень часто дядя и племянник

подписывали одинаково: «гр. Д. Т.» или «гр. Д. Толстой». Это затрудняет атрибуцию документов, как в случае с одной из статей в газете «Наше время» за 1860 г., ошибочно приписываемой Д.А. Толстому [15], и неизвестной запиской гр. Д.Н. Толстого, обнаруженной И.Е. Дроновым и отнесенной к авторству гр. Д.А. Толстого [5].

Такая же ошибка, очевидно, была допущена М.П. Погодиным, издателем сборника «Утро», при публикации другой статьи Д.Н. Толстого. В свет вышли три номера этого сборника – в 1859, 1866 и 1868 гг. Если первый выпуск был заявлен как литературный, то в заголовке второго и третьего номера было добавлено «и политический». Содержание сборника, причины и условия его издания рассмотрела Н.А. Сугако. Она подчеркнула, что экономические и политические положения, намеченные во втором томе сборника, не получили развития в третьем (и последнем) выпуске. Внимание современного историка «привлекли две статьи, посвященные политическому развитию Германии и затрагивавшие проблему восточной границы Франции. Но они не принадлежали перу М.П. Погодина» [14, с. 24].

В оглавлении третьего тома значатся две статьи на политическую тему: «Голос из Германии 1859 года» [18, с. 1–38] и «Рейнский вопрос и границы Франции» [18, с. 65–92]. Авторство обеих публикаций обозначено инициалами, однако примечание редактора к первой статье раскрывает имя сочинителя: «Нам нечаянно попала на глаза эта брошюра, напечатанная на французском языке за восемь лет в Брюсселе. <...> Полное заглавие брошюры: *Une voix d'Allemagne, par le comte Dmitry Tolstoy*. <...>» [18, с. 1]. Из оглавления следует, что статья принадлежит перу «Г.Д.А.Т.», т.е. публикатор сборника предположил, что «Дмитрий Толстой» не кто иной, как гр. Дмитрий Андреевич Толстой. Это не удивительно, в 1868 г. гр. Д.А. Толстой переживал первый взлет своей служебной карьеры, за два года до этого он занял пост министра народного просвещения и рьяно принялся за введение в гимназии классического образования. Тем не менее, содержание статьи и сопоставление биографических дат дяди и племянника дают основание полагать, что ее автором был гр. Дмитрий Николаевич Толстой.

В статье рассматриваются причины и итоги австро-итало-французской войны 1859 г., в которой войска Пьемонта (Сардинского королевства) и Франции разбили австрийскую армию в сражениях при Мадженте и Сольферино. Российская империя придерживалась нейтралитета, между тем Пруссия начала переброску войск к Рейну, что создавало угрозу Франции. В результате Наполеон III заключил с Австрией Вил-

лафранкское перемирие, по которому Австрия отказывалась от Ломбардии. Таким образом, был сделан шаг по пути объединения Италии [22].

В эпоху Нового времени российские государственные и общественные деятели внимательно наблюдали за процессами, происходившими в европейских странах. Начиная с XVII в., российская политическая элита при подготовке экономических и политических преобразований неизменно обращалась к западноевропейскому опыту. В XIX в. российское общество внимательно следило за событиями в Западной Европе, не только потому, что они влияли на внутреннюю и внешнюю политику Империи, но и потому, что происходящее за рубежом являлось наглядным доказательством преимуществ или издержек определенного политического курса. Петербургский историк Л.Ю. Гусман рассмотрел один из малоизученных аспектов этого явления – систематическое обращение либеральных публицистов пореформенной эпохи к австрийскому опыту [8]. Он подчеркнул, что «обостренное внимание в России к введению конституционного устройства в Австрии (а затем в Австро-Венгрии) и его идеализация» объясняется тем, что эта империя, имеющая много общих черт с Россией, после поражения в войнах с Пьемонтом и Пруссией «нашла в себе силы к внутренним преобразованиям и сохранению хрупкого межнационального мира» [8, с. 319]. Л.Ю. Гусман вслед за В.Г. Чернухой справедливо отметил интерес министра внутренних дел П.А. Валуева к австрийскому опыту реформ в области государственного управления и использования его в проекте преобразования Государственного совета [19, с. 300].

Д.Н. Толстой также занимался изучением деятельности австрийского правительства. В 1838 г. по поручению министра государственных имуществ П.Д. Киселева он посетил Австрию, где ознакомился с результатами аграрной реформы. Однако он отрицательно оценил реформаторскую деятельность австрийской администрации в сфере сельского управления, придя к выводу, что наделение крестьян землей разрушает общинный уклад, способствует развитию крестьянского индивидуализма и тем самым пагубно сказывается на патриотических чувствах населения [11, л. 3 об].

«Голос из Германии», в свою очередь, невысоко оценивает реформаторские действия австро-венгерских властей. Осенью 1858 г. гр. Д.Н. Толстой, выйдя в отставку с поста калужского губернатора, отправился в заграничное путешествие, продлившееся около года. В 1858–1859 гг. он посетил Париж и Прагу [9, с. 419], входившую в то время в состав Австро-Венгрии, и оказался свидетелем событий, о которых повествует

«Голос из Германии». Вернувшись из путешествия в конце 1859 – начале 1860 г., он вновь занял губернаторскую должность, на этот раз в Воронежской губернии [9, с. 419]. Его племянник находился в заграничном отпуске на лечении за год до описываемых событий – с мая 1857 г. по май 1858 г., а затем продолжил службу в Морском министерстве и до 1860 г. вместе с другими «константиновцами» участвовал в составлении нового положения об управлении морским ведомством, в 1861 г. занимался вводом в действие нового портового образования [20, с. 660]. Эти занятия не оставляли ему времени для заграничных путешествий.

Стилистика и основная идея сочинения свидетельствуют об авторстве гр. Д.Н. Толстого. Главной причиной и итогом австро-итало-французской войны 1859 г. автор статьи считает деятельность католической церкви, распространение ее влияния в Австрии. «Духовенство, испуганное возможностью секуляризации (отчуждения) Римских владений оружием Франции, восстановило народ против Лудовика Наполеона, своими проповедями, постановлениями <...> религия, как обыкновенно, была искусно обращена в орудие политики <...>» [18, с. 7]. Свои взгляды по этому вопросу гр. Д.Н. Толстой по возвращении в Россию высказал в статье «Ответ русского на пастырское послание латинского епископа», помещенной в газете «Наше время» в 1860 г. [15, с. 26–27] Авторство этой статьи ошибочно приписывали Д.А. Толстому, которого дядюшка привлек к активному участию в дискуссии по конфессиональным проблемам [16; 17]. Подпись под статьей выглядит как «г. Д. Толстой», тогда как публикации в двух других номерах газеты «Наше время» подписаны «Д.А. Толстой». Несмотря на то, что «Ответ русского...» продолжает конфессиональную полемику, статья посвящена другому ее аспекту, отличному от публицистических произведений Д.А. Толстого – не католической пропаганде, а отношениям православной церкви с государством. И, наконец, ее автору были хорошо известны взгляды В.В. Скрипицына, он ссылается на его позицию по отношению к католической церкви. Д.Н. Толстой был близким другом В.В. Скрипицына, директора Департамента духовных дел иностранных исповеданий МВД. И сам автор статьи, и В.В. Скрипицын указывали, что русская православная церковь не зависит от светской власти, поскольку император всероссийский никогда не посягал на духовную власть. Он является «верным сыном» церкви, но в гражданской сфере священники обязаны ему подчиняться, как и все остальное население [15].

В «Ответе русского...» отмечается, что главное заблуждение католиков состоит в преклонении перед папой римским, тогда как православ-

ная церковь почитает своей главою только Христа. Д.Н. Толстой считал, что из признания главенства папы вытекает возможность противопоставления духовенства светской власти в католическом мире, возникновения государства в государстве, причем в таком случае светская власть подчиняется духовной. В то же время Д.Н. Толстой отстаивал тезис о независимости русской православной церкви и ее единстве с российскими императорами, которые, «как старшие сыны церкви, оберегают и поддерживают ее, но не владеют над нею» [15, с. 27].

Мысли, высказанные Д.Н. Толстым, были широко распространены в те годы и в российском правительстве, и в обществе. Они прозвучали в конфессиональной полемике – своеобразной информационной войне – развернувшейся между представителями католического и православного мира в середине XIX в. на страницах отечественных и зарубежных периодических изданий [4]. Д.Н. Толстой избрал предметом своей критики вмешательство Ватикана в международные отношения и внутривосточные дела европейских государств; начало было положено «Голосом из Германии», а продолжение последовало в «Ответе русского...».

Вместе с тем «Голос из Германии» не ограничивается конфессиональной полемикой, он рассматривает различные аспекты процесса объединения Германии. В первом абзаце автор подчеркивает, что «политическое движение, недавно проявившееся в Германии» в адресах, «которые подписываются по городам в пользу Германского союза <...> полно будущности и не преминет произвести решительное влияние не только на эту страну, но и вообще на ее отношения в Европе» [12]. Д.Н. Толстой отмечает, что внутривосточный кризис во Франции может стать предпосылкой активизации ее внешней политики: «Внутреннее состояние Франции таково, что переворот неминуем, если внимание не будет отвлечено от внутренних вопросов, и не обращено к чужестранной политике, которою так удобно развлекать общее мнение» [18, с. 42]. Справедливо и замечание о роли войны в процессе объединения Германии: «Одна война может уничтожить разрозненность второклассных государств, и доставить Германии то внутреннее единство, о котором мечтает столько патриотов. Вторжение Франции, например, на которое нельзя смотреть как на совершенно невозможное в течение времени, сделало бы, может быть, больше добра Германии, чем всякие мирные волнения; но бедствия войны никогда желать не должно» [18, с. 37]. Эти прогнозы и заключительный абзац с выражением сожаления о будущем Франции [18, с. 38] и привлекли внимание М.П. Погодина, опу-

бликовавшего рассуждения Д.Н. Толстого в своем сборнике накануне франко-прусской войны «как образчик политического чутья» [18, с. 3].

Однако остальные выводы Д.Н. Толстого ставят под сомнение столь высокую оценку. Центром объединения государств, население которых говорит на немецком языке, он считает Австрию, несмотря на то, что «Австрия вовсе не Германия, и даже не немецкая страна» [18, с. 41]. Анализируя действия властей Пруссии, автор отмечает предположения о стремлении этой страны к насильственному объединению Германии: «С давних времен и неизвестно почему, этому государству приписывают стремление к завоеваниям и насильственному вторжению внутрь самой Германии. Кто не узнает Австрии по этой нелепой и гнусной клевете?» [18, с. 30]. Нападки автора на Австрию были продиктованы не только религиозными, но и идеологическими мотивами. Д.Н. Толстой яростно критикует преобразования в области государственного устройства, вызвавшие одобрительные оценки российских конституционалистов: «Австрия надевает маску либерализма; она прикидывается, будто идет наравне с веком, потому что ее беспокоят успехи Пруссии в Германии; она как будто понимает наконец, что, прибегая к притеснительным мерам и укрепляя status quo, она не удержит своей популярности, совершенно случайной, благодаря обстоятельствам. Она должна была показывать расположение к цивилизации и прогрессу» [18, с. 31].

В Австрии автор видит «чудовищный союз либерализма с папизмом» [18, с. 8]. Этот тезис показателен при оценке политических взглядов Д.Н. Толстого. Он сам характеризовал свою позицию как «умеренно-либеральную» [10, с. 25]. Между тем, российский консерватизм и либерализм XIX в. представляют сложное и многофакторное явление, что отмечали современники. Критериями идентификации общественно-политических течений в Западной Европе служат отношение к центральному представительному органу (парламенту), к правам личности и к частной собственности. Сторонники парламента, всеобщего избирательного права, политических и гражданских прав и свобод, отстаивающие частную собственность, характеризуются как либералы, а их политические противники – как консерваторы. Но эти критерии не отражают специфики российского общественного движения.

К выводу о некорректности применения западной политической терминологии к российским реалиям пришел современный американский историк А. Рибер: «Политический язык, использовавшийся как в XIX веке, так и большинством историков, начиная с того времени и до сих пор, сформирован на основании опыта западноевропейских стран. Если его приме-

нять в контексте русской истории, то это лишь сбивает с толку и уводит в сторону от истины. <...> Если речь идет о требовании конституционного представительства и защите частной собственности, тогда «либералами» нужно объявить дворян <...> Таким образом, для описания политической жизни России требуется совершенно иная терминология» [12].

Взгляды Д.Н. Толстого скорее можно назвать охранительными или православно-консервативными, если понимать под этим защиту ценностей российского традиционного общества: монархии, религии, сословного строя, помещичьего землевладения и т.п. Эти идеи звучат и в других сочинениях Д.Н. Толстого: его мемуарах, записках (в том числе о внутреннем положении России, составленной в 1865 г.), статьях, письмах. Определение общественно-политической позиции гр. Д.Н. Толстого имеет значение для объяснения мировоззрения его племянника, будущего министра гр. Д.А. Толстого, сформировавшегося как государственный деятель во многом под влиянием дяди. Статья, опубликованная в сборнике «Утро», пополняет наши представления о политическом спектре российского общества эпохи великих реформ, позволяет внести уточнения в понимание российского консерватизма и либерализма.

Список источников и литературы:

1. Барыкина И.Е. Гр. Д.А. Толстой и его труды: дисс. ... канд. ист. наук / С.-Петербург. ин-т истории РАН. СПб., 2006. 289 с.
2. Барыкина И.Е. Граф Д.Н. Толстой: биография «обыкновенного человека» // Известия Смоленского государственного университета. 2012. № 4 (20). С. 205–214.
3. Барыкина И.Е. Из записок графа Д. Н. Толстого: особенности государственного управления 1820-х–1860-х гг. // Петербургский исторический журнал. 2015. № 2 (06). С. 79–100.
4. Барыкина И.Е. Конфессиональный спор в середине XIX века как предмет научного исследования // Церковь и время. 2005. №3 (32). С. 99–124.
5. Барыкина И.Е. Об авторстве записки о внутреннем положении России в 1865 г. // Вопросы истории. 2013. № 9. С. 169–175.
6. Барыкина И.Е. Проблема единства государственного управления Российской империи во второй половине XIX в.: Из черновики В.Г. Чернухи (1930–2014) // Санкт-Петербургский институт истории РАН в документах XIX–XX веков. СПб.: Нестор-История, 2016. (Труды Санкт-Петербургского Института истории РАН; вып. 2(18)). С. 428–476.
7. Барыкина И.Е. Родственное окружение гр. Д.А. Толстого. Материалы для биографии // Клио. 2006. № 3 (34). С. 228–236.

8. Гусман Л.Ю. Политические преобразования в Австрии глазами русских конституционалистов. (Вторая половина XIX в.) // Российская история XIX–XX веков: Государство и общество. События и люди. Сб. статей / Отв. ред. чл.-корр. РАН Р.Ш. Ганелин. СПб.: Лики России, 2013. С. 302–319.
9. Записки М.Д. Бутурлина. Т. II. М.: Русская усадьба, 2006. 543 с.
10. Из записок графа Д.Н. Толстого // Русский архив. 1885. Кн. 2. № 5. С. 5–70.
11. Письмо Д.Н. Толстого П.И. Кеппену 30 июля 1838 г. // ПФА РАН. Ф. 30. Оп. 3. Д. 293.
12. Рибер А.Дж. Групповые интересы в борьбе вокруг Великих реформ // Великие реформы в России. 1856–1874. М., 1992. [Электронный ресурс] URL: <http://knigi.link/russia-history/formirovanie-grupповыih-interesov-5935.html> (дата обращения 25.06.2016).
13. Русский биографический словарь: неопубликованные материалы: в 8 т. / сост. и предисл. М. П. Лепехина. М.: Аспект Пресс, 1997–2000. [Т. 7 доп.]: Тобизен – Тургенев / [ред.: В. В. Майков]. 1999. 303 с.
14. Сугако Н.А. Общественно-политические взгляды М.П. Погодина // Веснік БДУ. Сер. 3. 2007. № 3. С. 22–28.
15. Толстой Д. Ответ русского на пастырское послание латинского епископа // Наше время. 1860. № 2. С. 26–27.
16. Толстой Д.А. Отрывок из письма. (Несколько слов о г-же Свечиной) // Наше время. 1860. № 1. С. 8–9.
17. Толстой Д.А. Какого рода самостоятельность папства может пострадать от уничтожения светской власти папы // Наше время. 1860. № 7. С. 102–103.
18. Утро : литературный и политический сборник. М., 1868. Т. 3. 438 с.
19. Чернуха В.Г. Альтернативная программа имперской политики России эпохи великих реформ // Власть, общество и реформы в России: история, источники, историография. Материалы Всероссийской научной конференции 6–7 декабря 2006 года. СПб.: Олеариус Пресс, 2007. С. 295–302.
20. Шилов Д.Н. Государственные деятели Российской империи. Главы высших и центральных учреждений в 1802–1917. Биобиблиографический справочник. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. 830 с.
21. Tolstoy N. The Tolstoys: twenty-four generations of Russian history. N.Y.: William Morrow & Co, 1986. 368 p.
22. ХРОНОС [Электронный ресурс] URL: <http://www.hrono.info/sobyt/1800sob/1859avstritfr.php> (дата обращения 04.12.2017)

УДК 908

Годовова Е. В.

канд. ист. наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Оренбургского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
(г. Оренбург)

Город Оренбург середины XIX века глазами современников-иностранцев¹

В статье представлен облик города Оренбурга середины XIX в. В качестве источника использованы воспоминания немецкого путешественника графа фон Хельмерсена и военного инженера генерал-лейтенанта И.Ф. Бларамберга, который служил в Оренбурге в 1840–1855 гг. Интерес представляет не только описание современниками-иностранцами климата и внешнего облика города, но и та характеристика, которую они дали жителям Оренбурга и их повседневной жизни.

Ключевые слова: город Оренбург, воспоминания, граф фон Хельмерсен, И.Ф. Бларамберг, повседневная жизнь.

The article presents the appearance of the city of Orenburg in the middle of the nineteenth century. As a source the author used the memories of the German traveler Count von Helmersen and the military engineer Lieutenant-General I.F. Blarambergh, who served in Orenburg in 1840-1855. These memories are interesting not only for the description of the climate and the external appearance of the city by contemporaries and foreigners, but also for the characteristic that they gave to the inhabitants of Orenburg and their daily life.

Keywords: Orenburg city, memories, count von Helmersen, I.F. Blaramberg, everyday life.

Основанный в 1743 г. на границе с Азией, город Оренбург привлекал внимание людей, оказавшихся в нем случайно или по службе. Некоторые из тех, кто в середине XIX в. волей судьбы попал в Оренбург,

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №17-18-01008), реализуемого в Оренбургском государственном педагогическом университете.

оставили записи, отражающие облик и жизнь города того времени. В основе данной статьи лежат воспоминания, составленные немецким путешественником графом фон Хельмерсенем и военным инженером генерал-лейтенантом И.Ф. Бларамбергом, который служил в Оренбурге в 1840–1855 гг.

Город Оренбург был расположен на высоком правом берегу реки Урала в степи. Постоянного моста через Урал в середине XIX века не было. Зимой его можно было перейти по льду, весной – при высоком уровне воды – использовали паром, летом – прокладывали понтонный мост. В жаркие годы Урал настолько мелел, что его можно было перейти вброд рядом с мостом; поэтому здесь могли ходить только маленькие суда. Как надежный водный путь эту реку использовали только под Уральском. В окрестностях же Оренбурга Урал имел огромное значение для луговодства, поскольку от весеннего паводка зависел урожай сена. На паводки Урала в большей степени влияла быстрота таяния выпавшего зимой снега, чем его количество. Если снег таял постепенно, то наводнение длилось дольше и за ним не следовало значительное затопление. Если же в начале апреля, как это часто бывало, внезапно становилось теплее, то Урал поднимался на большую высоту и затоплял свои плоские берега на много верст. Зимой с 1833 на 1834 год выпало необычайно много снега, но Урал, вопреки ожиданиям, поднялся весной 1834 г. только на 17 футов (английских) над своим обычным уровнем, а этого было недостаточно, чтобы оросить удаленные от берега луга [2].

Современники отмечали, что для этой местности характерен резко континентальный климат: суровые зимы и жаркое лето. Каждую зиму термометр мог опуститься до 28–30 градусов ниже нуля, а летом подниматься до 26 градусов в тени. Переход от зимы к лету почти внезапный. В феврале и марте в отдельные дни средняя температура еще опускается до 15 и 10 градусов ниже нуля, в апреле же она поднимается до +13 градусов. Ближе к концу мая и середине июня жара уже становится очень давящей, палящие солнечные лучи и горячие сухие ветры вытягивают влагу из почвы, трава сохнет, и степь приобретает мертвую бледно-желтую окраску, которая придает ей утомительный вид песчаной пустыни. Лишь на более влажных почвах и на берегах рек трава и позже остается зеленой. В июне и июле жара часто достигает невыносимой степени. Песчаная почва города раскаляется от жары и отражает солнечные лучи. В обеденные часы здесь закрывают оконные ставни. Около 10 часов утра регулярно поднимается ветер, который набирает силу до 1 или 2 часов послеобеденного времени, а после 6 или 7 часов вечера имеет

обыкновение прекращаться. Так как улицы не мощеные, он поднимает тучи пыли. Бури, или так называемые летние бураны, хоть в это время года и неопасны для жизни, но относятся к невыносимым явлениям этой местности. Тот, у кого есть имение или загородный дом, не упускает возможности, сменив на них город, избавиться от мучений и возвращается лишь в сентябре, чтобы насладиться ошеломляюще красивой осенью. Сентябрь и октябрь отличаются от всех других месяцев безоблачным небом и спокойной погодой, а поэтому являются самыми любимыми. Зима наступает в ноябре со всей суровостью и страшными снежными бурями, которые, к сожалению, часто повторяются в течение всей зимы [2].

Оренбург считался военным городом и местонахождением военного губернатора, который одновременно является командиром отдельного Оренбургского корпуса. Здесь находился штаб этого корпуса и все наиболее высокие чины с многочисленными адъютантами.

Линейная пехота, пешая и конная казачья артиллерия, оренбургские и уральские казаки, башкиры и киргизы – все они были представлены здесь. К регулярным относились так называемые линейно-сухопутные батальоны, пара тептеро-кавалерийских полков, стоящих в Уфе, и конная казачья артиллерия. В Оренбурге находилось много гвардейских офицеров из Петербурга, которые служили под началом военного губернатора генерал-адъютанта Перовского, собравшего возле себя блестящий круг образованных военных и гражданских чиновников, так что жизнь протекала тут очень интересно и отдаленность от столицы не ощущалась. По свидетельству немецкого путешественника фон Хельмерсена, в Оренбурге, в бескрайней степи и в условиях страшных снежных бурь, нет недостатка в литературных обществах, балах, маскарадах, концертах и разных светских развлечениях, где особой популярностью пользуется музыка. Если представить себе, что Оренбург находится в 300 милях от Санкт-Петербурга на самой окраине цивилизации, то поражаешься высокому развитию общественных отношений, но понимаешь, что это следствие того, что правительство, осознавая серьезное значение данной местности, подбирает для работы в самых ответственных ведомствах выдающихся личностей [2].

В Оренбурге середины XIX в. проживало 6400 жителей мужского пола и 4060 – женского пола, всего 10460 чел., относившихся к разным национальностям и вероисповеданиям.

Большую часть населения города составляли русские. Это военные и гражданские служащие, гарнизон, казачий полк, часть купечества и рабочего класса.

В разных местах города, но особенно вблизи от мечетей проживали татары. Практически все были торговцами, а некоторые ремесленниками. Образованные татары устраивались на службу в государственные учреждения в качестве переводчиков.

Киргизы служили в Оренбурге в большом количестве как рассыльные и наемные рабочие. Для этого они получали от пограничной службы разрешительные справки, которые надо было ежегодно обновлять и платить за это один рубль.

Проживающие в Оренбурге бухарцы в большинстве являлись торговыми служащими богатых бухарских домов, хозяева которых навсегда или на несколько лет осели в Оренбурге.

Башкиры в значительном количестве зимой и осенью жили в Оренбурге, где они вместе с казаками обеспечивали патрули и службы форпоста. Они размещались в собственном стане, расположенном недалеко от города.

По свидетельству современников, в Оренбурге проживали также немцы и поляки.

Архитектура города в основном была представлена деревянными и одноэтажными постройками. Дома зажиточных людей имели обычно большие дворы и много хозяйственных построек, что было удобно для домашнего хозяйства. Обычно хозяин дома сам жил в главном здании, а его прислуга во вспомогательных постройках, где находилась кухня.

Солидным двухэтажным строением на берегу Урала был дом генерал-губернатора, из окон которого открывался красивый вид на южную степь.

В середине XIX века в Оренбурге насчитывалось пять русско-греческих церквей, одна протестантская, одна временная католическая и одна мечеть с высоким изящным минаретом, выложенным снаружи белыми изразцами. Шестая греческая церковь была расположена в Форштадте перед Орскими воротами. Одна из русско-греческих церквей, которая находилась у большого торгового дома (гостиный двор), была построена в благородном стиле, хотя и очень просто. При более близком осмотре знаток понимал, что соотношения ее отдельных частей очень хорошо продуманы, а их последовательность выполнена с большим вкусом. Две другие церкви значительно меньшей архитектурной ценности стояли на высоком берегу Урала и являлись поэтому для степных жителей тем же, чем маяки для мореплавателей [1].

В центре города находился торговый двор с многочисленными лавками как для здешних купцов и мелких лавочников, так и для бухарских

и хивинских, которые ежегодно приводили сюда большие караваны. Это был большой каменный четырехугольник с двумя входами, которые вели от внешней глухой стены во внутреннее помещение к рядам ларьков. Часть этих ларьков была занята исключительно бухарскими торговцами. И.Ф. Бларамберг в своих воспоминаниях оставил портрет одного из таких торговцев: «Здесь сидит со скрещенными ногами закутанный в широкие мантии безразличный бухарец, окруженный изделиями своей отчизны, и так мало внимания обращает на покупателя, что при входе его не встает и не приветствует, даже на вопрос о ценах едва отвечает на ломаном русском языке. С бледным, серо-коричневым лицом он смотрит в одну точку перед собой и перебирает пальцами четки. Если бы не знать, что эти люди и на своей родине так инертны, то можно было бы подумать, что более холодный климат Оренбурга является для них причиной такой неподвижности» [1].

В полутора верстах к югу от города, на левом берегу Урала, находилась большой меновой двор – огромный параллелограмм из камня с двумя входами (на юг и север), внутри которого размещались сотни маленьких каменных лавок. В просторном дворе стояла большая греческая церковь, а также дома для таможенников и надзирателей. Поскольку здесь ежегодно меняли у киргизов тысячи овец, на меновом дворе сооружено из дерева несколько низких вместительных загонов треугольной формы с открытым основанием и узким проходом в вершине, чтобы выпускать овец по одной и тем самым определять их число.

В западной части города, в степи, находились большой каравансарай, земледельческая школа, большой госпиталь с пристройками, а также большой тенистый сад, принадлежащий военному губернатору; к нему из города вела ивовая аллея, большинство деревьев на которой засохли от жары и песчаной почвы.

Улицы города, за исключением одной, не были вымощены, но, так как почва состояла из твердого песка, в дождливую погоду грязи было мало. Тогда отсутствовали фиакры или извозчики, и каждый был вынужден держать собственный экипаж и лошадей [1]. На лошади здесь ездили верхом и запрягали ее в повозки, она работала на поле, ее использовали в пищу, а из шкуры шили одежду. Казаков, татар, киргизов и русских здесь нельзя себе представить без лошадей. В степи каждый умеет ездить верхом, а скачки наперегонки являются самым популярным развлечением [2].

Все, кто посещал Оренбург того времени, поражались синтезу Востока и Европы. Красочно описывает это граф фон Хельмерсен: «На

каждом шагу самая пестрая смесь, поражающие взгляд контрасты в чертах лица, одежде, языке и обычаях. Рядом с бледными европейцами во фраках и круглых фетровых шляпах передвигаются загорелые киргизы и бухарцы, живописно одетые и со своеобразными манерами. Здесь – беседует группа элегантно одетых дам и господ на беглом русском и французском, там – раздается жесткое и грубое звучание киргизского языка. Со стороны церковей звучит пронизывающий звон колоколов, от минарета мечети – мусульманский призыв муллы. Русские переняли в своей одежде кое-что от киргизов и бухарцев, так, например, многие казаки и другие люди одеваются в грубые хлопчатобумажные халаты бухарцев и хивинцев и в широкие кожаные штаны киргизов. Зимой киргизские меховые шапки пользуются большим спросом у всех мужчин. Шубы из лошадиной шкуры волосяным покровом наружу, так называемые ергаки, являются одеждой всех сословий без различия, а полные костюмы из таких же шкур по европейскому покрою представляют собой излюбленную охотничью одежду» [2].

Итак, Оренбург середины XIX в. – военный город, с одной стороны, и торговый – с другой, привлекал внимание современников, в частности, иностранцев, не только своим континентальным климатом, строениями, улицами, но и главное – жителями разных национальностей, вероисповеданий и занятий.

Список источников и литературы:

1. Бларамберг И.Ф. Воспоминания. М., 1978 (первое издание – Берлин, 1872–1875) // Милитера («Военная литература»). Режим доступа: <http://militera.lib.ru>.
2. Граф фон Хельмерсен. Путешествие по Уралу и Киргизской степи в 1833 и 1835 гг. СПб., 1841 (на нем. яз.).

УДК 94

Щербакова Е. И.

канд. ист. наук, доцент,

Московская школа экономики

МГУ имени М. В. Ломоносова (г. Москва)

Шпионы-гувернеры и коммунист Некрасов

Органам политического контроля всегда много хлопот доставляли люди свободных профессий, в особенности воспитатели молодого поколения. В одном из дел III отделения за 1854 год сохранился анонимный документ, который можно было бы озаглавить «Письмо старушки-патриотки». Помимо беспокойства относительно неблагонадежности иностранных учителей, оно содержит форменный донос на журналы «Современник» и «Отечественные записки», который звучал особенно актуально в разгар Крымской войны.

Ключевые слова: политический контроль, журналы, воспитание, III отделение, донос, литература.

The political control department had always a lot of trouble with the people of free professions, especially tutors of the younger generation. There is an anonymous document in one of the archive files of the III Department of 1854. It could be entitled «An old woman patriot letter». Among other things it contains the anxiety about foreign tutors loyalty and the denunciation of «Sovremennik» and «Otechestvenniye zapiski» magazines. It sounded especially actual during the Crimean war.

Keywords: political control, magazines, education, III Department, denunciation, literature.

Органам политического контроля всегда особенно много хлопот доставляли люди творческих профессий. В 1841 г. главноуправляющий III отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии и шеф жандармов А.Х. Бенкендорф обратился к императору с всеподданнейшим докладом, в котором предлагал способы «для отвращения многочисленного приезда в Россию бесполезных и вредных иностранцев» [4, л. 2]. К числу последних были отнесены, помимо «аферистов и людей среднего и низшего сословия, не имеющих определительных видов пропитания» [4, л. 2], ученые, лекари, художники всех специальностей, «богатые путешественни-

ки, приезжающие из любопытства» [4, л. 2], а также гувернеры и домашние учителя.

III отделение собирало статистические данные о количестве прибывших лиц последней категории и строго следило, чтобы «оказавшиеся недостойными» не допускались до воспитания молодого поколения. В определенные годы учителям из некоторых государств вообще был воспрещен въезд в Россию. Например, в 1843 г. под запрет попали студенты Кенигсбергского университета, а в 1846 г. – выходцы из Швейцарии «по случаю беспрерывных и ныне в сильной степени возникших смут в этом государстве» [5, л. 6].

Бдительность «ока Государева» особенно обострялась во время внешнеполитических конфликтов, в которых принимали участие страны, нередко поставлявшие в Россию наставников юношества. В одном из дел III отделения за 1854 г. сохранился любопытный документ, который можно было бы озаглавить «Письмо старушки-патриотки».

Анонимный автор, которого переполняют патриотические эмоции, вызывает к графу А.Ф. Орлову, сменившему на посту руководителя политической полиции Российской империи Бенкендорфа. Об авторе письма мы знаем немного. Это дама, ей, по собственному признанию, около 60 лет, ее сын был замешан в деле Петрашевского. Стоит вспомнить об обстоятельствах этого дела, чтобы стали понятнее переживания нашей старушки.

Чиновник Министерства иностранных дел, кандидат права Михаил Буташевич-Петрашевский, как опасный «говорун, которого необходимо унять» [1, с. 43], попал в поле зрения властей еще в 1844 г. – доносы на него были поданы шефу жандармов А. Орлову и Санкт-Петербургскому военному губернатору К. Кавелину. С зимы 1845 г. обращают на себя внимание странные сборища, происходившие на квартире Петрашевского по пятницам. Весной того же года появляется первый выпуск (от «А» до «М») «Карманного словаря иностранных слов, вошедших в состав русского языка». Через год, когда издание было продолжено (от «М» до «О» – апрель 1846 г.), соответствующие инстанции спохватились – «краткая энциклопедия понятий, внесенных к нам европейскою образованностью» при всей безобидности формы оказалась весьма опасной по содержанию.

Чашу терпения властей переполнило распространение в дворянском собрании Петербургской губернии литографированной записки Петрашевского «О способах увеличения ценности дворянских или населенных имений» (февраль 1848 г.). Негодование вызывали не

столько суждения автора, сколько дерзость ничтожного титулярного советника, предлагающего их публике без высочайшего на то соизволения. Возмутительный факт довел до сведения императора министр внутренних дел Л. Перовский, ему же и досталась честь разоблачения злоумышленника.

Разработкой дела занялся чиновник Министерства внутренних дел по особым поручениям, действительный статский советник И. Липранди. Прежде всего, предстояло выяснить характер «пятниц» Петрашевского. Из расспросов дворников и прислуги; сообщений двух полицейских «извозчиков», доставлявших гостей по домам и пытавшихся уловить обрывки их разговоров; циркулировавших по городу слухов о господах, которые «законы пишут» – картина складывалась не слишком отчетливая. Нужен был агент с «незапятнанной репутацией» и определенным уровнем образования, способный проникнуть на эти собрания и определить степень опасности крамольных умствования, которые там услышит.

Деликатная миссия секретного сотрудника была доверена Петру Дмитриевичу Антонелли, сыну академика живописи, студенту 1 курса филологического факультета Петербургского университета. Его оформили канцелярским чиновником в Министерство иностранных дел, где он без труда свел знакомство с чрезвычайно общительным Петрашевским. Бойкому молодому человеку, стремящемуся к самообразованию, довелось «приобщиться» мировоззрению Петрашевского и получить общее представление о философской и социально-политической направленности бесед его гостей.

В марте 1849 г. Антонелли, не будучи приглашенным, является на вечер к Петрашевскому. Ограниченный круг избранных принял чужака настороженно. Но обаятельный молодой человек сумел расположить к себе самых подозрительных и стал посещать «пятницы» наравне с завсегдатаями. Его цепкая память зафиксировала откровенную фразу о целях петрашевцев – «приготовлять способных людей на случай какой-нибудь революции, приготовлять массы к восприятию всяких перемен» [1, с. 78]. Не будем забывать, что 1848–1849 гг. – время революционных потрясений в Европе (Франция, Германские государства, Венгрия, Италия, Дунайские княжества). И после очередного доклада императору о ходе расследования дело для «арестования злоумышленников» передали из МВД по прямому назначению – в III отделение.

Конкуренция двух этих ведомств ведет начало с первых лет становления системы политического сыска, и, принимая материалы расследо-

вания о кружке Петрашевского, III отделение постаралось придать делу несколько иной оборот. Разветвленного заговора, посягающего на ниспровержение государственного строя, в деятельности кружка не усмотрели. Следственная комиссия признала, что «собрания, отличавшиеся вообще духом противным правительству, не обнаруживающие, однако ж, ни единства действий, ни взаимного согласия, к разряду тайных организованных обществ не принадлежали» [1, с. 101]. Правда, несмотря на это, 21 «злоумышленник» был приговорен к расстрелу. Но жестокость закона давала простор монаршему милосердию, и петрашевцы пошли на каторгу.

Так что причины беспокойства почтенной дамы, сына которой «чуть не сбили с толку в кругу злонамеренных людей, выроdkов Петрашевского» [3, л. 11], вполне объяснимы. «Обстоятельства нынешних политических дел так важны, — пишет она, — что малейшее злоупотребление ими может принести России немало неприятностей, и потому всякий верноподданный Русского царя должен по закону совести и любви к отечеству противудействовать этому злоупотреблению» [3, л. 11].

Разгар Крымской войны был как нельзя более подходящим временем, чтобы обуздать, например, «гувернеров-англичан». «Это ужас, — восклицает старушка-патриотка, — что они внушают детям нашего дворянства. Это язва! И есть же отцы, есть маменьки, доверяющие им своих детей... Хороши русские! И Бог терпит еще! Ужасно! А посмотрите, что везут с собою эти гувернеры, отправляющиеся домой на днях из Петербурга!!! Какие тайные бумаги... Это шпионы! Раскройте их чемоданы и карманы, — и Вы убедитесь, что за люди воспитателями русских детей были. Боже! Когда это зло пройдет в России? Неужели Вы не можете передать этого Царю?» [3, л. 12 об.]. Орлов принял «сигнал» к сведению, но, вместо того, чтобы беспокоить императора, наложил на документ очень характерную резолюцию: «Узнать, кто из англичан уезжает» [3, л. 11].

Однако, позиционирующий себя в качестве «голоса России» аноним не ограничивается указанием на пагубное влияние иностранных учителей. Наша старушка посчитала своим долгом обратить внимание властей еще на один важный источник формирования юных умов — «наход и направление современной нашей литературы», точнее на ведущие русские журналы «Современник» и «Отечественные записки».

«Известно, что если когда, то особенно в настоящее время Русские журналисты, редакторы, то есть их журналы, как представители русской литературы, должны быть проникнуты русским духом, для этого

должны как можно более печатать статьи чисто русского содержания о России. Это очень легко сделать редакторам, если они сами русские не по имени, а по сердцу. Но что же делают журналы теперь. Увы! Горько сказать, — сетует она. — Два лучшие наши журнала Современник и Отечественные записки, как будто назло русскому человеку, точно какие-нибудь французы или англичане, толкуют только о литературе и всяком вздоре французском и особенно английском. Если рассмотреть эти журналы за настоящий год, так право подумаешь, что они пишутся не для России. На их обертке стоит печать: Лондон, Париж, вместо Петербург. Горько право подумать: трактуют преподробно о Вальтер Скоттах, Шериданах каких-то, потчуют Жорж Зандами, Бульвером, Теккереем, Диккенсом и всяким хламом о театрах английских, комедиях и прочем, рассылают даже портреты этих романистов скверных, точно у нас нет публикаций Куторги, Загорского и других, о которых можно сказать. А о литературе русской за прошлый год одни очерки-перечни печатают. Это ясно умышленно. О! поверьте, семя Петрашевского еще не выгублено!» [3, л. 11–11 об.].

Причем ее сетования приобретают форму доноса, основательность которого мне показалось необходимым проверить.

К тому времени, как этот донос был направлен адресату (февраль 1854 г.), успели выйти только первые две книжки «учено-литературных журналов» «Современник» и «Отечественные записки». Ксенофобствующая дама не зря упоминает Диккенса, Теккеря и Жорж Санд. В «Отечественных записках» печатался роман «Волынщики» Жорж Санд и «Холодный дом» Диккенса; это же произведение выходило в «Современнике». Кроме того, за подписью «иногородний подписчик» там была издана статья «Лекции В. Теккеря об английских юмористах». Однако никакого засилья иностранных авторов я не обнаружила. Может быть, наша бдительная дама имела в виду более ранние издания?

В 1853 г. «Современник», действительно, публиковал и Диккенса, и Жорж Санд, и Теккеря, да еще в придачу Эдварда Бульвер-Литтона («Мой роман или разнообразие английской жизни») и Исаака д'Израэли («Литературный характер или история гения, заимствованная из его собственных чувств и признаний»). В разделах «Науки и художества» и «Смесь» содержится много перепечаток из иностранных журналов. Но, опять же, нельзя сказать, что российские авторы «в загоне», их немало в разделе «Словесность», а «Критика» и «Библиография» практически целиком сосредоточены на отечественных произведениях.

Подобная ситуация наблюдается и в «Отечественных Записках». Помимо упомянутых авторов, там печатали роман Самуэля Варена «Тяжба», но также не в ущерб отечественным писателям. Раздел «Науки и художества» обычно целиком заполнен статьями наших о наших же. Например, в № 1 печатался очерк А.В. Никитенко о Жуковском и «Домашний быт русских царей» И.Е. Забелина. Есть, правда, в этом издании раздел «Иностранная литература», но от него ничего кроме соответствующих обзоров ожидать и не приходится. Совсем немного рецензий и аннотаций посвящено иностранным книгам в «Библиографической хронике». В разделе «Смесь» новости «наук, искусств и литературы» даны преимущественно по иностранным журналам: *Institut*, *Comptes rendus de l'Academie des Sciences*, *Bibliothèque de Geneve*, *Revue des Deux Mondes*, *Revue Britannique*, *Literary Gazette*, *Athenaeum* и др. Существует страничка, посвященная моде с «парижскою картинкою», но тут уж «война – войной», а нарядов лучше французских модницам все равно было не найти. В «Смеси» неизменно освещаются парижские и лондонские новости, причем совершенно мирные – погода, природа, времяпрепровождение обывателей. Наверняка, все это могло показаться недостаточно патриотичным благонамеренной даме, озабоченной состоянием молодых умов.

«Да вот у редактора Отечественных записок собираются партии для уничтожения всех статей, присылаемых русскими учеными, и для составления статей революционных, – нагнетает «волну» старушка. – Не лучше делает и Некрасов, редактор Современника, враг всякого русского порядка и учреждений, вольнодумец, коммунист» [3, л. 12]. В устах нашей старушки это слово звучит как «карбонари» у Фамусова! Какие злоумышленники собирались в «Отечественных записках» у А.А. Краевского, мне неизвестно. А что касается «коммуниста» Н.А. Некрасова, то старушка проявила прозорливость. Очень скоро «Современник» стал «гнездилищем» нигилистов: с 1855 г. в журнале начинает сотрудничать Н.Г. Чернышевский, с 1856 г. – Н.А. Добролюбов, и в 1862 г. работа журнала оказалась приостановленной «за вредное направление». Но сколько нетвердых в убеждениях юношей эта кампания уже успела смутить!

«Посмотрите на Отечественные записки и Современник. Каждая книжка из них в нынешнем году состоит из $\frac{3}{4}$ англо-мании и $\frac{1}{4}$ статей – для формы. Лукавство! И стишки даже приплетают, чтобы пустить пыль, – а что в середине пишется?? Что это такое? И почему это именно в настоящем году? Отчего в ученых отделах статьи только об Англии,

Франции и их гадостях? Как будто у нас ничего нет своего? Разве у нас нет Университетов, Академий, разных Императорских ученых обществ, где занимаются отраслями всяких наук и искусств. Почему же об этом не пишут наши журналы эти? Скажут, нет у них статей? Ложь! Велите пересмотреть шкафы этих англоманов-редакторов и вы убедитесь, что они откладывают для мышей русские патриотические статьи, умышленно не хотят печатать их, потому что патриотические, а заказывают писать статьи забирабельные (так в тексте – *Е.Щ.*)» [3, л. 12]. Может быть, наш аноним сам является автором какой-нибудь работы, отвергнутой редакциями этих журналов?

«Им хочется взволновать умы русских юношей, обангличить их и отвлечь от отечества и всяких русских настроений, и тем воскресить семя Петрашевского. О! Они бы давно уже наделали зла, да их стережет благомыслящий министр народного Просвещения Норов, чисто русский человек, и они-то хотят избавиться от него» [3, л. 12–12 об.]. Кто именно стремился, по словам старушки-патриотки, избавиться от А.С. Норова, служившего министром народного просвещения с 1853 по 1858 г., непонятно. Ее отзыв о личности и деятельности министра вполне совпадает с тем мнением, которое приведено во всеподданнейшем отчете III отделения за 1857 г. «В лице нынешнего министра, действительного тайного советника Норова, соединяются многие отличные свойства: религиозно-нравственный образ мыслей, истинная любовь к просвещению, стремление к выполнению своих обязанностей; но в нем замечают также вредную слабость, происходящую от чрезмерного благодушия. Он подчиняет себя влиянию окружающих и притом, желая снискать в кругу ученых имя поборника просвещения, нередко вполне предается их внушениям» [2, л. 73 об.]. Однако с ключевой функцией «народного образования в деле современных вопросов», а именно с «наблюдением за нравственным воспитанием юношества, охранением порядка и тишины в учебных заведениях и строгим надзором за выполнением цензурою изданных для нее правил» [2, л. 73], министерство, по оценке III отделения, справлялось.

«Если не предупредите зла, Ваше Сиятельство, – взывает аноним к шефу жандармов, – так это зло принесет горькие плоды» [3, л. 12 об.]. Важнейшей задачей, которую император Николай I ставил перед органами политического контроля, было уберечь жителей нашего богоспасаемого отечества от веяний «мятежного духа Европы». На это были направлены усилия и «высшего надзора», и цензуры, и политика в области просвещения, в особенности, уваровская теория официаль-

ной народности, призванная противопоставить «ложной» европейской системе воспитания иную, основанную не на западных теориях, а на своей доморощенной идейной базе. Однако задача эта была заведомо невыполнимой. Как обеспечить государство верноподданными, благонамеренными и в то же время европейски образованными служащими, если западное просвещение несет в себе столь разрушительные начала, что с конца XVIII в. Европу сотрясают политические бури? Ведь другого просвещения, другой научной мысли, помимо европейской, в нашем распоряжении просто нет! Построить на триединстве «самодержавия, православия и народности» идеологическую систему оказалось можно, а систему образования – нет. Да и в качестве идеологической системы уваровская триада была весьма уязвима. Она не предполагала никакого развития. «Самодержавие, православие и народность» должны были навсегда застыть в своем благоденствии. В реальности так не бывает. И в пределы Российской империи неизбежно проникал «тлетворный дух Запада», создававший все новые «вызовы», на которые должна была искать «ответы» система политического контроля.

Список источников и литературы:

1. Возный А.Ф. Петрашевский и царская тайная полиция. Киев: Наук. думка, 1985. 139 с.
2. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 109. Оп. 223. Д. 22.
3. ГАРФ. Ф. 109. 1 экспедиция. 1854 г. Д. 400. Ч. 1.
4. ГАРФ. Ф. 109. 3 экспедиция. 1841 г. Д. 149.
5. ГАРФ. Ф. 109. 3 экспедиция. 1846 г. Д. 79.

УДК 94(47).08

Гусман Л. Ю.,

д-р ист. наук, доцент,

Санкт-Петербургский государственный университет
аэрокосмического приборостроения (г. Санкт-Петербург)

Русский либеральный конституционализм и его отражение в легальной печати начала 1860-х гг.

Статья посвящена анализу конституционалистских тенденций в русской периодической печати эпохи «великих реформ». На основе анализа «Сборника статей, недозволенных цензурой в 1862 году» охарактеризованы конституционалистские взгляды части русского общества в начале 60-х гг. XIX в. и, в частности, рассмотрены происходившие в обществе дискуссии о соотношении конституционной монархии и республики.

Ключевые слова: абсолютизм, конституция, конституциональная монархия, республика, крепостное право, печать, цензура.

The paper is dedicated to the analysis of constitutional tendencies in Russian periodicals of Great reforms era. Based on the analysis of «Collection of articles, which were unallowed by the censorship in 1862», the author characterizes constitutional views of Russian society in early 1860s and, particularly, reviews discussions in the society about interrelation of the constitutional monarchy and the republic.

Keywords: autocracy, constitution, constitutional monarchy, republic, serfdom, press, censorship.

Отмена крепостного права в России изменила привычный уклад жизни многих людей и стала, во многом неожиданно для власти, толчком к целой серии преобразований и нарастающих общественных требований [2]. Уже 1862-й год в России часто и обоснованно рассматривается в историографии как «год конституционного кризиса» (данное определение принадлежит Б. Э. Нольде) [6, с. 188]. Даже враждебный идее немедленного введения конституции К. Д. Кавелин отмечал: «Конституция – вот что составляет теперь предмет тайных и явных мечтаний и горячих надежд дворян; она во всех умах и сердцах» [5, с. 151].

Бесспорно, конституционная идея введения выборного элемента в центральное управление не могла не проникнуть в печать. Этому

способствовали и требования преобразований на дворянских собраниях 1862 г., особенно на тверском, и упорные слухи о даровании конституции в день празднования тысячелетия России [3]. Разумеется, конституционные требования могли проникать на страницы прессы лишь опосредованно, поскольку защита неприкосновенности самодержавия являлась одной из важнейших функций цензуры. Поэтому для характеристики настроений общества недостаточно использовать процензурированные издания, а необходимо обратиться к анализу газетных и журнальных статей, доставленных в цензуру и ею недозволенных, а также прошедших через нее, но выражавших отнюдь не официозный взгляд на социально-политическую ситуацию.

Уникальным источником для характеристики умонастроений русского общества, особенно его оппозиционного крыла, является изданный в 1862 г. Министерством народного просвещения «Сборник статей, недозволенных цензурой в 1862 году» [10]. Этот сборник содержит полные тексты статей, запрещенных цензурой. Сочинения распределены по тематическим рубрикам, что облегчает использование сборника. Однако, к сожалению, чиновники цензурного ведомства не называли журналов и газет, для которых предназначались запрещенные статьи. Между тем, подобные сведения необходимы для характеристики политической направленности того или иного периодического издания. В то же время, благодаря исследованиям, выполненным И. Г. Ямпольским, установлено большинство изданий, которым предназначались эти статьи [12, с. 184–186].

Важное место в сборнике занимали сочинения, в которых прямо или косвенно высказывалось требование конституции, тем более настоятельное, что, после введения в 1861 г. народного представительства в Австрии, к 1862 г. только Россия и Турция оставались абсолютными монархиями в Европе. В одной из неустановленных газет прямо формулировалась следующая программа: «1) Уничтожить все сословные различия <...>; 2) Знания и образование сделать доступными для всех классов. 3) С народа снять всякую опеку, предоставив ему полное управление своими делами; и 4) Предоставить ему право участия в тех делах государства, в которых расходуются деньги, вносимые им» [10, т. 2, с. 449].

Далеко не всегда конституционная программа высказывалась в статьях так откровенно. Однако поддержка этих требований заметна в большинстве статей «Сборника...». Несмотря на то, что 1862 год не

стал годом дарования конституции, многие публицисты сохранили надежду на перемену образа правления в России. Незвестный автор либеральной к тому времени газеты «Северная пчела», анализируя предложенный Петербургскому губернскому дворянскому собранию проект А. П. Платонова о созыве Земской думы, писал с энтузиазмом: «Через год предложения Александра Платоновича, очищенные от крепостных и дворянских предубеждений, явятся вторично на свет, не как скороспелый плод и не в обществе скороспелых ретроградных стремлений, но как зрело обдуманная идея, которая будет в силах перенести все непогоды» [10, т. 1, с. 342]. Тем самым, влиятельная газета выражала уверенность в скором и неизбежном торжестве конституционалистских идеалов. Вместе с тем, отметим и другой аспект: публицист выражал явное сожаление, что призывы к перемене образа правления сопровождаются узкословными и далеко не либеральными поползновениями части помещиков. Надежды на введение политической свободы и народного представительства сопровождались в либеральных общественных кругах постоянными опасениями, что этими преобразованиями воспользуется дворянская олигархия. В этом и заключалась причина противоречивого отношения некоторых русских либералов к немедленному введению конституции в империи.

Цензура весьма внимательно следила за попытками идейного обоснования конституционалистских взглядов и стремилась их пресекать. В начале 1860-х гг. предпринимались активные попытки создания политического блока «крайних прогрессистов» (социалистов) и «конституционистов» на основе общей антисамодержавной платформы. Программа этого объединения была ясно изложена в прокламации «Великорусс» в 1861 г. Она была поддержана как «Колоколом» А. И. Герцена и Н. П. Огарева, так и ведущим органом конституционалистской эмиграции – «Будущностью» П. В. Долгокурова. Важной частью идейного компромисса между социалистами и либералами стало признание второстепенности различий между республикой и конституционной монархией – лозунг «республиканской монархии» (термин принадлежит французскому философу XVIII в. Г. Мабли) [8, с. 22].

Упомянув о возможных вариантах развития событий после подачи царю либерального адреса, авторы «Великорусса» сделали важное заявление: «Если нынешний государь добросовестно откажется от произвола, проигрыш республиканской партии будет не очень велик.

Истинно конституционная монархия мало отличается от республики» [11, с. 311]. Из этого отрывка следует, что составители прокламации, причисляя себя к республиканцам, не отрицали значительного сходства предпочитаемого ими образа правления с либеральной, представительной монархией.

Таковы же были взгляды наиболее активного и отчасти скандального проповедника конституционных идей в России начала 1860-х гг. — П. В. Долгорукова, заявлявшего, «что в хорошо устроенной монархии конституционной личная безопасность, личное достоинство и права всех граждан столь же хорошо обеспечены, как и в республике» [4, с. 5].

При такой постановке вопроса единственное существенное различие между конституционной монархией («истинной», по формулировке «Великорусса», или «хорошо устроенной», по словам князя-эмигранта) и республикой заключалось в статусе главы государства, наследственного в первом случае и выборного во втором. Несмотря на то, что для авторов прокламации сохранение монархии воспринималось как «проигрыш», тем не менее, они, очевидно, соглашались с Долгоруковым, что форма правления второстепенна, в случае реального ограничения власти правителя и введения гражданских и политических свобод. Стремление синтезировать монархию и республику, сгладить различия между ними было весьма характерно и для идеологов Великой французской и Июльской революций, и для декабристов, и для многих публицистов «эпохи великих реформ» [3, с. 284–303]. Тем симптоматичнее, что в статье, предназначенной для газеты «Современное слово», но запрещенной цензурой и в результате появившейся в анализируемом нами сборнике, отмечалось: «В государствах, как Англия, Бельгия, Пруссия или Италия, коль только по имени государь, фактическая власть перешла в руки народа и его представителей. <...> Конституционная монархия — самый простой вид республики» [10, т. 1, с. 453].

Мнение неизвестного автора полностью совпадало с позицией Долгорукова и сочинителей «Великорусса». Все они считали вопрос о форме правления проблемой тактики, а не стратегии, который не имел значения при существовании законодательного народного представительства. Особенно примечательно, что эта запрещенная статья должна была быть опубликована именно в «Современном слове» — газете, редактор которой, Н. Г. Писаревский, прямо признавал в конце 1861 г., что ее цель состоит в том, чтобы «подготавливать умы к конституции»

[1, с. 114]. Издание достаточно последовательно осуществляло эту программу. По свидетельству цензурного ведомства, «Современное слово» «высказывает явное пристрастие к представительной форме правления и стремление к конституционным началам, уяснение которых на всех путях общественной жизни составляет главную задачу и направление <...> газеты» [7, л. 207]. В этом контексте понятна попытка редакции издания напечатать статью, в которой бы разъяснялось отсутствие существенных различий между современной парламентской монархией и республикой.

Следует отметить, что требование конституции не являлось очередным модным веянием, а воспринималось как способ предотвратить революцию, которая казалась неминуемой в случае продолжения прежней политики. Еще один публицист «Северной пчелы» предостерегал власть: «В настоящее время Россия стоит на перепутье. Перед ней два пути: один путь – истинного прогресса, всестороннего развития нравственных и материальных сил народа; другой путь – путь революционный, судя по всему, что у нас творится, благодаря частию нерациональному образу действий нашего правительства в некоторых случаях.<...> Россию, на каждом шагу тянет то к одному, то к другому из этих путей и очень может быть, что она свернет не в надлежащую сторону» [10, т. 1, с. 131–132].

Несмотря на всю, казалось бы, силу конституционалистских настроений части русского дворянства начала 60-х гг. XIX в., петербургские пожары 1862 г., усиление экстремистских настроений в революционном движении и, особенно, польское восстание 1863–1864 гг. позволили самодержавию сохраниться. Оно «откупилося» от общества земской реформой 1864 г., а прежние либералы, требовавшие в 1862 г. всеобщей конституции, уже к концу следующего года забыли о своих «опасных» увлечениях.

Однако, отразившиеся в рассматриваемом «Сборнике...», конституционалистские настроения являются важным свидетельством для истории отечественного либерализма и русской общественной мысли начала 1860-х гг. В целом, «Сборник...» остался памятником политических умонастроений оппозиционных публицистов одного из поворотных годов русской истории, о котором М. Е. Салтыков-Щедрин писал следующее: «1862 год совершил многое: одним он дал крылья, у других таковые сшиб» [9, с. 302]. Абсолютизм легко победил антисамодержавную фронду.

Список источников и литературы:

1. Валуев П.А. Дневник П.А. Валуева, министра внутренних дел. 1861–1876. Т. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1961.
2. Веременко В.А., Тропов И.А. Реформы и микросоциальные процессы в России (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Социально-экономическая и политическая модернизация в России. XIX – XX вв. Сб. науч. ст. / отв.ред. И.В. Кочетков. СПб.: КЛИО, 2001. С. 55–63.
3. Гусман Л.Ю. В тени «Колокола». Русская либерально-конституционалистская эмиграция и общественное движение в России (1840–1860 гг.). СПб.: Изд. РГПУ им. А.И.Герцена, 2004.
4. Долгоруков П.В. Новый русский журнал // Правдивый. 1862. 27 марта. № 1.
5. Кавелин К.Д. Дворянство и освобождение крестьян // Кавелин К.Д. Наш умственный строй. М.: Правда, 1989.
6. Нольде Б.Э. Юрий Самарин и его время. М.: Эксмо, 2003.
7. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 208. Д. 100.
8. Олар А. Политическая история французской революции. М.: Гос. соц.-эк. изд., 1938.
9. Салтыков-Щедрин М.Е. Наша общественная жизнь // Собрание сочинений в двадцати томах. Т. 6. М.: Художественная литература, 1968.
10. Сборник статей, недозволенных цензурой в 1862 году. СПб.: Изд-во МНП, 1862. Т. 1–2.
11. Чернышевский Н.Г. Письма без адреса. М., 1983.
12. Ямпольский И.Г. Сборник статей, недозволенных цензурой в 1862 г. // Ученые записки ЛГУ. 1971. № 55. Вып. 76. С. 184–186.

УДК 94(47).08

Рудник С. Н.

канд. ист.наук, доцент, зав. кафедрой истории,
Санкт-Петербургский горный университет
(г. Санкт-Петербург)

**Всесословная воинская повинность и патернализм власти
(на примере всеподданнейших докладов
министра внутренних дел)**

История всесословной воинской повинности в Российской империи до сих пор является слабо изученной. Несмотря на то, что устав 1874 г. предусматривал многочисленные льготы и привилегии по семейному положению, не все призывники, в силу разных причин, могли ими воспользоваться. Кроме того, после призыва в армию в тяжелом положении оставались многодетные семьи крестьян, женатых новобранцев. Отдав в армию своего кормильца, его родные обращались в разные инстанции, предусмотренные по закону, пытаясь вернуть его обратно. Иногда их прошения доходили до императора в виде всеподданнейших докладов министра внутренних дел. Таких обращений было много. Император, как правило, проявлял милосердие и разрешал досрочное увольнение из войск таких солдат.

Ключевые слова: воинская повинность, устав, новобранцы, присутствие, жалоба, Сенат, император, льготы по семейному положению.

The history of compulsory military service of all classes in the Russian Empire is still poorly studied. Despite the fact that the charter of 1874 provided numerous benefits and marital status privileges, not all recruits could use them. Moreover, large peasant families and families of married recruits stayed in a difficult situation after the conscription. Their families applied to the different instances, trying to return them back. Sometimes their applications reached the emperor in the reports of the Department of Interior. Usually the emperor showed mercy and allowed early dismissal from troops.

Keywords: compulsory military service, charter, recruits, presence, complaint, Senate, emperor, privileges on marital status.

История воинской повинности в России берет свое начало 1 января 1874 г., когда император Александр II подписал манифест, «Высочайший именной Указ Правительствующему Сенату» и утвердил Устав

о воинской повинности. Несмотря на то, что новый устав запрещал замену призывника «охотником» (желающим служить) и денежный выкуп (приобретение рекрутских квитанций), как это было ранее, в период рекрутских наборов, новое законодательство о воинской повинности отличалось демократизмом. Так, от службы в армии освобождались целые категории населения, для учащихся, студентов были предусмотрены отсрочки от призыва для окончания образования. Для образованной молодежи устанавливались сокращённые сроки действительной службы и увеличенные – в запасе. Лица с высшим и средним образованием по желанию могли отбыть воинскую повинность в качестве вольноопределяющихся в действующих войсках. Для призывников были установлены три разряда льгот по семейному положению. Причем тех, у кого была льгота первого разряда, могли призвать только по особому высочайшему повелению. Опыт ежегодных призывов показал, что около половины призывников освобождались от службы по льготам. В мирное время потребность в новобранцах была значительно меньше числа призывников, поэтому Устав предусматривал призыв по жребью, который вынимался один раз на всю жизнь. Исключением из правил были те молодые люди, которые сознательно уклонялись от службы и не являлись на призывные участки. Их призывали в любое время и без жребия.

Тем не менее, несмотря на весь этот обширный пакет привилегий, льготами не были охвачены целые категории населения, прежде всего из крестьян. Например, новый устав не предусматривал никаких льгот для так называемых «одиночек» – так называли женатых, единственных кормильцев, семейство которых состояло только из жены и малолетних детей. Авторы реформы 1874 г. по разным причинам не могли учесть все особенности жизни простого народа. Такие, например, как ранние браки, наличие незаконнорожденных детей, приемышей, практику частых семейных разделов и понимания того, кого в сельском обществе считают «единственным кормильцем» и т.д. Родные таких новобранцев, их сложные семьи, после призыва молодого человека на действительную службу часто оказывались в бедственном положении. Кроме того, в такой же непростой жизненной ситуации оказывались и семьи тех молодых людей, которые имели права на льготу по семейному положению, но не воспользовались ими из-за незнания положений устава, всех тонкостей призывной кампании. Для всех них воинская повинность продолжала оставаться тяжелым испытанием.

Отдав в армию последнего кормильца, его родные обращались в разные инстанции (уездные и губернские по воинской повинности присутствия, губернатор), пытаясь вернуть его обратно. Их прошения и жалобы доходили до Правительствующего Сената, об их бедах государю-императору во всеподданнейших докладах сообщал министр внутренних дел. Таких обращений было много. Но, если Сенат крайне редко удовлетворял просьбы «жалобщиков», доказывавших неправомерность, по их мнению, призыва в армию своего кормильца, то император проявлял милосердие. Эти обращения к коронной власти раскрывают целые пласты народной жизни. Особо отметим, что эта сторона истории всеобщей воинской повинности в историографии Великих реформ 1860–1870-х гг. является до сих пор не изученной.

Первый призыв на основе всеобщей воинской повинности состоялся в ноябре 1874 г. По его итогам родственники новобранцев подали в различные инстанции более 76 тысяч жалоб и прошений. Из них половина была признана уважительными. Сенат в 1875 г. рассмотрел более 1 тыс. таких прошений [2, л. 172, 174 об.]. Судя по всеподданнейшим докладам министра внутренних дел, прошений, связанных с освобождением от службы, в 1875–1878 гг. не было. Можно предположить, что отсутствие их объяснялось, во-первых, адаптацией населения к новым правилам призыва на службу и, во-вторых, такие прошения блокировались губернаторами из-за начавшейся русско-турецкой войны.

Ситуация изменилась после окончания войны. В 1879 г. министр внутренних дел представил императору 12 всеподданнейших докладов, касающихся досрочного увольнения из армии 82 лиц разных сословий. В дальнейшем, за редким исключением, один доклад касался судьбы одного солдата. В 1880–1883 гг. было представлено 121 прошение, в которых фигурировало 128 фамилий солдат, призванных на действительную службу в эти годы. По своей сословной принадлежности две трети из них были крестьяне, 15 – мещане, по три прошения касались дворян и сыновей священников. В других докладах фигурируют сыновья солдатских вдов, писарей, отставных офицеров и рядовых и пр. За это пятилетие самым «урожайным» был 1880 г. – император рассмотрел 51 прошение о досрочном увольнении солдат из армии.

Следует уточнить, что в эту статистику не входят другие многочисленные ходатайства императору от «привилегированных» призывников, в основном врачей и лекарей, «об освобождении» их «от данного» ими «обязательства отбыть воинскую повинность на правах вольноо-

пределяющихся». Кроме того, ежегодно министр внутренних дел, «по соглашению с министрами военным, народного просвещения и Обер-Прокурором Святейшего Синода», представлял на высочайшее имя десятки коллективных прошений об «отсрочки, по исполнению воинской повинности, для окончания образования» для воспитанников классических гимназий, ученикам различных училищ, в том числе Московского училища живописи, ваяния и зодчества. Все такого рода прошения были удовлетворены.

Рассмотрим подробно самую многочисленную группу прошений, связанных с досрочным увольнением из армии новобранцев и солдат, отслуживших уже определенный срок. Первым по времени освобожденным по царской милости оказался крестьянин из Уфимской губернии, того же уезда, Никольской волости, Степан Дементьев Романов. В призыв 1878 г. он был взят на военную службу без жребия, так как оказался не внесенным в призывной список 1876 г. по собственной вине. Крестьянин этот имел все права на льготу 1-го разряда, так как семья его состояла «из пяти нерабочих душ». Поэтому, как сказано в документе, у него не было «никакой надобности уклоняться от воинской повинности», а не заявил же он о «внесении его в призывной список собственно по неведению». Учитывая все эти факторы и «принимая во внимание бедственное положение семейства новобранца Романова», уфимский губернатор обратился в МВД «с ходатайством о возвращении помянутого новобранца из военной службы», с зачислением его в ополчение. Просьба была удовлетворена наследником цесаревичем 27 апреля 1879 года [3, л. 34–34 об.].

В такой же ситуации оказался новобранец из Иркутской губернии, «сын поселенческой вдовы» Яков Вишнеvский. Имея полное право на льготу первого разряда, он нарушил закон, так же по собственному «неведению» не приписавшись к призывному участку. В 1877 г. его без жребия взяли на службу, хотя дома остались 70-летняя мать и больная сестра. Судьба солдата Вишнеvского решилась через полтора года, когда 8 июня 1879 г. в Царском селе император выписал ему «вольную», с зачислением в запас армии [3, л. 47–47 об.]. Гораздо быстрее была восстановлена справедливость в отношении новобранца Луппы Воронцова, крестьянина из Черниговской губернии. Он был взят на службу в 1880 г., хотя «будучи единственно-способным к труду сыном слепой матери-вдовы, при старшем брате, также слепом», имел полное право на льготу 1-го разряда, но утратил ее, так как до жеребьевки не представил никаких доказательств своего печального семейного положения.

16 мая 1881 г. в Гатчине император Александр III вернул Луппе Воронцову утраченное им право на означенную льготу, «с зачислением его в ополчение» [5, л. 114–115].

Эти истории стали типичными, так как больше всего прошений касалось крестьян, необразованных и малосведущих в тонкостях призывного законодательства. Точно также из-за незнания всех нюансов нового устава оказался в 1878 г. на действительной службе еврей Мошка Герш Осинский, проживавший в Любартовском уезде Люблинской губернии. Он имел право на освобождение от воинской повинности, так как был «сыном умерщвленного в 1863 году польскими мятежниками Гаскеля Осинского». Дело в том, что, согласно статье IV высочайшего именного указа от 1 января 1874 г., по три члена каждой семьи, в которой кто-либо погиб «за верность престолу и закону» во время Польского мятежа 1863–1864 гг. освобождались от воинской повинности. Причем сначала освобождались сыновья умершего, а затем и его родные внуки [9, с. 5–6]. Своим правом Осинский не воспользовался, потому что в установленный срок не представил «документов, подтверждающих смерть его отца от мятежников». Варшавский генерал-губернатор ходатайствовал «о возвращении из военной службы названного новобранца в первобытном состоянии» и 27 апреля 1879 г. наследник цесаревич собственноручно написал на докладе министра внутренних дел «согласен» [3, л. 35–35 об.].

Другая группа прошений должна была демонстрировать доброту и милосердие власти в отношении тех новобранцев, которые не имели никаких прав на досрочное возвращение со службы. Например, в 1878 г. был принят на военную службу бывший воспитанник Санкт-Петербургского воспитательного дома Михаил Никифоров, который накануне призыва в 1877 г. Санкт-Петербургской Казенной палатой был приписан к семье крестьянина Якова Яковлева. Несмотря на то, что теперь семья его состояла из приемных отца (80 лет) и матери (56 лет), жены и двоих малолетних его детей, Никифоров не имел права на льготу по семейному положению, так как был усыновлен уже после 1874 г., т.е. после издания нового Устава о воинской повинности. Однако, идя навстречу ходатайству Санкт-Петербургского губернатора, которому стало известно о «безвыходном положении» семьи новобранца, министр внутренних дел, заручившись согласием военного министра, обратился к императору с докладом по этому вопросу. «В виду глубокой старости приемных родителей Никифорова и крайне бедного их положения», — с таким обоснованием министр просил у государя «соизво-

ление на перечисление в запас армии» молодого солдата. Разрешение последовало 7 декабря 1879 г. [3, л. 107–107 об.].

В 1880 г. почти треть докладов касалась дел тех молодых солдат, в семьях которых числились пасынки. Согласно уставу 1874 г. и последующих дополнений к нему, «пасынки у отчима или мачехи» считались «за родных сыновей» и пользовались «означенною в семействе льготою» [12, с. 27]. Так, в призыв 1879 г. Костромским уездным по воинской повинности присутствием (ВПП) был принят на службу крестьянин Павел Иванов, единственный сын крестьянской вдовы Феклы Ивановой. Казалось бы, он имел право на льготу 1-го разряда, но не смог ею воспользоваться, так как в семье его матери числился «пасынок, находящийся в неизвестной отлучке и не оказывающий никакого пособия своей матери». Принимая во внимание, что дальнейшее нахождение на службе Павла Иванова «поставило бы мать его и четырех малолетних ее детей в бедственное положение», министр просил о переводе новобранца в запас армии, «из уважения к семейному положению просительницы» [4, л. 25–25 об.]. Разрешение последовало 15 февраля 1880 г. В том же году было получено согласие на возвращение из армии домой Степана Усова, сына крестьянской вдовы из Вологодской губернии, пасынок которой уже более 20 лет жил со своей многочисленной семьей (жена и семь детей) «отдельным хозяйством» и не мог «оказывать никакой помощи просительнице» [4, л. 71–71 об.]. В докладах сменялись имена и фамилии новобранцев, их матерей-вдов, названия губерний, но не менялась причина царской милости: пасынки жили своей самостоятельной жизнью, со своими семьями, хозяйством и, за неимением средств, не помогали своим мачехам, которые «по слабости здоровья и за старостью, не в силах» были одни «прокармливать» своих несовершеннолетних детей [4, л. 127].

При отсутствии таких печальных обстоятельств воля государя была непреклонна, и на прошение следовал отказ. Так произошло 26 декабря 1881 г., когда министр внутренних дел представил ходатайство казанского цехового Петра Гладышева, просившего «об увольнении из военной службы сына его, Федора», призванного в 1880 г. Из собранных по его «делу сведений оказалось, что в семействе Гладышева есть способный к труду пасынок», родной сын жены просителя. И по закону он считался «за работника в семье». На этом основании МВД, Военное министерство и Правительствующий Сенат оставили жалобу просителя без последствий, «как не имеющее законного основания» [5, л. 210–210 об.]. Император согласился с этим вердиктом.

Заметим, что среди сотен прошений такие случаи с отказами встречаются крайне редко.

На милость императора могли рассчитывать и «одиночки» – женатые солдаты. По уставу они не имели права на льготу по семейному положению. Им приходилось труднее всего, так как, уходя на службу, они оставляли дома своих жен и детей. Как отмечала газета «Голос», отсутствие льгот для женатых мужчин расходилось с «обычаями нашего сельского населения, особенно в некоторых местностях, где ранняя женитьба почитается даже нравственной обязанностью молодого человека, не говоря уже об экономических побуждениях» [1]. По статистике, начиная с 1874 г. среди призванных на действительную службу новобранцев каждый третий был женатым [10, с. 133]. Вполне логично, что многие прошения в докладах касались этой категории новобранцев. Так, крестьянин Вологодской губернии Василий Голованов, призванный в 1878 г. «на службу совершенно правильно», прослужив больше года в войсках, по ходатайству губернатора получил освобождение от службы. Вскоре после призыва у него родилась дочь. Жена солдата, Александра Голованова, оставшись с малюткой и отцом – стариком, «неспособным к труду», оказалась «в крайне бедственном положении», так как «никаких родственников, которые могли бы принять ее на свое иждивение» у нее не было. Учитывая все эти обстоятельства, 1 августа 1880 г. в Царском Селе император распорядился уволить «новобранца Голованова, в виде исключения, с действительной службы, с зачислением в запас армии» [4, л. 104–104 об.].

Такой же милости был удостоен и крестьянин Арзамасского уезда Нижегородской губернии Алексей Добин, призванный на службу осенью 1880 г. Через год, в декабре 1881 г. его жена умерла и их дети, четырехлетняя дочь и двухлетний сын, остались «без родственников, кои могли бы прокормить их». Прошел еще почти год, и в октябре 1882 г., учитывая «безвыходное положение» рядового Добина, коронная власть дала разрешение на перечисление его в запас армии [6, л. 139–139 об.]. В таком же положении оказался новобранец призыва 1882 г., крестьянин из деревни Раек Винницкого уезда Подольской губернии Онисим Заведий, который в течение короткого времени потерял отца, мать и двух братьев и, таким образом, остался единственным «наследником надела и хозяйства». Семейное счастье его так же было недолгим: жена рано умерла, оставив ему «двух малолетних детей». Из доклада не понятно, в какой последовательности он терял своих родных. Ясно только, что поступив «на службу в войска» Онисим, «за неимением родных», своих

детишек «оставил без присмотра». Новобранец, по-видимому, не успел еще добраться до воинской части, как 14 января 1883 г. последовало высочайшее «соизволение на перечисление его в запас армии», в виду «монаршего милосердия и не в пример другим» [7, л. 8–9].

Какой могла быть судьба детей, хорошо видно на примере другого молодого солдата из «одинок» – Павла Чугунова из Ярославской губернии, призванного в 1882 г. Не успел он еще привыкнуть к солдатской экипировке, как в январе 1883 г. умерла его жена. Двоих малолетних детей «по распоряжению сельского общества» отдали «на попечение» – одного родной тетке, другого – «посторонней крестьянке». Сердобольная сестра новобранца Прасковья Уткина ходатайствовала перед губернатором о возвращении брата из военной службы. Учтывая, что дети остались «без всякого попечения», 30 июня 1883 г. император разрешил перевести Чугунова в запас армии [7, л. 125–126]. Иногда в докладе отсутствовали какие-либо объяснения причин досрочного увольнения женатых новобранцев из армии. Так, 29 марта 1883 г. «увольнительную» из армии получил Василий Анисимов, взятый на службу в 1881 г. Оставшись с малолетними детьми «без всякого попечения», его жена Агафья, по-видимому, так настойчиво ходатайствовала перед Вятским губернатором, что, как сказано в докладе, «в виде особой монаршей милости и не в пример другим» ее мужа перевели в запас армии [7, л. 75–75 об.].

Петербургу приходилось разбирать и особые, как сказано в документах, «исключительные» случаи. Так, в 1877 г. на службу в войска был принят крестьянин Тамбовского уезда Михаил Порошин. Взяли его без жребия, так как он нарушил закон, не заявив «своевременно о том, что он подлежит призыву». Дома у него остались отец, старший брат и, как указано в прошении, «пять лиц женского пола». Однако единственным полноценным работником в семье был старший сын, который умер, и несчастный отец «обратился с ходатайством об увольнении из войск сына его, Михаила, как единственного теперь работника в семье». К этому времени солдат Михаил Порошин отслужил уже три года, то есть половину положенного срока. «В виду исключительного положения семьи просителя» 13 марта 1881 г. последовало высочайшее разрешение «на перечисление с действительной службы в запас армии сына Порошина Михаила» [5, 89–89 об.].

Как правило, «исключительные» случаи касались тех солдат, новобранцев или уже отслуживших определенный срок, которые из-за разных обстоятельств становились единственными «кормильцами» для

своих многочисленных родных и близких. Так, в 1883 г. крестьянин Тобольской губернии, Ишимского округа, Федор Волостников просил «о перечислении в запас армии зятя его Онисима Горбунова», принятого в войска в 1882 г. Семья просителя состояла «из 8 лиц, не способных ни к какому труду» и всецело находилась «на попечении» зятя. По закону Горбунов не имел права на льготу по семейному положению, но, «принимая во внимание исключительное положение семьи тестя его» и тот факт, что его родные остались «без поддержки», Петербург удовлетворил это ходатайство [7, л. 209–209 об.].

Следующую группу возвращенных до окончания срока службы солдат составляли те из них, которых призвали из-за ошибок уездных по воинской повинности присутствий. В 1879 г. министр внутренних дел представил два доклада о возвращении из военной службы новобранцев, взятых на нее сверх нормы вследствие ошибок уездных по воинской повинности присутствий. Первый случай произошел в 1878 г. в Казанской губернии. В 3-м призывном участке Свияжского уезда призывалось к исполнению воинской повинности 372 чел., из них на действительную службу надлежало взять 107 новобранцев. Однако местное ВПП ошибочно указало в призывных списках 504 чел. Исходя из этих ошибочных данных, Казанское губернское ВПП назначило по разверстке принять на службу с этого участка не 107, а 146 новобранцев. Таким образом, в войска было отправлено 39 лишних новобранцев, но для выполнения этого сверхплана «пришлось взять на службу не только всех безльготных» молодых людей, но и тех, кто имел льготы по семейному положению 3-го и даже 2-го разряда, «до которых очередь, при обыкновенных условиях, не дошла бы». Последнее замечание касалось 22 новобранцев. 18 января 1879 г. управляющий МВД просил высочайшего соизволения восстановить справедливость, вернуть этих новобранцев из военной службы и зачислить в ополчение. Тем более что, по мнению военного министра, «недобор 39 новобранцев» не будет иметь «существенного значения для полного укомплектования войск» общей численностью в 218 тыс. чел. [3, л. 3–4].

Вторая история случилась в призыв 1879 г. в 1-м участке Бахмутского уезда Екатеринославской губернии. Вследствие ошибки уездного ВПП, указавшего в призывных списках этого участка 654 чел. вместо 554, на службу было принято «не 161, как бы следовало соразмерно действительному числу призываемых, а 189 новобранцев». Среди этих 28 лишних были и те, кто имел льготы 3-го и 2-го разрядов. Как и в первом случае, основываясь на тех же аргументах министров внутренних

дел и военного, 14 декабря того же года император Александр II разрешил всех их вернуть со службы и зачислить в ополчение [3, л. 113–114].

Отметим еще один особый случай, представляющий интерес, хотя он и произошел позже обозначенных нами хронологических рамок. 30 апреля 1887 г. император утвердил прошение по докладу министра внутренних дел об увольнении из военной службы семи новобранцев призыва 1886 г. из Макарьевского уезда Костромской губернии. Присутствие нарушило правило проведения жеребьевки – из-за маленькой оплошности призывники вынуждены были тянуть жребий дважды. Между тем семь человек «при первом жеребьеметании подлежали не приему в войска, а зачислению в ополчение», но, по результатам второй жеребьевки, «лица эти приняты были на службу в войска». Напомним – жребий вынимался один раз на всю жизнь. В данном случае справедливость была восстановлена [8, л. 98–99].

Коронная власть обращала внимание и на одиночных жертв ошибок присутствий. Редкий случай произошел с солдатским сыном Николаем Болдиным, который дважды (!) призывался на службу. В 1874 г. он, согласно закону, явился по месту жительства в 5-й призывной участок Санкт-Петербурга и по номеру вынутого им жребия подлежал поступлению на службу в войска, но был зачислен в ополчение, поскольку, как единственный работник в семье, представил «доказательства права своего на льготу 1-го разряда по семейному положению». Однако на следующий год Санкт-Петербургской Казенной палатой он был прописан в шлиссельбургские мещане, после чего его вновь внесли в призывной список, теперь уже в Шлиссельбургском уездном ВПП. И осенью 1875 г., вытянув жребий под № 240, Николай Болдин надел солдатскую форму. «При этом, – как отмечал в своем докладе министр М.Т. Лорис-Меликов, – никаких сведений о его семейном положении в призывном списке не заключалось и сам он ни о праве своем на льготу, ни об отбытии им уже воинской повинности по столице Присутствию не заявлял». Двукратный призыв Болдина к исполнению воинской повинности в двух разных уездах министр объяснил «единственно недоумением» [5, л. 44–44 об.].

Среди таких «недоумений» встречались и жертвы ошибок или даже произвола разных государственных учреждений. Так, осенью 1878 г. был принят в военную службу учитель Евангелического Пултуского начального училища, уроженец Варшавской губернии Карл Пильц. Хотя по закону, как преподаватель учебного заведения, согласно п. 3 ст. 63 Устава о воинской повинности он освобождался «от действительной

службы в мирное время» и должен был быть зачислен в «запас армии на пятнадцать лет» [11, с. 350]. Для получения соответствующих льгот Карл Пильц обязан был в установленные сроки приписаться к призывному участку и предоставить в «подлежащее присутствие» все необходимые документы и, в первую очередь, удостоверение «в том, что он не оставил соответствующих его званию занятий», то есть продолжает преподавать в училище. Однако он этого не сделал и не явился к освидетельствованию. Как «уклониста» от армии его взяли на службу без жеребьевки. Вскоре выяснилось, что Карл Пильц не представил необходимый документ «главным образом по вине Ломжинской учебной дирекции, которая» запретила учителям народных школ отлучаться в течение учебного года под угрозой увольнения («удаления от службы») и, кроме того, не выдала учителю «установленного свидетельства для представления в присутствие по воинской повинности». Поскольку всему виной была явно неразумная позиция дирекции, три министра (внутренних дел, военный и народного просвещения) восстановили справедливость, получив 19 мая 1879 г. согласие наследника-цесаревича Александра на восстановление Пильцу утраченного им права на зачисление «в запас армии на 15 лет, с возвращением его за тем из военной службы» [3, л. 43–44 об.].

Отдельных слов заслуживают три телеграммы, отправленные в Петербург в ноябре 1883 г. в разгар проходившего призыва. Отправителем одной из них была вдова-солдатка, «60 лет, слепая, больная и безродная», просившая за своего «приемыша», «как единственную ее поддержку». На телеграмме этой, как и на двух других от отца новобранца и призывника-«одиночки» император написал одно слово – «справку». Министр внутренних дел Д.А. Толстой посчитал нужным отказать всем трем просителям на том основании, что они должны были обжаловать, «в определенный срок», решение уездного воинского присутствия в губернском, «а на сие последнее» – в Правительствующем Сенате [7, л. 224–225].

Иногда по просьбе своих родственников или высокопоставленных сановников император освобождал от воинской службы отпрысков лиц привилегированных сословий. Например, 28 октября 1881 г. в Гатчине Александр III предоставил льготу 1-го разряда по семейному положению сыну вдовы академика Шульца. Из прошения на высочайшее имя, которое несчастная вдова Маргарита Шульц отправила министру внутренних дел графу Н.П. Игнатьеву, следует, что ее младший сын Артур в призыв 1880 г. по вынужденному номеру жребия подлежал поступлению на

службу в войска, но получил «отсрочку по невозможности до призыва текущего года». Кроме слабого здоровья Артура, проблема заключалась в том, что ее старший сын Карл с 1879 г. находился «в безвестной отлучке и о розыске его» в 1880 г. было подано объявление «в Сенатских ведомостях». Однако к моменту подачи прошения его так и не нашли и так как три года «безвестной его отлучки» еще не прошли, то младший сын Артур юридически не имел права на льготу 1-го разряда. Несмотря на то что он, «по удостоверению пастора Евангелическо-Лютеранской церкви Св. Петра», был «единственной опорой своей матери». Принимая во внимание сложную ситуацию, в которой оказалась вдова академика Шульца, как сказано в докладе, «беспомощное положение просительницы, преклонные ее лета и болезненное состояние», верховная власть удовлетворила ее прошение [5, л. 184–185].

Таким образом, за пять лет (1879–1883) по высочайшему повелению досрочно были уволены из армии и переведены в запас, в ополчение 205 чел. Конечно, это капля в море, учитывая, что в эти годы на действительную службу было призвано 1081420 молодых людей [10, с. 130]. Однако берем на себя смелость утверждать, что каждый такой случай возвращения домой становился известным, обрастал слухами и, несомненно, служил укреплению авторитета власти императора. С другой стороны, ежегодно во все по закону установленные инстанции поступали сотни, тысячи жалоб на решения присутствий. Не трудно заметить, что министр внутренних дел докладывал императору только о тех ходатайствах, с которыми в МВД обращались губернаторы. Можно только догадываться, каких усилий стоило крестьянам, солдатским вдовам, мещанам после формального отказа уездных и губернских присутствий дойти со своей бедой до губернатора. Таким образом, «глас народа» доходил до коронной власти.

Эта масса призывных жалобных дел, словно палитра красок, рисует трудную, печальную картину народной жизни, дает представление о сложных семейных отношениях в крестьянской среде, податных сословий. Как ни старались разработчики Устава о воинской повинности 1874 г., но его статьи не могли предусмотреть всех коллизий семейной жизни. Проявляя гуманное отношение к попавшим в «бедственное положение» семьям солдат, коронная власть демонстрировала не только демократизм и гибкость нового устава о воинской повинности, но и свою отеческую заботу о подданных, тот самый патернализм власти.

Список источников и литературы:

1. Голос. 1874. 15 (27) декабря.
2. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1246. Оп. 1. Д. 36.
3. РГИА. Ф. 1284. Оп. 241. Д. 198.
4. РГИА. Ф. 1284. Оп. 241. Д. 199.
5. РГИА. Ф. 1284. Оп. 241. Д. 200.
6. РГИА. Ф. 1284. Оп. 241. Д. 201.
7. РГИА. Ф. 1284. Оп. 241. Д. 202.
8. РГИА. Ф. 1284. Оп. 241. Д. 206.
9. Сборник правительственных распоряжений по введению общей воинской повинности. СПб., 1874. Т. 1.
10. Статистика Российской империи. XL. Сборник сведений по России, 1896. СПб., 1897.
11. Устав о воинской повинности, Высочайше утвержденный 1 января 1874 года // Реформы Александра II. М., 1998. С. 338–380.
12. Устав о воинской повинности 1874 года. С изменениями, дополнениями, разъяснениями и наставлениями к нему по 1-е января 1879 года. М., 1879.

УДК 94(47).083

Плеханов А. А.

канд. ист. наук,
главный специалист Государственного архива
Российской Федерации (г. Москва)

**Место и роль Отдельного корпуса пограничной стражи
в обеспечении политической стабильности Российской империи
в конце XIX – начале XX вв.**

Раскрыты понятия «безопасность государства», «политическая стабильность»; показаны основные элементы системы обеспечения безопасности государства и круг их компетенции; основные направления деятельности ОКПС по противодействию угрозам политической стабильности России в конце XIX – начале XX вв.

Ключевые слова: Российская империя, безопасность государства, политическая стабильность, специальная служба, правоохранительный орган, Отдельный корпус пограничной стражи, политическая контрабанда.

The terms of «state security» and «political stability» are disclosed; main elements of the state security system and the scope of their competence are shown; main directions of the activity of the SCBG in counteracting the threats to Russia's political stability in the late 19th and early 20th centuries.

Keywords: Russian empire, state security, political stability, special service, law enforcement agency, Special corps of border guards, political smuggling.

В современной России проблемы безопасности в целом и национальной безопасности в частности, приобретают всё большую актуальность и новое звучание. Об этом свидетельствуют как документы, принятые на самом высоком уровне: «Концепция национальной безопасности Российской Федерации» [3], Указ Президента «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» [3], так и факт, что в учебных заведениях уже действуют целые факультеты и институты национальной безопасности. В многочисленных научных исследованиях по-разному определяют и раскрывают содержание таких понятий, как «государственная безопасность», «общественная безопасность», «безопасность государства», «национальная безопасность».

По объему и содержанию однопорядковыми являются такие понятия как «общественная безопасность», «безопасность государства», «национальная безопасность» [13], и, по мнению кандидата юридических наук, профессора Л.С. Яковлева, их можно употреблять как синонимы. Он утверждает, что «из этих трех понятий применительно к России как государству полиэтническому и многоконфессиональному, наиболее корректным является термин «безопасность государства», в котором под словом государство подразумевается (так сложилось исторически) страна в целом» [14, с. 16–17].

В Российской империи под термином «государственная безопасность» следует понимать безопасность страны, как государства, принадлежавшего «государю-императору».

В настоящее время в качестве основных объектов безопасности выступают безопасность личности, общества и государства. В плане исторического развития в дореволюционной России самого понятия «безопасность личности» не существовало. Другие объекты обеспечения безопасности (общество и государство) раскрывают через такие научные категории, как политическая, экономическая и идеологическая

системы общества и государства, которые рассматривают в качестве основных опорных элементов обеспечения безопасности.

Понятия «внешняя безопасность», «внутренняя безопасность» и «государственная безопасность» появляются в различных официальных документах уже в начале XIX в.

Термин «государственная безопасность» официально впервые был употреблен 25 июля 1826 г. в Манифесте Николая I «О совершении приговора над Государственными преступниками», где говорится о том, что приговоры Верховного Уголовного Суда он смягчил, «...сколько долг правосудия и *Государственная Безопасность* (выделено авт.) дозволяли...» [5, с. 772].

В Манифесте Александра I от 25 июня 1811 г. об «Общем учреждении министерств» в первой главе «Общее разделение государственных дел» написано: «Все дела государственные в порядке исполнительном разделяются на пять главных частей: 1. Внешние сношения: Министерство иностранных дел. 2. *Устройство внешней безопасности*: Министерство военное, Министерство морское. 3. Государственная экономия: Министерство финансов, Государственное казначейство, Ревизия государственных счетов, Министерство внутренних дел, Министерство народного просвещения, Главное управление путей сообщения. 4. Устройство суда: Министерство юстиции. 5. *Устройство внутренней безопасности*: Министерство полиции» (выделено авт.) [12, с. 92]. Данным документом было положено начало создания системы обеспечения безопасности России.

Итак, при рассмотрении вопроса об обеспечении политической стабильности Российской империи в конце XIX – начале XX вв. необходимо подчеркнуть, что он является частью проблемы обеспечения государственной безопасности, под которой следует понимать состояние устойчивости государства и его способность обеспечивать защиту основ политической, экономической и идеологической систем общества от внешних и внутренних угроз, а в свою очередь, под политической стабильностью – способность политической системы функционировать и сохраняться длительное время без резких изменений.

Несправедливый характер реформ, в первую очередь крестьянской реформы 1861 г., привели к новым жестким формам проявления социального и политического протеста: созданию подпольных революционных сообществ, групп и партий. Для монархии наибольшую угрозу представляли партии социалистической направленности: Российская социал-демократическая рабочая партия (РСДРП) и партия социали-

стов-революционеров (ПСР), которые своей конечной целью ставили свержение самодержавия. Центральный комитет ПСР на первое место в этой борьбе ставил индивидуальный террор, считая все другие методы незначительными.

Об этом свидетельствуют статистические данные террористической деятельности эсеров в период с 1902 по 1911 гг. в России. Более 200 раз гремели револьверные выстрелы и раздавались взрывы эсеровских бомб. В итоге пострадали «два министра, 33 губернатора, генерал-губернатора и вице-губернатора, 16 градоначальников, начальников охранных отделений, полицмейстеров, прокуроров, помощников прокуроров, начальников сыскных отделений, 24 начальника тюрьмы, начальника каторги, тюремного управления, околоточных и тюремных надзирателей, 26 приставов и исправников и их помощников, 7 генералов и адмиралов, 15 полковников, 8 присяжных поверенных, 26 шпионов и провокаторов» [4, с. 5].

В обеспечении безопасности государства (Российской империи) и устойчивости политического режима принимали участие само государство как особая политическая организация по управлению делами в обществе, его государственные органы, в том числе органы исполнительной власти и специальные службы, негосударственные организации и сами граждане (подданные).

К концу XIX в. можно говорить о сложившейся системе обеспечения безопасности государства, которая представляла собой совокупность государственных органов исполнительной власти, каждый из которых имел специальную задачу и(или) задачи по противодействию одной или нескольким внутренним и(или) внешним угрозам. К основным элементам этой системы на рубеже XIX–XX вв. следует отнести: *органы общей полиции* (для обеспечения общественного порядка и благочиния); *Отдельный корпус внутренней стражи* (1811), с 1864 г. – *подразделения местных войск* (для обеспечения «тишины и спокойствия»); *органы политического сыска* (III отделение Собственной Е.И.В. Канцелярии, Отдельный корпус жандармов; Департамент полиции, охранка) (для борьбы с политическими государственными преступлениями); *Отдельный корпус пограничной стражи и таможенная стража* (для охраны государственной границы в финансовом и полицейском отношении); *органы разведки* (дипломатические работники, военные и морские атташе, Военно-ученый комитет и генерал-квартирмейстерская служба военного министерства), призванные добывать политическую и военно-стратегическую разведывательную

информацию; *органы контрразведки* («Разведочное отделение» с 1903 г., Контрразведывательное отделение с 1911 г.) – для противодействия разведкам иностранных государств.

За исключением первых двух, остальные органы можно отнести к специальным службам. Поскольку их характеризуют основные отличительные критерии, видовые признаки, определяющие спецслужбу: право осуществления разведывательной, либо контрразведывательной деятельности в пределах своей компетенции, как одного из способов реализации поставленных задач и использование в основном негласных форм и методов, специальных сил и средств в своей деятельности. Положения об этом содержались в нормативных документах этих структур. Так, в «Инструкции службы чинов Отдельного корпуса пограничной стражи» (1912 г.) было указано, что служба по пограничному надзору состоит из разведывательной и сторожевой. «Разведывательная служба исполняется как самими чинами, так и, главным образом, при посредстве агентов, доносителей и т.п. лиц, услуги которых оплачиваются особо назначенными для того средствами. Сторожевая служба исполняется исключительно чинами Корпуса при посредстве особо установленного для того наряда» [2, с. 10].

Формирование пограничной таможенной стражи, как одного из элементов системы обеспечения государственной безопасности, относится к началу XVIII в. и связано с введением Петром I протекционистских тарифов на ввозимые товары. В дальнейшем она совершенствовалась указами Елизаветы Петровны и Екатерины Великой и получила свое законодательное оформление в 1827 г., когда Николай I утвердил «Положение об устройстве пограничной таможенной стражи с общим видом оной» [8]. Еще 70 лет понадобилось, чтобы путем поиска оптимальных форм организации она превратилась в войсковое объединение, была выделена из Департамента таможенных сборов и с 27 октября 1893 г. стала именоваться Отдельным корпусом пограничной стражи (ОКПС). Однако на этом его реорганизация не закончилась. В 1899 г. были созданы округа корпуса, и только с присоединением в 1901 г. Заамурского округа ОКПС приобрел свое окончательное оформление как военизированное соединение, правоохранительный орган и специальная служба Российской империи.

Деятельность ОКПС была направлена на противодействие как внешним, так и внутренним угрозам, прежде всего в сфере экономической и политической безопасности. Наряду с решением основных задач по осуществлению военно-пограничного надзора – охраны государствен-

ной границы Российской империи в финансовом и полицейском отношении, несении карантинной службы, корпус пограничной стражи, будучи еще и правоохранительным органом, принимал непосредственное участие в обеспечении политической стабильности императорской России. Основными направлениями являлись: борьба с контрабандой оружия и политической литературы, государственными и уголовными преступниками, шпионажем, мигрантами, дезертирами армий сопредельных государств.

В борьбе с преступлениями ОКПС тесно контактировал с органами общей полиции, III отделением императорской Канцелярии, Отдельным корпусом жандармов, Департаментом полиции МВД, с военным командованием, с органами российской разведки и контрразведки.

Контрабандный промысел оружием получил распространение в связи с увеличением масштабов терроризма, развитием политической нестабильности в России. Причем к концу XIX в. он принял угрожающие размеры, что вынуждало правительство выработать необходимые меры по усилению надежности охраны рубежей империи.

Так, министр внутренних дел П.А. Столыпин 15 июня 1908 г. в своем письме шефу ОКПС – министру финансов В.Н. Коковцову – сообщал, что «в районы наибольшего развития политической контрабанды на прусскую и австрийскую границу по согласованию между Министерством финансов и Министерством Внутренних Дел была направлена междуведомственная комиссия из представителей ОКПС, Департамента таможенных сборов и Департамента Полиции для выработки мер по вопросу о совместных действиях при розыске и поимках тайно водворяемого в Империю оружия и контрабандных товаров» [9, л. 116–116 об.]. Комиссия также выработала ряд инструкций, по которым предлагалось общее руководство политическим розыском в районах Варшавского, Виленского, Одесского и Киевского округов сосредоточить в руках начальников надлежащих районных охранных отделений, подчинив им и пограничные розыскные органы.

Информация о задержании контрабандистов с оружием постоянно поступала в штабы бригад и округов. Только с 21 августа 1905 г. по 1 января 1907 г. чины стражи изъяли у контрабандистов 1984 винтовки, 67 охотничьих ружей, 612 револьверов, 456 250 штук боевых патронов, 14 кинжалов и даже 1 орудие» [11, л. 10]. Однако контрабанда оружия и после поражения революции 1905–1907 гг. не прекращалась. Так, в течение 1913 г. было задержано: 60 винтовок различных систем, 91 револьвер, 6804 штуки патронов и более 61 пуда пороху [1, с. 22].

Войска ОКПС прилагали немало усилий для прикрытия границы от контрабанды оружия. Это способствовало стабилизации обстановки в стране, препятствовало использованию оружия в политических целях и в межнациональных конфликтах.

Уже в 1897 г. Министерство внутренних дел по Департаменту государственной полиции неоднократно обращалось к руководству ОКПС с просьбами о возложении на пограничную стражу надзора за неводворением политической контрабанды. Позднее данная задача становится одним из направлений деятельности пограничного корпуса на границе.

Политические листовки, газеты и брошюры в основном социал-демократического и эсеровского содержания, имели ярко выраженный антиправительственный характер и наносили большой урон официальной идеологии царизма. Поэтому командир корпуса А.Д. Свиньин приказывал командирам бригад «установить особо тщательный надзор за политической контрабандой, чтобы со стороны всех без исключения чинов пограничной стражи прилагались все усилия и принимались все меры к предупреждению тайного проникновения такой контрабанды в наши пределы» [7, с. 47].

Способы провоза запрещенной литературы через границу были самые разные: от отправки по почте в виде посылок и бандеролей до использования тайников и эмигрантов, незаконно пересекающих границу.

Наибольший всплеск контрабанды политической литературы пришелся на годы первой революции, а именно на 1905 г. Было задержано 23 пуда 36 фунтов или 153 692 экземпляра печатной продукции на западном участке границы [10, л. 138]. Для сравнения за весь 1913 г. было произведено всего 5 задержаний с тремя проносителями 2 568 экземпляров «запрещенной литературы» и 19 посылок. За задержание политической контрабанды выдано в награду 14 нижним чинам 84 рубля [1, с. 23].

Еще одним направлением деятельности чинов ОКПС было задержание дезертиров иностранных войск – представителей прусской, австро-венгерской, румынской и турецкой армий. В 1912 г. – 98 чел., в 1913 – 89 чел. Среди дезертиров больше всего было австрийцев и румын. Как правило, это были нижние чины, отдавшие предпочтение нелегальному переходу границы нелегкой службе в своих национальных армиях.

Царское правительство использовало пограничную стражу и как правоохранительный орган для поддержания общественного порядка

в случаях, когда полицейских сил было явно недостаточно. Это делали на основании Высочайше утвержденных «Правил призыва войск для содействия гражданским властям». Так было в Одессе в 1905 г., когда чины Одесской бригады ОКПС были выделены для усиления подразделений общей полиции. После подавления выступления приказом командира корпуса № 68, п. 5, 1905 г. нижним чинам бригады были произведены денежные награды за то, что они «не примкнули к бунтовавшим матросам броненосца «Потемкин» [6].

Таким образом, ОКПС, как правоохранительный орган и как специальная служба в соответствии с поставленными перед ним задачами, принимал самое непосредственное участие в обеспечении политической стабильности Российской империи. У императора и государственных органов не хватило понимания всего масштаба кризисной ситуации, политической воли для принятия ответственных решений, не оказалось действенных механизмов быстрого обнаружения, предотвращения и разрешения угроз и противоречий, что является необходимым условием функционирования политической системы и показателем её стабильности. В конечном итоге, это привело к падению монархии и к драматическим событиям Великой российской революции 1917–1922 гг.

Список источников и литературы:

1. Годовой отчет по ОКПС за 1913 год. Пг., 1914.
2. Инструкция службы чинов Отдельного корпуса пограничной стражи – СПб., 1912.
3. Концепция национальной безопасности Российской Федерации: Утв. Указом Президента РФ от 17 декабря 1997 г. № 1300 (в ред. Указа Президента РФ от 10 января 2000 г. № 24) // Собрание законодательства РФ. М., 2000. № 24. ст. 170.
4. Костин Н.Д. Суд над террором. М.: Московский рабочий, 1990. 256 с.
5. Полное собрание законов Российской Империи (ПСЗРИ) Собр. 2-е. Т. 1. 1825–1827. СПб, 1830.
6. Приказы по войскам Отдельного корпуса пограничной стражи за 1905 г. СПб., 1906.
7. Приказы, приказания и циркуляры по войскам ОКПС за 1909 г. СПб., 1910.
8. ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. 2. № 1282.
9. Российский государственный военно-исторический архив (далее –РГВИА). Ф. 4888. Оп. 1. Д. 17.

10. РГВИА.Ф. 4888. Оп. 1. Д. 9.

11. РГВИА. Ф. 4888. Оп. 1. Д. 17.

12. Российское законодательство X–XX вв. Т. 6: Законодательство первой половины XIX в. М.: Изд-во «Юридическая литература», 1988. 432 с.

13. Указ Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 года № 537 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» / Российская газета. 2009 19 мая.

14. Яковлев Л.С. Контрразведка в системе обеспечения безопасности России (вторая половина XIX века – октябрь 1917 года). М.: ИМПЭ им. А.С. Грибоедова, 2008. 243 с.

Великая Российская революция 1917–1922 гг.

УДК 4(47).06

Сафонов М. М.

канд. ист. наук,

старший научный сотрудник

С.-Петербургского института истории РАН

(г. Санкт-Петербург)

Из истории отречения Николая II

В статье анализируются свидетельства главных очевидцев отречения последнего российского царя Николая II в хронологической последовательности их публикации и устанавливается взаимная связь между ними. Такой способ рассмотрения этих текстов дает возможность автору статьи определить тенденциозность их и вскрыть то, что участники старались различными способами скрыть от читателя. Автор приходит к заключению, что посланные в Псков новой властью А.И. Гучков и В.В. Шульгин оказывали сильное давление на царя, шантажируя его невозможностью оставить Алексея при родителях в случае отречения монарха в пользу сына и вынудили царя передать престол брату.

Ключевые слова: отречение, акт, манифест, царь Николай II, великий князь Михаил, цесаревич Алексей, А.И. Гучков, В.В. Шульгин.

The article analyzes the evidence of chief witnesses of the abdication of the last Russian Tsar Nicholas II in chronological order of their publication, and established a mutual bond between them. This method of consideration of these texts enables the author of the article to determine its biased nature and to reveal what the participants tried to hide from the reader in different ways. The author comes to the conclusion that A. I. Guchkov and V. V. Shulgin, which were sent to Pskov by the new government, exerted a strong pressure on the tsar, blackmailing his by inability to keep Alexei with parents in case of the abdication of the monarch in favor of his son and forced the tsar to pass the throne to his brother.

Keywords: abdication, act, manifesto, tsar Nicholas II, grand duke Michael, tsarevich Alexei, A. I. Guchkov, V. V. Shulgin.

Отречение Николая II – ключевой момент в истории Великой российской революции. Оно явилось эпилогом романовской династии: знаменовало собой начало падения монархии и крушения империи. Не-

смотря на обилие источников, освещающих, казалось бы, исчерпывающим образом это важнейшее для истории страны событие, мы до сих пор не можем сказать, как в действительности произошло отречение последнего русского царя.

Впервые о подробностях отречения кратко сообщили «Известия» 5 марта 1917 г. Они перепечатали текст «Известий Комитета петроградских журналистов», расклеенный накануне по городу в виде листовок. Согласно ему, посланные в Псков представители новой власти сообщили царю о том, что единственным выходом из создавшегося положения, когда царь остался без войск, является отречение. «После краткой беседы» Николай II заявил, что отречется в пользу брата Михаила, потому что ему «было бы очень тяжело расстаться со своим сыном». Тут же «был дан для подписи заготовленный заранее акт отречения и царь подписал его» [3].

В «Известиях», органе Петроградского совета, накануне отречения призывавшем низвергнуть царя, абдикация выглядела как низложение монарха. Но такая трактовка не могла устроить Временное правительство. Для легитимации своей власти, для сохранения линии преемственности ему был нужен не низложенный монарх, а добровольно передавший ее царь. Через два дня стали появляться свидетельства главных участников исторического события, корректирующие первую публикацию.

В тексте «Известий» многое оставалось туманным. Было понятно: Николай II отрекся в пользу брата потому, что не мог расстаться с сыном. Такое решение было объявлено помазанником после «краткой беседы» с посланцами из Петрограда. Но содержание ее не раскрывалось. Было неясно, решение царя являлось следствием этой беседы или же оно было принято до от нее и лишь объявлено после кратких переговоров с прибывшими из столицы. А главное — оставалось непонятным, кем был дан царю лишь для подписи «заготовленный заранее» акт и кто его заготовил?

7 марта 1917 г. октябристская газета «Русская Воля» поместила корреспонденцию В. Самоилова «Генерал Русский об отречении Николая II». А на следующий день кадетская «Речь» обнародовала «Подробности отречения» (Рассказ В.В. Шульгина). Осталось неизвестным, действительно ли журналист встречался с генералом, либо текст «интервью» был подготовлен одним газетчиком.

Когда Самоилов спросил Н.В. Рузского, правда ли, что он предотвратил кровопролитие, которое царь готовил народу, прибыв в Псков, чтобы убедить Рузского послать в Петроград несколько корпусов, главков, улыбаясь, заявил, что оказал революции услугу гораздо большую: посылать войска не предлагал, потому что убедил Николая отречься.

Зачин интервью представлял скрытую полемику с «Известиями». Там говорилось: представитель Временного правительства советовал не посылать войска для подавления революции, потому что они все равно присоединятся к восстанию, а Временное правительство уже отдало приказ о возвращении посланных для подавления войск. Т. е. физическая невозможность осуществить репрессии заставила царя принять предложение представителя новой власти отречься.

Вопрос же журналиста вместе с ответом генерала снимал с царя обвинение в намерении устроить кровавую бойню. Эта октябристская «коррекция», была необходима для создания образа добровольно отрекшегося монарха: если монарх сознательно решил отречься, то к чему же посылать карательные отряды в Петроград? Разъяснение Рузского ставило все на свои места: царь и не собирался прибегать к репрессиям. Он думал о добровольном отказе от власти. Убедил же его в этом главнокомандующий Северным фронтом. Именно убедил, а не заставил! Да и убеждать-то сильно не пришлось. Вначале царь сам решил даровать ответственное министерство и подписал манифест об этом. Затем легко согласился с «советом» Рузского отречься. Потом сообщил главкосеву, что акт уже подписан и что он отрекается в пользу сына. Наконец, передал генералу подписанную им телеграмму об отречении. Но главкосев не отправил ее и воздержался от публикации манифеста об отречении ввиду ожидавшегося приезда депутации Думы. «Комиссары» прибыли в Псков в десятом часу. Несмотря на распоряжение главкосева, их привели не к нему, а сразу же в вагон царя. Когда Рузский туда пришел, А.И. Гучков докладывал о последних событиях.

Если «Известия» сообщали о том, что тезис Гучкова о невозможности употребить военную силу против восставших стал решающим аргументом в решении императора отречься, то согласно интервью, последней каплей явилось иное обстоятельство. «Особенно сильное впечатление на Николая II произвела весть о переходе его личного конвоя на сторону восставших войск. Этот факт его настолько поразил, что он дальнейший доклад Гучкова слушал уже невнимательно». Т. е., карателей посылать не собирался, но за сына испугался. «Дальнейшее вам уже известно из опубликованного в Известиях», – заявил Рузский. Но этим не ограничился и сообщил подробности, объясняющие «темные» места известинской публикации.

Тоном, «недопускающим двух решений», комиссар заключил, что Николаю следует отречься. На это царь ответил, что уже подписал акт об отречении в пользу сына, но теперь пришел к иному заключению. Поскольку Алексей не отличается крепким здоровьем, а он не желает рас-

статься с сыном, Николай решил уступить престол Михаилу. Посланцы Думы не возражали. «Царь вышел с Фредериксом в соседний вагон, составил новый текст отречения и вернулся в вагон, в котором находились комиссары. В течение десяти минут царило тягостное молчание. Наконец, явился Фредерикс с напечатанным на машинке актом отречения, который царь тут же подписал. А Фредерикс по предложению комиссаров и с согласия царя контрассигновал подпись. «Таким образом, в течение 24 часов Николаем последовательно было подписано три акта: в 2 часа ночи 2-го марта – манифест «о даровании ответственного министерства», в 3 часа дня отречение в пользу сына Алексея и, наконец, в 10 часов вечера «отречение в пользу Михаила», – заключил Рузский. Это резюме должно было не оставить сомнений у читателя: склонный к уступкам Николай еще до приезда комиссаров имел подписанный манифест в пользу сына, но, узнав о том, что цесаревич остался без личной охраны, решил передать престол брату. При этом свое решение он мотивировал не только нежеланием расстаться с цесаревичем, как утверждали «Известия», но и тем, что сын не отличался крепким здоровьем [9].

Описание отречения нельзя проверить другими документами, возникшими независимо от участников этого процесса. Но, главным критиком этого построения является сам Рузский. В июне 1917 г., когда ситуация изменилась, он рассказывал об этом же вел. кн. Андрею Владимировичу. Теперь уже бывший главком старался снять с себя обвинение в том, что убедил царя отречься. Для этого генерал усилил тезис о добровольности решения Николая об абдикации. Согласно великому князю, под влиянием главкомов царь в 15 часов согласился отречься в пользу Алексея и написал телеграмму об этом. Но Рузский не отправил ее, узнав о предстоящем приезде делегатов. С разрешения государя он решил прежде переговорить с депутатами и для этого сохранил телеграмму у себя. Он хотел спасти престиж помазанника: если они приедут за отречением, сказать им, что государь уже принял решение сам. Но их отвели к царю. Когда Рузский вошел, Гучков заканчивал свою речь о необходимости отречения в пользу Алексея. Генерал сказал В.В. Шульгину, что это уже сделано и передал телеграмму Николаю. Но царь к удивлению Рузского положил ее в карман. Затем все были «огорошены», когда Николай заявил, что решил отречься за себя и за сына. Свое решение он мотивировал тем, что Алексей «нуждается в серьезном уходе». От удивления депутаты переглянулись. Гучков сказал, «что такого решения они не ожидали». Они отправились в соседнее отделение обсудить услышанное. Николай ушел писать телеграмму. Шульгин же заявил, что «они решительно не знают,

как поступить». Не знали они и того, соответствует ли такое решение Основным законам. Рузский упрекнул их за то, что они приехали по такому важному делу и не захватили с собой ни законов, ни юриста. Шульгин оправдывался: «Они вовсе не ожидали такого решения государя». Вернувшись в салон, получили от царя уже подписанный манифест об отречении в пользу Михаила. Толпе, собравшейся у вагона, Гучков заявил: «Государь дал больше, нежели мы желали». Особо Рузский подчеркнул: он, мол, не знает, с какой целью приехали делегаты. Они не привезли с собой никаких бумаг, ни удостоверений, ни проекта. Никаких документов в их руках он не видел. Если они ехали просить об отречении и получили его, то незачем Гучкову было говорить, что они получили больше, нежели ожидали. «Я думаю, — заключил Рузский, — что они оба на отречение не рассчитывали» [5, с. 206–208].

Доминанта этого построения состоит в гипертрофированном выражении удивления добровольным решением царя отречься в пользу брата, к чему ни Рузский, ни депутаты не имели ни малейшего отношения. Определенно, генерал «перестарался». Разумеется, о сакральной фразе Гучкова о переходе конвоя, согласно интервью, переломившем настроение царя, Рузский теперь уже не вспоминал — другие времена.

В сентябре 1918 г. Рузский в рассказах монархисту С.Н. Вильчковскому попытался смыть с себя клеймо человека, убедившего царя отречься. Всю ответственность за отречение он переложил на председателя Думы М.В. Родзянко и М.В. Алексеева. Себя же представил человеком, который сделал все, чтобы не допустить отречения. В этом варианте главкосев утверждал, что царь в 14 часов объявил о решении отречься в пользу сына, составил на телеграфных бланках несколько черновики отречения и передал «листки» Рузскому. Но главкосев сохранил текст у себя, чтобы уговорить делегатов избежать отречения. Царь колебался. Генерал ощущал «его видимое волнение и страдание в решении вопроса, как отречьшись в пользу сына, не быть с ним разлученным». Он не хотел обречь сына на страдания. К вечеру у Николая созрела мысль отречься и за него. Он сказал об этом посланцам Думы. Делегаты попросили разрешения выйти посоветоваться. У царя к их приезду был уже готов текст манифеста об отречении и ровно в 24 часа на 3-е марта он его подписал». «Подробности того, что происходило в вагоне государя, с прибытия Шульгина и Гучкова, уже известны, и Рузский на них в своих рассказах мало останавливается», — записал Вильчковский.

Сопоставляя все три рассказа главкосева о добровольном отречении Николая, можно прийти лишь к единственному заключению: ни

одному слову Рузского верить нельзя. Это всего лишь интерпретации, связанные с особенностями того момента, когда их записывали [см. подробно: 10, с. 465–473].

На следующий день после публикации интервью Рузского был обнародован рассказ В.В. Шульгина. Похоже, он уже ознакомился с интервью и поспешил «подправить» его: усилить тезис о добровольности отречения. Шульгин подтвердил основные моменты встречи с царем, но представил собственную их интерпретацию. Никаких предварительных контактов Рузского и делегатов не было. Царь решил отречься до их приезда. Как доказательство Шульгин привел реплику Рузского: «Это уже дело решенное», прозвучавшую в тот момент, когда Гучков предложил отречься в пользу Алексея. Шульгин подчеркнул лояльность царя к посланцам Думы. Николай поздоровался с ними «скорее любезно, чем холодно, подав руку». Автор опасался, что Гучков скажет царю «что-нибудь злое, безжалостное, но этого не случилось». Он «совершенно не коснулся прошлого». Николай же был еще спокойней Гучкова. Шульгин вложил в уста царя ту же самую фразу об абдикации, которая фигурировала в интервью Рузского. Только разбил ее на две части и вставил в нее обязательное указание на то, что до 15 часов царь собирался отречься в пользу сына. Да и в мотивировке переотречения указал только на невозможность расстаться с Алексеем, но не упомянул, как это сделал Главкосев, еще и о его слабом здоровье.

Чтобы подчеркнуть, что делегаты не имели своей целью добиться отречения в пользу Михаила, Шульгин заявил: это предложение застало их «врасплох». Они предвидели только отречение в пользу Алексея. Хотели выйти посоветоваться с глазу на глаз, но вскоре тут же «сдали» свою позицию. Далее в тексте Шульгина помещен очень важный пассаж. «Гучков сказал, что он не чувствует себя в силах вмешиваться в отцовские чувства и считает невозможным в этой области какое бы то ни было давление. Мне показалось, что в лице царя промелькнуло слабо выраженное удовлетворение за эти слова». Такими фразами автор как бы выдает себе и делегатам сертификат невинности: никакого давления на отцовские чувства царя не только не было, но об этом даже не смели и подумать. Себе Шульгин отвел также важную роль. Он заявил: «При неизбежной разлуке создается очень трудное, щекотливое положение. Так как маленький будет все время думать о своих отсутствующих родителях, и, быть может, в душе его будут расти недобрые чувства по отношению к людям, разлучившим его с отцом и матерью». Вместе с тем Шульгин добавил: новый монарх должен принести присягу кон-

ституции, совершеннолетний монарх может это сделать, а малолетний нет. Получив согласие, царь удалился писать манифест. Через 15 минут он вернулся и произнес: «Вот акт, прочтите». Шульгин дает понять, что они не передавали царю проекта отречения в пользу Михаила.

И согласие царя, и его участие в совместном редактировании нового текста должны были засвидетельствовать лояльное отношение добровольно отрекающегося к делегатам. Для того чтобы оттенить это обстоятельство, Шульгин засвидетельствовал: после того, как акт был одобрен, «мне кажется, произошел обмен рукопожатий, как-будто имевший сердечный характер. Впрочем, ... я ... могу и ошибаться. Может быть этого и не было». Уже некоторым перебором отдает фраза: «Мне кажется, что злых чувств ни с той ни с той, ни с другой стороны в это мгновение не было». «С внешней стороны царь был совершенно спокоен, но скорее дружелюбен, чем холоден». Конечно, ни о каком переходе конвоя речи в этой атмосфере быть не могло [6, с. 169–172].

В 1925 г. в эмиграции Шульгин опубликовал развернутую версию отречения, написанную уже с позиций монархиста. С фактической стороны она повторяла изложенное Шульгиным по горячим следам, но содержала и дополнительные подробности. В описание аудиенции Шульгин ввел новый эпизод. Пришедший с опозданием Рузский сказал ему, что из Петербурга двигаются вооруженные грузовики и спросил: «Неужели же ваши?». Шульгин обиделся. Сюжет о наступающих грузовиках понадобился автору для того, чтобы обосновать, почему они согласились с решением царя отречься в пользу Михаила. Автор старался показать, от какой смертельной опасности депутаты стремились спасти помазанника и членов династии. При полной анархии Михаил мог бы отречься, а Алексей нет. «И тогда, что они сделают, эти вооруженные грузовики, движущиеся по все дорогам? Наверное, и в Царское Село летят – проклятые ... и сделались у меня: «Мальчики кровавые в глазах». Поместив пассаж о «кровавых мальчиках», он косвенно признал, какого рода аргументация имела место во время аудиенции: если Алексей примет престол, ему может грозить смерть. Все это якобы пронеслось в голове Шульгина. Но вслух при царе произнесено не было.

В развернутую версию Шульгин поместил свой разговор с начальником штаба глакосева Ю.Н. Даниловым о преимуществах отречения в пользу Михаила: «Если на престол взойдет малолетний Алексей, то придется решать очень трудный вопрос, останутся ли родители при нем, или же им придется разлучиться». Если они останутся, то отречение будет выглядеть фиктивным. Если же разлучить малолетнего государя с роди-

телями, то это нанесет ему моральную травму. Болезненный ребенок будет ненавидеть разлучивших его с родителями, как своих тюремщиков. Очевидно, и тут Шульгин таковым замечанием старался убедить читателя в том, что вопрос возник только после того, как царь ушел писать отречение. До того же, когда Гучков убеждал его решиться на этот шаг, болезненная тема не затрагивалась. Это служило как бы еще одним доказательством того, что на царя никакого давления не оказывалось.

Шульгин «ввел» в текст Данилова, сделав его «записывающим», для того, чтобы предоставить себе возможность иметь собеседника и сказать ему о негативных последствиях разлучения наследника с родителями. Два года спустя в эмиграции были опубликованы воспоминания и самого «писаря». Они почти полностью повторяли версию Шульгина. Интерес же представляют те авторские приемы, которые мемуарист употребил, чтобы сделать эту версию более убедительной и снять с себя и Главкосева ответственность за переотречение. Это достигается за счет того, что всеми возможными способами подчеркивается отсутствие предварительных контактов штаба с делегатами. Тем же целям служит и заявление автора о том, что фраза царя о решении отречься в пользу Михаила стала такой неожиданностью для Главкосева и начштаба, так что они даже переглянулись, но вмешиваться в диалог царя не посмели. Представляется важной и фраза Данилова, которую он произнес в разговоре с Шульгиным, когда царь пошел писать манифест. Начальник штаба якобы спросил у собеседника, не будет ли подорвано здоровье Алексея, если его разлучат с родителями, и не станет ли в этом случае его воспитание «ненормальным». Особо подчеркнул Данилов, что он почувствовал полное удовлетворение от того, что донес до депутатов этот важный вопрос. Другими словами, Данилов «по-своему» дал понять читателю: в разговоре с царем, перед тем, как он объявил о своем решении отречься в пользу Михаила, никто из присутствующих тему «угроз» наследнику не поднимал [2, с. 237–240].

Интересно сопоставить свидетельства Шульгина с допросом А.И. Гучкова, обнародованном в один год с публикацией развернутой версии Шульгина. 2 августа 1917 г. Гучков дал разъяснения Чрезвычайной следственной комиссии. Главный свидетель поначалу пытался избежать какой-либо конкретики. «Я не знаю, нужно ли говорить со всеми подробностями?», — заявил он. Но в ответ услышал от следователя: «Если можно, остановитесь на этом вопросе, потому что немногие были свидетелями этого момента». Гучков подчеркнул, что хотел вначале повидать Рузского «для того, чтобы немножко ознакомиться с настроением, которое господствовало в Пскове, узнать, какого рода аргументацию следовало успешнее применять». Узнать

не удалось, но из его описания хода встречи нетрудно заключить, какую аргументацию, он считал наиболее успешной.

В вагоне они застали Фредерикса и К.А. Нарышкина, потом пришел Рузский и только после этого появился Николай. В изложении Шульгина Рузский пришел после царя. Настаивая на том, что контактов с Рузским до того, как делегаты оказались в поезде, не было, Гучков однако проговорился: какое-то время до появления царя они находились в одном помещении с главкосевом. И, следовательно, имели возможность обмениваться информацией. В отличие от Рузского и Шульгина, Гучков привел содержание своей речи. В ней было упоминание об опасности, которая угрожала семье императора в Царском Селе. Он рассказал, как лично принял конвой, пришедший в Таврический дворец, и завершил тем, что царю надеяться не на что, остается только отречься в пользу сына.

Николай ответил, что и сам в эти дни думал об отречении, но одно время собирался отречься в пользу сына, «*a теперь* (курсив мой – М.С.) решил, что не может расстаться с сыном», и поэтому решил сделать это в пользу брата таким образом. Гучков засвидетельствовал: решение Николая абдикировать в пользу Михаила было принято после того, как царю стало известно о смертельной опасности, угрожающей Алексею в Царском Селе. Это перекликалось с тем, о чем Рузский рассказывал в интервью. Хотя согласно Гучкову конфликта между депутатами и царем не было, но из упоминания о конвое следовало: давление на Николая оказывалось. Да еще какое! И решение царя передать власть брату было вызвано как раз страхом за жизнь семьи. Более того, Гучков заявил: «Государю не придется рассчитывать при этих условиях на то, чтобы сын остался при нем и при матери, потому, что никто... не решится доверить судьбу и воспитание будущего государя тем, кто довел страну до настоящего положения». У Рузского, во втором варианте его версии, Николай сам, без посторонней помощи, осознает невозможность расстаться с сыном. Если Шульгин утверждал, будто бы его напарник заявлял, что не может вмешиваться в семейные отношения и какое-либо давление в этом отношении считает невозможным, то Гучков же на допросе дезавуировал этот важнейший тезис.

Фраза Гучкова о том, что им ничего не оставалось, как подчиниться решению Николая, плохо маскирует тот факт, что на царя было оказано сильное давление. Ничего не стоят и заявления Гучкова в ответ на вопрос следователя, не оказывалось ли на царя давление: «Мне не пришлось настаивать, это вышло легко и просто». А между тем, ничем иным как непосредственным давлением нельзя назвать последующее

заявление Гучкова: «В таком случае необходимо сейчас же составить акт об отречении, что должно быть сделано немедленно» (курсив мой – М.С.). Гучков передал царю проект отречения, составленный накануне Шульгиным. (Шульгин признавал существование такого проекта, но о его передаче царю – ни слова). Царь взял проект и вышел. Депутаты час или полтора прождали в вагоне. (У Шульгина – только 15 минут). Затем царь вернулся и передал Гучкову «бумажку». На ней на пишущей машинке был написан акт отречения. Предложенные Шульгиным поправки «были сейчас же внесены в текст». Таким образом «акт отречения был готов» [7, с. 262–277].

Сопоставляя свидетельства главных участников отречения, невозможно не прийти к заключению: ими едва ли можно пользоваться как вполне достоверными источниками, как это часто делается, для того, чтобы представить процесс отречения как можно полнее и конкретнее. Достаточно сравнить их между собой, в частности, то, как они изображают, кто и где сидел во время аудиенции, чтобы возник вопрос – одну и ту же ли сцену они описывают? То же можно сказать относительно их показаний о внешнем виде актов отречения и их дальнейшей судьбе. Но эти противоречивые свидетельства несут в себе важную информацию о том, что их авторы стараются во что бы то ни стало скрыть. Бросается в глаза навязчивое стремление всех авторов отрицать какие-либо контакты штаба Северного фронта с посланцами Думы до того, как аудиенция началась. Между тем офицер для особых поручений при дворцовом коменданте Г.А. фон Таль такой контакт зафиксировал. Таль находился на платформе вокзала, когда делегаты вышли из вагона. К ним сразу же «подошли военный комендант станции Псков, что-то очень долго наговаривавший Гучкову» по приказанию... Рузского. «В это время к депутатам подошел адъютант» главкосева граф Шереметьев и «пригласил их к... Рузскому, но тут же подошел флигель-адъютант Мордвинов и передал, что государь... их просит в... поезд, куда они и пошли». Т. е. по приказанию Рузского приехавшим что-то сообщалось, и разговор этот продолжался «очень долго» [1, с. 187].

То, с каким упорством участники аудиенции старались во что бы то ни стало доказать в своих воспоминаниях, мол они никоим образом не стремились убедить царя в том, что передача трона Алексею повлечет за собой отлучение его от родителей, побуждает поверить в обратное. Иначе нельзя объяснить, почему этому пункту мемуаристы придавали такое гипертрофированное значение. Очевидно, обменявшись информацией с представителем Рузского на пути в царский вагон (а может быть

и с самим глакосевом в салоне до прихода царя) Гучков и Шульгин во время аудиенции убеждали царя, что ему следует передать престол Михаилу, если он не желает бросить сына на произвол судьбы. Видимо, и переход собственного конвоя и движение бронированных автомобилей сыграли роль весомых аргументов в пользу такого решения. При всей кажущейся невероятности такого истолкования их свидетельств, следует принять во внимание следующее. К тому моменту, когда Гучков и Шульгин, отправившиеся за отречением в пользу Алексея, прибыли в Псков, в Петрограде, после выступления П.Н. Милюкова в Таврическом дворце, настроения резко качнулись влево. Такая комбинация Петроградскому совету стала казаться неприемлемой. Вдогонку депутатам был отправлен специальный поезд. Они были задержаны в Луге и, выехав из столицы вдвоем, прибыли в Псков в сопровождении людей с красными бантами и винтовками. Причем именно эти «люди с ружьем» чувствовали себя хозяевами положения и определяли поведение делегатов Думы [см. подробно: 1, с. 250]. Гучков и Шульгин в изменившихся условиях были вынуждены добиваться отречения Николая II в пользу брата, иначе их не пропустили бы через Лугу. Потом они всячески старались скрыть это и убедить всех: решение самого царя было добровольным.

Список источников и литературы:

1. Архипов И. Поезд на конечном пути // Звезда. 2002. № 10.
2. Данилов Ю.Н. Мои воспоминания об императоре Николае II и великом князе Михаиле Александровичу // Архив русской революции. Берлин, 1928. Т. 19
3. Известия Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 5 марта.
4. Камер-фурьерский журнал. 1916–1917. СПб.: Д.А.Р.К., 2014. 1088 с.
5. Красный архив. 1928. Т. 1(26).
6. Отречение Николая II: Воспоминания очевидцев, документы. М.: Советский писатель, 1990. 253 с.
7. Падение царского режима. Л., 1926. Т. VI.
8. Речь. 1917. 7 марта.
9. Русская Воля. 1917. 7 марта.
10. Сафонов М.М. Генерал Н.В. Рузский фальсифицирует историю // Революция 1917 года в России: события и концепции, последствия и память. СПб., 2017.
11. Сафонов М.М. Ложь и правда об отречении Николая II // Нестор. 2005. № 3: Между двух революций 1905–1917. С. 215–272.

УДК 94(470) «1917»

Николаев А. Б.

д-р ист. наук, профессор,
заведующий кафедрой русской истории,
Российский государственный педагогический университет
им. А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург)

Из истории приказа № 1 Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов

В статье доказывается, что попытка создать приказ № 1 как думско-советский документ была предпринята 1 марта 1917 г. ВКГД отказался от участия в создании приказа № 1. Результатом этого стало падение думского влияния на солдатские массы. Автор высказывает предположение, что 2 марта был издан еще и подложный приказ № 1, точное содержание которого неизвестно, т.к. он вплоть до сегодняшнего дня не обнаружен. Известно, что 2 марта в Петрограде были совершены акты насилия над офицерами со стороны солдат. Не исключено, что они были связаны не только с настоящим приказом № 1 Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, но и с подложным приказом № 1.

Ключевые слова: приказ № 1, подложный приказ № 1, Военная комиссия Временного комитета Государственной думы (ВК ВКГД), Б.А. Энгельгардт.

The article demonstrates that the attempt to create Order Number One as a Duma-Soviet document was made on March 1, 1917. The Temporary Committee of the State Duma refused to take part in the creation of Order Number One. The result of this was the fall of the Duma's influence on the soldiers' masses. The author suggests that on March 2, 1917 a false Order Number One was also issued, but its exact content is unknown because till now it is not found. It is known that on March 2, 1917 soldiers committed violence on officers in Petrograd. Also it can be connected not only with the publication of Order Number One by Petrograd Soviet but also false Order Number One.

Keywords: Order Number One, false Order Number One, Military Commission of the Provisional Committee of the State Duma (MC of the PCSD), B.A. Engelhardt.

Отечественные историки не раз обращали свое внимание на приказ № 1 Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, как

в обобщающих трудах по истории революции 1917 года в России [3, с. 294–300; 10, с. 507–509; 11, с. 84–88] и в работах на смежные темы [9, с. 25–43, 59–70; 18, с. 34–35; 19, с. 57–65], так и в специальных исследованиях [4; 7; 8; 20; 26]. Вместе с тем некоторые вопросы истории его создания требуют дополнительного изучения.

Своеобразием Февральской революции, кстати, обеспечившим ее победу над царизмом, стало сотрудничество Государственной думы и Петроградского Совета рабочих (а затем и солдатских) депутатов. Это сотрудничество проявилось, например, в деятельности думско-советской Военной комиссии и Временного комитета Государственной думы, в который входили председатель Петроградского Совета Н.С. Чхеидзе и его товарищ (заместитель) А.Ф. Керенский. Можно утверждать, что, начиная с 27 февраля и до 3 марта включительно, сложилась и функционировала думско-советская власть. И если это так (а это так!), то почему приказ № 1 Петроградского Совета, наносящий удар по думско-советскому сотрудничеству, да и по думско-советской власти, был издан Петроградским Советом помимо думских структур – ВКГД и его Военной комиссии?

Имеются свидетельства, которые указывают на то, что попытка издать приказ № 1 как продукт советско-думского творчества была советскими деятелями все-таки предпринята. Б.А. Энгельгардт вспоминал, что к нему явилась группа солдат, некоторые из них «предъявили удостоверения об избрании их представителями своих полков, для подачи требований в Военную комиссию». Один из солдатских представителей заявил Энгельгардту о том, что «пославшие их части требуют издания правил новых отношений между офицерами и солдатами, с введением выборного начала в войсковых частях, с предоставлением солдатам права контроля над всеми хозяйственными операциями в ротах, эскадронах, батальонах и проч[ее]». Энгельгардт поспешил сообщить о требованиях солдат М.В. Родзянко и А.И. Гучкову, которые находились в это время на заседании ВКГД. «Оба категорически протестовали против издания чего-либо подобного и поручили мне, – писал Энгельгардт, – так или иначе, спровадить делегацию, успокоив солдат обещанием, что в ближайшем будущем будет организована специальная комиссия, которая детально разработает поднятые вопросы». Это поручение Энгельгардт выполнил, но через некоторое время к нему явился член Петроградского Совета («солдат, в расстегнутой шинели, с папироской в зубах»), который предложил ему принять участие в выработке новых правил взаимоотношений военнослужащих. Энгельгардт отказался, сославшись на мнение ВКГД, который считал,

что «разработку таких правил следует отложить до более спокойного времени». В ответ, вспоминал Энгельгардт, «солдат усмехнулся и, круто повернувшись на каблуках, бросил мне через плечо: “тем лучше, сами напишем...”» [24, д. 32, л. 25–27].

Но Энгельгардт не только сообщил членам ВКГД о предложении солдатских делегатов об издании правил новых отношений между офицерами и солдатами, но и принял участие в их составлении. 4 мая 1917 г. Б.А. Энгельгардт показал Комиссии опросов Таврического дворца, что вместе с солдатами составил приказ, в котором, насколько можно понять из незаконченной редакции интервью, был пункт о выборности командиров. Приказ Энгельгардт отнес в думский Комитет для согласования. Члены ВКГД «ужаснулись приказу», сказав, что результатом его будет распад армии. По словам Энгельгардта, «была жаркая дискуссия с Гучковым, который был непреклонен, и все члены ВКГД согласились с ним» [27, р. 62]. Член ВКГД А.А. Чиколини 5 мая 1917 г. со слов Энгельгардта рассказал той же Комиссии о приказе № 1: «Солдаты пришли в Таврический дворец и направились к Энгельгардту с просьбой издать приказ. С этими солдатами Энгельгардт (который рассматривал приказ с точки зрения хозяйственных функций, а не политического смысла) набросал воззвание, которое он показал Родзянко и Гучкову. Они категорически возразили. Гучков завил: “Если это так необходимо, то будет лучше, если приказ придет от них, а не от нас”. Энгельгардт вернулся к солдатам с отказом, они ответили: “Нет необходимости; мы сами его издадим”. И Совет рабочих и солдатских депутатов издал приказ № 1» [27, р. 79]. В п. 3 приказа указывалось, что «во всех своих политических выступлениях воинская часть подчиняется Совету рабочих и солдатских депутатов и своим комитетам» [5]. Исследователь считает, что «тем самым приказ № 1 ограничивал возможность подчинения гарнизона ВКГД» [18, с. 34]. 4-й пункт гласил: «Приказы Военной комиссии Государственной думы следует исполнять, за исключением тех случаев, когда они противоречат приказам и постановлениям Совета рабочих и солдатских депутатов» [5]. Учитывая, что Военная комиссия ВКГД была думско-советским органом, 4-й пункт приказа № 1 лишь указывал ей на необходимость согласовывать свои приказы с постановлениями Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов.

Позднее Временный комитет Государственной думы констатировал, что «приказ, проектированный делегатами, много меньше затрагивал основы воинской дисциплины, чем изданный впоследствии приказ № 1, и касался лишь выборов младших офицеров, а также устанавли-

вал некоторое наблюдение солдат за хозяйством в частях войск» [16, оп. 5, д. 1252, л. 235]. Кстати сказать, воспоминания Б.А. Энгельгардта и особенно приведенная выше выдержка из документа «От Временного комитета Государственной думы» в той части, где речь идет о выборности младших командиров, подтверждают точку зрения Ю.С. Токарева и Г.И. Злоказова о том, что в первоначальном тексте приказа № 1 содержался пункт о выборности командного состава [4, с. 67; 19, с. 64–65]. Г.И. Злоказов предположил, что пункт о выборности офицеров «в ходе его печатания был снят по настоянию Исполкома Совета» [4, с. 67]. Напомним, что соавтором первоначального приказа № 1, который содержал пункт о выборности командиров, являлся председатель ВК ВКГД Б.А. Энгельгардт. Укажем и на то, что ВК ВКГД и после принятия приказа № 1 без пункта о выборности командиров, утверждала командиров, которые были выбраны солдатами: 2 марта приказом за № 57 Военная комиссия утвердила в должности командира запасного батальона л.-гв. Финляндского полка, а также 19 офицеров и чиновников [22, оп. 1, д. 22, л. 1], а 3 марта дала приказ на командира 2-го отдельного полевого тяжелого артиллерийского дивизиона батарей «Е», 3-х командиров батарей и командира артиллерийских парков [16, оп. 10, д. 52, л. 34; д. 54, л. 1].

В конце мая 1917 г. выяснилось, что был опубликован еще один приказ № 1, но уже подложный. Б.С. Синани, выступая 31 мая 1917 г. на съезде военно-учебных заведений, утверждал, что «приказ № 1 не имел в виду разрушать дисциплину, ибо в нем только признавалось право солдата на политическое определение». Защищая приказ № 1, Синани привел сенсационные сведения: «Большую роль в деморализации воинских частей произвел подложный приказ № 1, который на другой день издания настоящего приказа был найден отпечатанный в больших количествах в одной из петроградских типографий. В этом приказе открыто призывались солдаты и рабочие идти против офицеров... И, к сожалению, подложный приказ, автор которого остался неизвестен, распространился. Явно провокационная цель была таким образом достигнута» [21]. Если 3 марта, по словам Синани, нашли подложный приказ № 1, то отпечатан он был, несомненно, накануне, т.е. 2 марта и тогда же получил распространение. Б.А. Энгельгардт утверждал, что он предпринял меры против распространения приказа № 1: организовал «сорвать их в городе и поручил ген[ералу] Половцеву немедленно произвести расследование по его (приказа № 1 – А.Н.) появлению и арестовать склады». По словам Энгельгардта, «в этот же день приказ

был обнаружен в типографии Штаба войск гвардии, где он был отпечатан в миллион экземпляров». П.А. Половцеву, по словам председателя ВК ВКГД, «удалось захватить подлинник и арестовать около 200 тыс. экземпляров». Энгельгардт писал: «Автор остался неизвестным. Чины типографии никого не назвали. Экспертизы почерка не производилось» [25, оп. 1, д. 6, л. 2]. Почему в этой записке речь идет не о настоящем, а о подложном приказе № 1? Дело в том, что настоящий приказ № 1 был издан тиражом около 1 млн. экземпляров в типографии «Известий Петроградского Совета» [4, с. 70]. В записке же Энгельгардта говорится о типографии Штаба войск гвардии и Петроградского военного округа, в которой и был отпечатан подложный приказ № 1. Здесь же укажем, что ни в воспоминаниях П.А. Половцева [15], ни в протоколах Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов за 2–4 марта [13, с. 59–131] сведений об изъятии приказа № 1, отпечатанного в типографии Штаба войск гвардии, нет.

О чем шла речь в этом подложном приказе № 1 неизвестно, т.к. он вплоть до сегодняшнего дня не обнаружен. Укажем, что Синани ни словом не обмолвился о содержании этого документа. Можно лишь предположить, что в подложном приказе содержался пункт, согласно которому офицеры должны были снять погоны. В связи с этим интерес представляют воспоминания Г.М. Мичурина, в которых он писал, что патрули «должны были проверять выполнение приказа № 1 офицерами, обязанными по этому приказу снять погоны» [11, с. 15]. Любопытно, что 2 марта среди солдат распространялась антиофицерская прокламация. В телеграмме ПТА от 2 марта за № 496 сообщалось о речи Н.С. Чхеидзе в Екатерининском зале Таврического дворца: «Чхеидзе рассказывает о последних усилиях провокации охранки [,] выпустившей гнусную прокламацию об убийстве солдатами офицеров и горячо призывает солдат приветствовать офицеров [,] как граждан [,] поднявших революционное знамя [,] и оставаться братьями во имя великой революции и русской свободы» [17, оп. 1, д. 1882, л. 22]. П.Ф. Арзубьев вспоминал о том, как на сборном пункте в Бирже труда читали эту прокламацию 2 марта 1917 г.: «Прокламация не длинная, а сущность ее сводится к следующему: Товарищи солдаты, не доверяйте собакам, носящим золотые и серебряные погоны. Опасайтесь тех, кто еще вчера был слугой и холопом Романовых». Арзубьев замечает: «Цитирую на память, так как «прокламации этой у меня нет, и я только слышал, как ее читали. Но смысл и стиль воззвания именно таковы» [1]. 3 марта было опубликовано обращение Исполкома Петроградского Совета рабочих и солдатских

депутатов по поводу «возмутительных призывов» к насилию над офицерами [6]. Вместе с тем о подложном приказе № 1 советские лидеры и «Известия Петроградского Совета» не упоминали.

2 марта в некоторых воинских частях положение резко ухудшилось. Так, в этот день командир батальона л.-гв. Гренадерского полка сообщал в ВК ВКГД «о полной дезорганизации батальона» [23, оп. 1, д. 153, л. 12]. 2 марта были арестованы офицеры батальона л.-гв. Преображенского полка [16, оп. 10, д. 9, л. 18]. Капитан 1-го ранга В.Е. Егорьев, получая информацию от службы связи Морского Генерального штаба, созданной в Таврическом дворце, сообщал 2 марта начальникам штабов флотов: «Положение в городе (Петрограде – А.Н.) значительно ухудшилось [...] вновь были убийства и аресты офицеров, также и в морских командах» [2, с. 28]. Ухудшение обстановки в столице совпало в том числе и с изданием подложного приказа № 1.

Заметим, что подложный приказ № 1 получил распространение в Действующей армии. В прессе сообщалось, что в Штабе главнокомандующего армиями Юго-западного фронта имелись сведения о том, что «по фронту распространяется подложный приказ за номером 1 от имени Совета рабочих и солдатских депутатов о неповиновении солдат офицерам и неисполнении распоряжений нового временного правительства» [14].

Таким образом, можно утверждать, что попытка создать приказ № 1 как думско-советский документ была предпринята 1 марта 1917 г. Председатель ВК ВКГД Б.А. Энгельгардт, соавтор первого варианта этого приказа, выступил сторонником принципа выборности офицеров. Однако важнее даже не содержание приказа № 1, а сам факт попытки Совета привлечь к его созданию Военную комиссию ВКГД, да и думский Комитет, членом которого был Энгельгардт. Отказ же от советского предложения являлся стратегической ошибкой ВКГД. Дело в том, что результатом этого опрометчивого шага стало падение думского влияния на солдатские массы, т.к. приказ № 1 Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов вышел не как думско-советский документ. Вместе с тем Военная комиссия ВКГД и после издания приказа № 1 Петроградского Совета продолжала функционировать и осуществлять думско-советское руководство войсками Петроградского гарнизона. Известно, что 2 марта 1917 г. в Петрограде были совершены акты насилия над офицерами со стороны солдат. Но связаны они были, думается, не только с настоящим приказом № 1 Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов и провокационной прокламацией, но и

с подложным приказом № 1, если, конечно, он был издан. Негативное воздействие провокационной прокламации на взаимоотношение солдат и офицеров, видимо, было смягчено речью Чхеидзе и обращением Исполкома Петросвета. Влияние же настоящего и подложного приказов № 1 на проведение актов насилия над офицерами и падение дисциплины в воинских частях, как в Петрограде, так и за пределами столицы — на фронтах и в тылу, еще предстоит изучить.

Список источников и литературы:

1. Арзубьев П. На службе у нового режима // Речь. 1917. 21 марта.
2. Балтийские моряки в подготовке и проведении Великой Октябрьской социалистической революции. [Сб.] / сост. Н.Д. Болдырева, Т.С. Дмитренко и А.А. Муравьев; под ред. Р.Н. Мордвинова. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1957. 437 с.
3. Бурджалов Э.Н. Вторая русская революция. Восстание в Петрограде. М.: «Наука», 1967. 407 с.
4. Злоказов Г.И. Новые данные о приказе № 1 Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов // Источниковедение отечественной истории: сб. ст. 1981 / отв. ред. В.И. Буганов. М., 1982. С. 62–71.
5. Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 2 марта.
6. Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 3 марта.
7. Костяев Э.В. Российские социал-демократы и приказ № 1 Петроградского Совета от 1 марта 1917 г. // Власть. 2014. № 4. С. 147–151.
8. Миллер В.И. Из истории приказа № 1 Петроградского Совета // Военно-исторический журнал. 1966. № 2. С. 109–113.
9. Миллер В.И. Солдатские комитеты русской армии в 1917 г. (Возникновение и начальный период деятельности) / отв. ред. С.М. Кляцкин. М.: Наука, 1974. 320 с.
10. Минц И.И. История Великого Октября. В 3-х т. Изд. 2-е. М.: «Наука», 1977. Т. I. 784 с.
11. Мичурин Г. Горячие дни актерской жизни. [Л.]: Изд-во «Искусство», Ленингр. отд-е, 1972. 184 с.
12. Октябрьское вооруженное восстание. Семнадцатый год в Петрограде / отв. ред. А.Л. Фрайман. Л.: Наука, Ленингр. отд-е, 1967. Кн. 1. 452 с.
13. Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Протоколы и материалы / ред. кол. Б.Д. Гальперина, О.Н. Знаменский, В.И. Старцев; отв. ред. В.И. Старцев, Ю.С. Токарев; отв. сост. Б.Д. Гальперина. Л.: «Наука», Ленингр. отд-е, 1991. Т. 1. 664 с.
14. Подложный приказ // Последние новости (Киев). 1917. 10 марта.

15. Половцов П.А. Дни затмения (Записки главнокомандующего войсками Петроградского военного округа генерала П.А. Половцова в 1917 году) / предисл., указ., примеч. А.С. Сенина. М.: Гос. публ. ист. б-ка, 1999. 273 с.

16. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1278 (Государственная дума).

17. РГИА. Ф. 1358 (Петроградское телеграфное агентство).

18. Тарасов К.А. Солдатский большевизм. Военная организация большевиков и леворадикальное движение в Петроградском гарнизоне (февраль 1917 – март 1918 г.). СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2017. 376 с.

19. Токарев Ю.С. Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в марте – апреле 1917 г. / отв. ред. О.Н. Знаменский. Л.: «Наука», Ленингр. отд-е, 1976. 206 с.

20. Токарев Ю.С. Приказ № 1 Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов // Вспомогательные исторические дисциплины / отв. ред. С.Н. Валк. Л.: «Наука», Ленингр. отд-е, 1973. Вып. 5. С. 49–60.

21. Фотиев Н. На съезде юнкеров // Русский инвалид. 1917. 1 июня.

22. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга. Ф. 4537 (Комendant Василеостровского района).

23. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга. Ф. 9618 (Редакция истории Ленинградского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов).

24. Энгельгардт Б.А. Воспоминания о далеком прошлом, 1961 г. // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 1052: Энгельгардт Б.А.

25. Энгельгардт Б.А. Корректируемые гранки записки председателя Военного комитета Государственной думы о первых днях Февральской революции // Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-5827 (Деникин Антон Иванович, генерал-лейтенант, главнокомандующий вооруженными силами на юге России).

26. Якушев П.А. Последствия приказа № 1 Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов для российской армии // Материалы и методы инновационных исследований и разработок: сб. статей междунар. науч.-практ. конф. (3 декабря 2016 г, г. Челябинск). В 3 ч. Уфа, 2016. Ч. 1. С. 17–20.

27. Lyandres S. The Fall of Tsarism. Untold stories of the February 1917 revolution. Oxford: Oxford University Press, 2013. 322 p.

УДК 94(47).084.3

Батулин П. В.

ведущий специалист-архивариус АО «Первый канал»
(г. Москва)

«Дневник военного цензора» В. В. Суханина

В статье представлена биография генерал-майора в отставке В.В. Суханина и обзор его «Дневника военного цензора» за 1917–1918 гг., хранящегося в фондах Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ).

Ключевые слова: военная цензура, русские эмигранты в Италии.

The article resents a biography of retired major general V.V. Sukhanin and a review of his “Diary of a censorship officer” for 1917-1918, which is housed in the State Archive of Russian Federation (SARF).

Keywords: military censorship, Russian emigrants in Italy.

Документы личного происхождения всегда являются важными источниками по истории государственных учреждений, включая цензурные, поскольку в них может отражаться неформальная сторона их организации и деятельности. Автор данного сообщения уже обращал на них внимание [1], и, хотя пока упомянутого в предыдущем сообщении источника не обнаружено, стоит обратить также внимание и на дневник другого автора, легко доступный в фондах ГАРФ [2].

«Дневник военного цензора» (с 13 августа 1917 г. по 22 июля 1918 г.) попал в ГАРФ в составе фондов РЗИА, куда, в свою очередь, видимо, передан вдовой его автора А.М. Зозулиной-Суханиной с рядом других документов В.В. Суханина [3, с. 376; 4, с. 375]. Биографических данных о его авторе, Владимире Владимировиче Суханине, немного, но достаточно для оценки его личности. Он родился в 1863 г., потомственный военный – внук участника войны 1812 г. артиллериста П.М. Суханина (тоже автора мемуаров [5, с. 256]), окончил 1-ую военную гимназию и 2-ое Константиновское военное училище, позже – С.-Пб. Имп. Археологический институт (вследствие чего имел некоторые ученые амбиции, отраженные в дневнике за первую половину 1918 г.), в службе с 1882 г., офицером с 1884 г. (л.-гв. Волынского полка [6, с. 469], с 1895 – по армейской пехоте), с 1896 г. – зав. библиотекой и столоначальник ГУВУЗ, далее с 1904 г. – на-

чальник архива ГУВУЗ как минимум до марта 1914 г. [7, с. 92; 8, с. 12]. Полковник с 6.12.1905 г., к началу Первой мировой войны – в отставке (генерал-майор, производство в чин, видимо, при отставке - семья вернулась в Петербург из Италии, чтобы уладить дела в связи с отставкой, как раз в начале Первой мировой войны, и вместо 2 месяцев, как планировалось, им пришлось пробыть в России 6 лет [9, с. 325]), не позже апреля 1916 г. поступил на службу в качестве военного цензора при Главном Телеграфе в Петрограде, к 25.02.1917 г. – старший военный цензор [10, л. 2,3]. После Февральской революции В.В. Суханин, вероятно, не сработался с новым руководством военной цензуры – пренебрежительно упомянул в начале дневника [2, л. 2] «подпоручика Мацевича» (правильно – Манцевича, коменданта Петроградских почт и телеграфов и председателя Петроградской военно-цензурной комиссии [11, с. 299]). Поэтому перевелся на Румынский фронт в качестве зав. Бирзульского распределительного пункта с прикомандированием к Этапно-транспортному отделу Управления начальника военных сообщений, что объясняется желанием быть поближе к семье, пребывавшей в Кишиневе (имел также родственников жены в Одессе). Однако, вскоре В.В. Суханин вернулся в Петроград, видимо, по материально-финансовым – в дневнике есть расчеты о выгодности военной цензуры с учетом пенсии по сравнению с действительной службой, [2, л. 2], где после отмеченных в дневнике хлопот у знакомых 12.09.1917 г. вновь поступил на службу в военную цензуру (тогда уже в Петроградское военное почтово-телеграфное контрольное бюро) в качестве военного контролера на Главном Почтамте [10, л. 5,6], сначала – в группу ген. Орлова на секретные списки, далее – в группу Будберга [2, л.л. 5 об. 9; фактически это был контроль телеграмм].

С возвращения в Петроград начинается и отсчет дневника – однако неясно, был ли он начат в это время или же велся и ранее, поскольку первая часть дневника представляет собой переписанный уже в эмиграции беловик на хорошей бумаге (первые 11 листов до начала 1918 г.; событийно – до разгона Учредительного собрания), а далее еще более 30 листов подлинного дневника на желтой бумаге (в обоих случаях с оборотом). Записи за первые числа января 1918 г. в «беловой копии» и «черновом подлиннике» перекрываются, из чего можно увидеть, что из беловика выпущены некоторые хозяйственные подробности о ценах на продукты питания и прочие расходы, более подробно отмечаемые в подлиннике, и, предположительно, сокращены выписки и изложение газетных статей, занимающие заметное место в последующей части подлинника (этими выписками автор выражал свое отношение к текущим событиям, о чем

ниже). Заметное место в дневнике занимают и др. деловые и хозяйственные записи – адреса и суммы квартплаты, сроки и хлопоты о получении денежных выплат (особенно пенсии), даты получения тех или иных документов с указанием их реквизитов. Можно предположить, что дневник развился из записных книжек с ежедневником, но неясно, когда именно это произошло, под влиянием событий 1917 г. или ранее.

Но скоро автор его определенно стал воспринимать себя как свидетеля важных и интересных событий, т.к. к дневнику примыкают воспоминания в 4-х частях, написанные уже в Италии, призванные заполнить «некоторый пробел» среди «мемуаров и отдельных записей», представляющие собой беловик, датированный (2-я, 3-я и 4-я части) мартом – маем 1920 г., но переписанный скорее всего в июне 1923 г. [12]. О 1-й части этих мемуаров определенно указано, что она переписана в 1923 г., а 2-я и 3-я – на той же линованной бумаге, с общей авторской нумерацией страниц, 4-ая – на другой, в клетку для прописей (видимо, предыдущая кончилась, либо переписано ранее, но подшито и пронумеровано вместе), всего 138 стр. Переписанная часть дневника – на еще одном сорте хорошей линованной бумаги.

1) «Петроград – Кишинев (1917 г.)» – о 13-дневном путешествии в 1918 г. из Петрограда через Витебск, Оршу, Могилев, Одессу, Тирасполь и Бендеры в Кишинев; это мемуары, опубликованные в Кишиневе в «Свободной мысли» в конце июля 1918 г., и переписанные, как указано, из-за плохой сохранности вырезки из газеты, вывезенной из России.

2) «Второе большевистское нашествие на Одессу» (24.04.19 – 24.08.19).

3) «На итальянском пароходе (Одесса – Генуя)» (11.01.20 – 01.03.20).

4) «Среди приготовления бумажных денег (1919)».

(Соответственно: л.л. 2-9, 11-25, 26-58, 59-70). Помимо 1-й части по содержанию интересна 3-я часть, о путешествии на пароходе из Одессы в Неаполь с остановкой на две недели в Стамбуле. Отдельно в фонде числятся воспоминания о профессоре филологе-русисте И.А. Шляпкине, преподававшем, в частности, палеографию в петербургском Археологическом институте (по каким-то причинам дело для просмотра выдано не было) [13].

Для пояснения содержания дневника и воспоминаний следует указать сведения о ближайших родственниках В.В. Суханина: он был женат на Анне Матвеевне Суханиной (в дев. Зозулиной, 1870–1969 [14, с. 246]), и они имели единственную дочь (в 1917 г. окончила гимназию). А.М. Суханина – преподаватель истории и географии, публицист и общественный деятель, из недавно аноблированных (по достижению

чина) бессарабских дворян, окончила Фребелевские педагогические курсы в Петербурге, изучала историю искусств в Академии художеств, придерживалась толстовских и левых взглядов. Тем не менее, когда из-за болезни дочери семья стала подолгу жить близ Сан-Ремо (Италия), где они построили себе виллу «Анюша» в коммуне Оспедалетти, А.М. Суханина дала обет построить там православную церковь, для чего смогла организовать попечительский и строительный комитет с участием высокопоставленных чиновников, а также привлекла к проектированию своего двоюродного брата архитектора А.В. Щусева. Обер-прокурор Синода В.К. Саблер и др. деятели высшего света привлечены были в комитет по строительству церкви частью через проф. Шляпкина, а частью через брата ее подруги детства, сенатора Г.И. Кристи, бывшего московского гражданского губернатора в 1902–1905 г.г. (жена его – М.Н. Трубецкая), также построившего виллу в Ospedaletti (первоначальным был вариант постройки церкви именно в Оспедалетти). После смерти Г.И. Кристи (в 1911 г.) интеллигентская часть инициативной группы, связанная с А.М. Суханиной, рассорилась с аристократической (во главе с семьей графа Таллевиша, польско-румынского происхождения, постоянно проживавших в Италии и финансировавших стройку), но церковь в Сан-Ремо была уже построена из каркасного железобетона и освящена в 1913 г. В период 1914–1919 г.г. женская часть семьи (включая тещу, А.И. Зозулину, вдову д.с.с.) жила постоянно в Кишиневе, причем в 1917–1918 г.г. А.М. Суханина издавала газету «Свободная Бессарабия», а в эмиграции она сотрудничала в либеральной прессе под псевдонимом Иван Иванов (под этим же псевдонимом – еще одни мемуары «Тени прошлого» в Бахметьевском архиве Колумбийского университета в Нью-Йорке). По утверждению А.М. Суханиной, ее внезапное появление в Италии в июне 1919 г. (с дочерью она выехала раньше В.В. Суханина) спасло имение от незаконной продажи, но далее семья, видимо, обеднела и в 1929 г. переехала в Ниццу, где В.В. Суханин и умер в 1932 г. [9, с. 105, 313, 315, 325, 381; 15, с. 67–75].

Сам В.В. Суханин придерживался также прогрессивных взглядов, т.к. в его фонде за дореволюционный период много конспектов и выписок из книг о разных деятелях революционного движения (В.И. Засулич, С.М. Кравчинском, Н.А. Морозове, С.Л. Перовской, Г.В. Плеханове, П.П. Шмидте и др.), а также об организациях и событиях (декабристах, народовольцах, Белостокском погроме, Петербургском совете рабочих депутатов 1905 г. и др.). Однако, вряд ли его взгляды были существенно левее кадетских, т.к. в 1917–1918 г.г. главным

источником по общественным событиям, судя по дневнику, для него была газета «Наш век» (б. «Речь»), а в эмиграции, судя по делам с выписками и вырезками, он также читал кадетский «Руль» (впрочем, также эсеровскую «Волю России» и «Общее дело», но, возможно, тут было влияние жены). Наиболее «левый» эпизод в его дневнике [2, л. 4 об.] – покупка 31.08.1917 г. брошюр в комитете «партии народных социалистов» по поручению из Кишинева. В начале октября 1917 г. ввиду серьезности положения («настроение окраин внушает опасение из-за грабежей и насилий») прислушивался к советам об отъезде из Петрограда и необходимости запастись «статским платьем» [2, л. 6], 20.10. отметил слух о скором выступлении большевиков, «но слышал, что оно перенесено на 25 число» [2, л. 6 об.], 29.10 отметил слухи на дежурстве о движении верных Керенскому войск [2, л. 7], из-за ценза оседлости (часто менял квартиры) с трудом добился голосования своего на выборах в Учредительное собрание [2, л. 8; за какую партию голосовал, не указал]. В дальнейшем он отмечал в дневнике нелепые и радикальные действия большевиков, а также всяческие насилия и дикости среди населения по сообщениям газет: декрет о новом правописании [2, л. 9 об.], назначение унтер-офицера Еремеева главкомом Петроградского воен.округа [2, л. 10], убийство Шингарева и Кокошкина [2, л. 12 об.; разгон Учредительного собрания не прокомментирован], новый календарь [2, л. 16 об.], переговоры в Брест-Литовске и война с Румынией [2, л. 19–22 об.], убийство митрополита Владимира в Киеве [2, л. 23; особо отметив, что это только 4-й случай за всю тысячелетнюю историю русской церкви], монополизацию литературных произведений [2, л. 23 об.], «Разгром Пушкинского уголка» в Псковской губ. [2, л. 29; хотя счел возможным и преувеличение, как с разрушением Кремля в октябре 1917 г.], публичное сожжение грабителей по постановлению волостного комитета в Свяжском уезде [2, л. 30], разграбление имения И.С. Тургенева в Орловской губ. и особенное распространении погромного движения в Данковском и Ранненбургском уездах Рязанской губ. [2, л. 30 об.], гибель ген. Корнилова, смерть профессоров И.А. Шляпкина, Н.И. Веселовского [2, л. 32 об., 33 об.], продвижение немцев по Украине до Таганрога, перевод царя в Екатеринбург и о Романовых в Крыму [2, л. 35, 38]). Судьбой Романовых он явно интересовался: 22.05.1918 г. отметил, что видел в витрине плакат о пленении немцами Николая Николаевича и Марии Федоровны и увозе их в Германию, и тогда же о слухах в печати о переговорах об отправке Романовых через Румынию в Швейцарию [2, л. 39, 40], и уже в

Кишиневе 11.07.1918 (ст. ст.) отметил сообщение «Свободной мысли» о расстреле б.царя в Екатеринбурге [2, л. 43 об.].

При этом окружение его в Петрограде было отнюдь не революционным и даже не общественным – в основном сослуживцы (бар. Андр. Алдр. Будберг, граф Вас. Викт. Келлер – по военной цензуре, и бывший сослуживец Д.Н.Фомичев, в то время – сотрудник ГУВУЗа), а также подруга или родственница жены «Мария Львовна» (в то время – сотрудница Института экспериментальной медицины, фамилия пока не установлена), через одесских родственников которой В.В. Суханину удалось получить вести от жены после долгого перерыва (он также отмечал и ее мнения по текущим событиям и проблемам частной жизни). Из-за пребывания семьи в Кишиневе, и отсутствии о ней каких-либо новостей с декабря 1917 по май 1918 г. [2, л.л. 12 об., 38] в дневнике много записей о событиях вокруг Бессарабии (беспокойство о судьбе близких его было небезосновательным: один из редакторов «Свободной Бессарабии», Н. Ковсан, а также несколько сотрудников другой газеты были убиты румынскими войсками [16, с. 136]). Настроение автора дневника было подавленным - много рассуждений о судьбе семьи, приуроченных к праздникам (Новому году, Пасхе и т.д. [2, л. 10 об., 34 и др.]).

Таким образом, звание «военного цензора» использовалось В.В. Суханиным скорее для самоидентификации, и не является центральной частью его дневника – из примыкающих мемуаров видно, что он вообще был склонен придавать большое значение служебному статусу, даже в случае работы по изготовлению советских дензнаков в Одессе в 1919 г. (т.к., возможно, он просто не привык к отставке за время с 1913 г.). Тем не менее, некоторое количество сведений о военной цензуре в нем присутствуют, главным образом – бытового характера, тогда как, скажем, характеристик сослуживцам осторожный автор прямых не дает, а аналогично отношению к событиям (данному через подборку новостей), отношение к происходящему на службе выражается скупой упоминание фамилий. Или неупоминание: если первый советский начальник Центрального военного почтово-телеграфного контрольного бюро К.С. Манцевич начинает в январе 1918 г. упоминаться без искажения фамилии, то Комиссар (очевидно И.С. Плотников) дается вовсе без указания фамилии [2, л. 15 об., запись от 19.01] – возможно, он представлялся совершенно невозможным персонажем, в большей степени даже, чем председатель Исполкома Союза военных контролеров «госпожа Покровская» [2, л. 18 об., запись от 31.01.]. В дневнике приводятся фамилии новых назначений контролеров после 20.01.1918 г. (на 5/18.02.1918 г. [2, л. 23 об.]), несмотря

на сокращения, т.е. представляющих интересы новой власти (что частью подтверждается имеющимися ныне биографическими данными): Попов, Медведев (далее – зам. Манцевича), Фролов (далее – комиссар Московского ВКПТБ и Главного управления пограничной охраны летом 1918 г.), Савкин, Конаржевский (далее – начальник Петроградского бюро военной цензуры печати с июля 1918 г.), Тройновский, Никитин.

Странным образом В.В. Суханин оказался дежурным в период Октябрьского переворота: 24.10.1917 г. он не смог попасть на свое очередное дежурство, т.к. мосты были либо разведены, либо через них не пропускали, о чем он уведомил предшествующего по очереди дежурств ген. Орлова по телефону, на что тот попросил его подежурить в следующую ночную смену, сам оставшись в эту. В результате 27.10.1917 г. Суханин записал, что вчера кончил ночное дежурство, был всего один, «больше никто не пришел», и что почта и телеграф заняты матросами из Кронштадта [2, л. 6 об., 7]. И в дальнейшем ему то и дело приходилось закрывать «прорывы» на своем участке: 1.11.1917 г. он не смог попасть на утреннее дежурство из-за «смены караула» с матросов на красногвардейцев (возможно, это было краткосрочное появление комиссара Лисичкина), зато с 2 на 3.11 продежурил две смены подряд с 7 вечера до 10 утра, т.к. 4-я смена вовсе не пришла, 9.11. отметил, что предшествующая партия Орлова оставила залежи в 1,5 тыс. телеграмм, «не потрудившись перейти туда, где был свет» (в дальнейшем были случаи и действительно полного отключения электроэнергии в здании), 01.12 с утра дежурил один, и пропустил 1706 телеграмм, пока не пришел Орлов, а в ночное дежурство с 16 на 17.12. был один и пропустил 3096 телеграмм, и, наконец, 1.01.1918 г. записал: «Я был один во всем почтамте» [2, л.л. 7 об.-8 об., 9 об., 10 об.].

Дневник проясняет ход сокращения штатов почтово-телеграфного контроля в Петрограде и восприятие его служащими [17]. Слухи о сокращении штата военных контролеров на 25% появились 3.12.1917 г., вскоре прошло собрание служащих на эту тему, 11.12. появился слух об упразднении военной цензуры к новому году [2, л.л. 9 и об.] – всё это ранее первоначального официального проекта, разрабатываемого сохранявшимся дооктябрьским руководством, в период его обсуждения. В январе, наоборот, новости стали следовать за распоряжениями: точно в день издания приказа Наркомвоен № 23 Суханин 12.01.1918 г. узнал о получении указания о сокращении штата еще на 25%, включая и офицеров, 14.01 состоялось общее собрание по этому вопросу, где решено упразднить Особый контроль (по секретным спискам – как раз, где служил В.В. Суханин), оставив временно группу из 20 чел. под руковод-

ством ген. Плавутина [2, л. 14, 14 об.; Суханин не был выбаллотирован в выбывающие и приводит расписание последующих дежурств со своим участием]. К сожалению, неразборчива приведенная Суханиным в это время в дневнике копия отношения по этому вопросу, подписанная в том числе комиссаром А. Кокоревым (видимо, от Красной гвардии [18, с. 201 – один из руководителей ее Главного штаба]), а она могла бы пролить дополнительный свет на обстоятельства смены руководства военной цензуры и сокращения штатов. Тем не менее, дневник сообщает постановление общего собрания военных контролеров 19.01.1918 г. о принципах сокращения: увольнять отставников, получающих пенсии [2, л. 15 об.; поэтому Суханин был на дежурстве последний раз 20.01.1918 г.]. Далее В.В. Суханин некоторое время еще надеялся вернуться на службу, записавшись кандидатом, но в феврале потерял к ней интерес, и более военная цензура не появляется на страницах его дневника, далее полностью заполненного общественными событиями, проблемами его частной жизни и попыткой каких-то ученых занятий (по истории или филологии – дает сведения о покупке книг с ценами).

В целом в вопросах о военной цензуре дневник В.В. Суханина подтверждает известные из документов данные о продолжении работы петроградской почтово-телеграфной цензуры на прежних основаниях в первые недели после Октября 1917 г., а также свидетельствует о хорошей степени налаженности ее работы, что позволяло «закрывать» ее участки меньшим количеством сотрудников (особо добросовестных, как автор дневника), чем числилось по штатам и спискам, несмотря на ухудшение условий работы. Это позволяет предположить, что и в первое время после начала сокращений в начале 1918 г. производительность почтово-телеграфного контроля по просмотру корреспонденции существенно не пострадала (хотя, очевидно, получаемые оттуда сведения вряд ли кто уже мог эффективно использовать). Также дневник содержит ряд фамилий (в ряду других, определенно представлявших новую власть) новых сотрудников почтово-телеграфного контроля в начале 1918 г., роль которых пока нам неизвестна и заслуживает продолжения исследований.

Список источников и литературы:

1. Анна Суханина. Постройка русской церкви в Сан-Ремо в Италии. 1910–1954. // Талалай М.Г. Русская церковная жизнь и храмостроительство в Италии. СПб.: Коло. 2011. С. 313–328.

2. Батулин П.В. Создание советской военной цензуры в 1918 г. // Военно-исторический архив. 2010. № 2 (122). С. 120–137.
3. Батулин П.В. Существует ли дневник большевистского военного цензора? // История книги и цензуры в России: материалы междунар. науч. конф., посвящ. памяти А.В. Блюма, 29–30 мая 2012 г. / науч. ред. М.В. Зеленов. СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2013. С. 147–153.
4. Волков С.В. Офицеры российской гвардии: опыт мартиролога. М.: Русский путь, 2002. 568 с.
5. Воспоминания современников эпохи 1812 года на страницах журнала «Русская старина» / сост., ред., предисл., имен. указ. В. М. Безотосный. М.: ГПИБ, 2011. 468 с.
6. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р-6754. Оп. 1. Д. 1.
7. ГАРФ. Ф. Р-6754. Оп. 1. Д. 2.
8. ГАРФ. Ф. Р-6754. Оп. 1. Д. 3.
9. ГАРФ. Ф. Р-6754. Оп. 1. Д. 3а.
10. Николаев А.Б. Думская революция: 27 февраля – 3 марта 1917 года. СПб.: Изд-во РПГУ им А.И. Герцена, 2017. Т. 2. 447 с.
11. Олейникова В.П. Роль российских эмигранток в формировании микроклимата итало-французских курортов в XIX – первой половине XX столетия // Научные проблемы гуманитарных исследований / Институт региональных проблем российской государственности на Северном Кавказе. 2011. № 3. С. 67-75.
12. Пятидесятилетие Главного управления военно-учебных заведений. 1863–1913. / сост. В.А. Бернацкий. СПб., 1913.
13. Российское зарубежье во Франции. 1919–2000 / сост. Л. Мнухин, М. Авриль, В. Лосская. М.: Наука; Дом-музей Марины Цветаевой, 2010. Т. 3. 757 с.
14. Русский заграничный исторический архив в Праге – документация: Каталог собраний документов, хранящихся в пражской Славянской библиотеке и в Государственном архиве Российской Федерации / сост. Л. Бабка, А. Копршилова, Л. Петрушева [= параллельное заглавие на чешском яз.]. Прага, 2011. 564 с.
15. Список полковникам по старшинству... Сост. по 1 марта 1913 г. СПб., 1913. Ч. 2.
16. Старцев В.И. Очерки по истории петроградской Красной гвардии и рабочей милиции (март 1917 – апрель 1918 г.). М.-Л.: Наука, 1965. 320 с.
17. Фонды русского заграничного исторического архива в Праге: Межархив. путеводитель / отв. ред. Т.Ф. Павлова. М.: РОССПЭН, 1999. 671 с.
18. Шорников П. Молдавская общественность и русская печать в Бессарабии в 20-е–30-е гг. XX в. // Русин. 2006. № 2 (4). С. 146–151.

УДК 94(470) «1917»

Иорданская А. М.

историк, переводчик
(г. Санкт-Петербург)

Тропов И. А.

д-р. ист. наук, профессор кафедры гуманитарного образования РГПУ
им. А. И. Герцена (Выборгский филиал)

Революционные события 1917 года в Петрограде в восприятии французского дипломата (по страницам дневника Луи де Робьена)

В статье на основе дневниковых записей французского дипломата Луи де Робьена показаны особенности восприятия революционных событий в Петрограде европейцем-дипломатом. Раскрыты возможности использования данного исторического источника для реконструкции революционных событий в Петрограде и для характеристики общественного сознания и повседневной жизни дипломатов в столице России в указанный период. К статье прилагается переведенный на русский язык и в этом виде впервые вводимый в научный оборот фрагмент дневниковых записей Л. де Робьена за период с 23 февраля (8 марта) по 3 (16) марта 1917 г.

Ключевые слова: революция, Петроград, дипломаты, исторический источник.

The paper presents particularities of European diplomat's perception of revolutionary events in Petrograd, based on the diary notes of French diplomat Louis de Robien. The authors disclose the capabilities of usage of this historical documentation for the reconstruction of revolutionary events in Petrograd and for the characteristic of a public conscience and diplomat's everyday life in Russian capital in the stated period. The authors attach to the paper a fragment of L. de Robien's diary notes (over a period of 23 February (8 March) – 3 (16) March), which was translated into Russian and in this form introduced into scientific use for the first time.

Keywords: revolution, Petrograd, diplomats, historical documentation.

Великая российская революция, начало которой было положено бурными событиями конца февраля 1917 г. в Петрограде, не могла не привлечь к себе внимания современников. Особенно ценными представляются наблюдения и оценки петроградских событий иностранцами, волею судеб оказавшимися в столице России в начальный период

революции. Мы обратили внимание на малоизвестный научной обществу дневник французского дипломата Луи де Робьена [7], в котором зафиксировано не только восприятие революционных событий европейцем, но и содержатся уникальные сведения о повседневной жизни и деятельности иностранного дипломатического корпуса в этих чрезвычайных условиях (сначала – в Петрограде, затем, после переезда дипкорпуса в феврале 1918 г. – в Вологде, а с июля того же года – в Архангельске).

Граф Луи де Робьен был назначен на пост атташе в Санкт-Петербург в 1914 г. Свой дневник он вел с 23 февраля (8 марта н.ст.) 1917 г. до конца 1918 г. В дневнике отражены ежедневные наблюдения дипломата о том, что происходило на улицах Петрограда, какие настроения преобладали среди населения, в придворных кругах и в самом дипломатическом корпусе, различные слухи, связанные с разворачиванием революции, и мнения представителей дипломатической среды о дальнейшем развитии событий.

Характеристика первого дня революции – 23 февраля (8 марта) 1917 г. – отличается от той, что закрепились в отечественной историографии [1; 4]. Признавая факт «плохого продовольственного снабжения» горожан в годы Первой мировой войны, де Робьен, тем не менее, не обнаружил ухудшения продовольственного снабжения Петрограда накануне февральских событий. Само революционное движение представлено автором противоречиво: с одной стороны, он наблюдал «демонстрантов» и остановившиеся трамваи в центре города, но с другой – дипломат пишет о «довольно тихих» демонстрантах. И, в целом, обстановка в центре города (Невский пр., Садовая ул.) представляется ему в этот день «спокойной», что, впрочем, согласуется и с некоторыми другими свидетельствами очевидцев [3].

С чужих слов автор фиксирует «народные выступления» и «беспорядки» на окраинах города, но ни о столкновениях с полицией, ни о разгоне демонстрантов речи не идет. И лишь на следующий день, 24 февраля (9 марта) де Робьен осторожно отмечает, что народное движение в столице «оказалось более серьезным, чем предполагалось». Приписка о том, что «люди обеспокоены», вероятно, отражает и настроения самого автора дневника.

Качественные изменения в происходивших событиях де Робьен наблюдает 25 февраля (10 марта), когда, по его словам, движение в Петрограде приобрело «политический характер», усилилось забастовочное движение, а бастующие в свою очередь вливались в ряды демонстран-

тов. Французский дипломат фиксирует в своем дневнике случаи серьезных стычек манифестантов с полицией, хотя и не верит в использование против мирных жителей оружия («большинство выстрелов были холостыми», — отмечает он, ссылаясь на своих собеседников). Его явно интересует то, как будут далее развиваться события в столице. Не случайно он отмечает в дневнике впервые развернувшиеся в среде его общения дискуссии о том, сойдет ли народное движение на нет или оно, напротив, будет усилено присоединением войск. Де Робьен в данном случае воздерживается от собственных оценок.

Исключительно интересна та часть дневника, в которой воочию представлены резкие контрасты революционной эпохи. 26 февраля (11 марта), т.е. в тот день, когда командующий Петроградским военным округом генерал С.С. Хабалов попытался выполнить царский приказ о применении оружия против манифестантов [5, с. 52], де Робьен со своей супругой Лаурой побывал на приеме («вечеринке»), устроенной княгиней Е. Радзивилл. Несмотря на то, что вечеринка была «омрачена» известиями о жертвах, представители светского общества «действительно хорошо провели время», но дорога от дворца Е. Радзивилл до дома супругов де Робьен оказалась «пугающей» — у дипломата сложилось впечатление, будто «проезжаешь через военный лагерь».

Автор охотно и с явным сопереживанием передает слухи о том, что на самом деле «события» 26 февраля будто бы «сильно преувеличены», а «выстрелы были холостыми». Любопытно, что в записи от 27 февраля (12 марта) впервые отмечено сочувствие части французского дипломатического корпуса революционным силам (точнее говоря, жертвам правительственных репрессий).

Взгляд самого де Робьена на петроградские события от одной страницы дневника к другой становится всё более определенным. У автора появляется «устойчивое ощущение, что восстание побеждает с каждым часом», а вместе с этим выкристаллизовывается и его отрицательное отношение к происходящим на улицах города событиям. Порой дипломату видится не мятеж, а «паника». Восставшие солдаты мародерствуют, забирая у арестованных офицеров не только оружие, но и бумажники... «Повсюду атмосфера непередаваемого хаоса», — говорится в записи от 27 февраля (12 марта).

Де Робьена как внимательного наблюдателя интересовал вопрос об организационном центре развернувшейся революции. Думается, его оценки, содержащиеся в дневниковых записях от 28 февраля (13 марта) 1917 г., подтверждают правоту концепции современного

петербургского ученого А.Б. Николаева о том, что IV Государственная дума вполне осознанно возглавила революционное движение, стала ее центром и штабом восстания [2]. Но, конечно же, больше всего, французского дипломата беспокоил вопрос о перспективах участия России в войне на стороне Антанты. «Только одно всё ещё может спасти дело Войны и Союзников: решительные репрессии, на проведение которых мы искренне надеемся», — откровенно записал он 28 февраля (13 марта) 1917 г.

В дневнике де Робьена содержатся яркие зарисовки различных сторон революционной действительности Петрограда в конце февраля — начале марта 1917 г. Одна из ярких и драматичных примет того времени — подлинный разгром полиции восставшим народом [6]. Революционеры, как отмечает дипломат, пользовались «ситуацией, чтобы показать свою ненависть к полиции»: полицейские участки подвергались разграблению, делопроизводственные материалы сжигались восставшими.

Записи от 1–2 (14–15) марта подводят определенный итог всему тому, о чем говорилось в дневнике в предыдущие дни. «Революция, похоже, действительно победила», — констатирует де Робьен. Царские министры и сановники находятся под арестом. Улицы, патрулируемые солдатами и студентами, заполняются горожанами, которые вышли для того, «чтобы отпраздновать свою свободу». На многих домах развеваются красные флаги (в том числе, не без иронии отметил автор, «на домах, на которых ожидаешь увидеть их меньше всего»). Вместе с тем, в дневниковых записях отчетливо проступает тревога де Робьена в отношении набирающих силу «экстремистских» сил, представленных, как утверждает автор, якобинским по своему характеру «Комитетом Финляндского вокзала». И хотя автор, очевидно, путает различные центры притяжения и оформления революционных сил (в данном случае — указанный выше Комитет и Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов), тенденцию грядущего размежевания революционного лагеря и возможной эскалации гражданского противостояния французский дипломат уловил, на наш взгляд, довольно точно...

В завершение заметим, что дневник не предполагался автором для публикации. Он был издан после смерти де Робьена на французском языке (в 1967 г.) и затем на английском языке (1969 и 1970 гг.). Все события в нем датированы автором по «новому стилю». Многоточия — авторские. Пропущенные нами отдельные малозначимые фрагменты текста обозначены при подготовке многоточием, заключенным в угловые скобки (<...>). При переводе текста дневника с английского языка

на русский язык в некоторых затруднительных случаях предпочтение отдавалось наиболее точной передаче авторской мысли, а не совершенству литературной формы. Необходимые для целостного понимания текста слова, добавленные переводчиком, заключены в круглые скобки с соответствующим пояснением, выделенным курсивом (*прим. переводчика*). В тех случаях, когда имелась возможность выяснить содержание встречающихся в дневнике топонимов и определить персоналии, тогда соответствующие пояснения делались в постраничных сносках.

Ниже публикуется извлечение из дневника Л. де Робьена за период с 23 февраля (8 марта) по 3 (16) марта 1917 г. Перевод текста на русский язык, а также ряд комментариев к нему выполнены А.М. Иорданской.

Надеемся, что данный исторический источник окажется полезным как для специалистов-историков, так и для всех, интересующихся историей революционных событий в Петрограде в конце февраля – начале марта 1917 г.

Список источников и литературы:

1. Лейберов И.П. На штурм самодержавия. Петроградский пролетариат в годы первой мировой войны и Февральской революции (июль 1914 – март 1917 г.). М., 1979.
2. Николаев А.Б. Думская революция: 27 февраля – 3 марта 1917 года: в 2 т. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2017. Т.1. 592 с.
3. Синакевич О.В. «Жили-были». Воспоминания. Тетрадь 32-я: «Зрелые годы» (1915–1918 гг.) // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 163. Д. 347. Л. 40–40 об.
4. Спирин Л.М. Россия 1917 год: Из истории борьбы политических партий. М., 1987.
5. Тропов И.А. Революция и провинция: Местная власть в России (февраль – октябрь 1917 г.). – СПб.: Изд-во «Европейский дом», 2011. – 250 с.
6. Тропов И.А. От полиции к милиции: изменения в системе правоохранительных органов Петроградской губернии в конце февраля – начале марта 1917 года // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (навстречу 300-летию российской полиции): Материалы XIV междунар. науч.-теоретической конф. Санкт-Петербург, 27–28 апреля 2017 г. / под ред. Н.С. Нижник: В 2-х ч. Ч. I. СПб.: Изд-во СПб ун-та МВД России, 2017. – С. 182–184.
7. Robien de, Louis. The diary of a diplomat in Russia, 1917–1918 / Translated from French by Camilla Sykes. New York – Washington: Praeger Publishers. 1970. 319 p.

**Л. де Робьен. Дневник дипломата в России, 1917–1918 гг.
(извлечение)**

Петроград, четверг, 8 марта 1917 г.

За последние несколько дней недовольство населения, уставшего от стояния в очередях у каждого магазина за товарами первой необходимости, значительно возросло. Несомненно, с зимы 1914 г. беднейшее население страдает от плохого продовольственного снабжения, но ситуация, как мне представляется, в последнее время не ухудшилась в данном аспекте.

Боюсь, революционные агитаторы и немецкие агенты будут в выигрыше от сложившейся ситуации. Говорят, что в окрестностях происходят беспорядки. Я вышел около 4 часов, чтобы прогуляться с Фрике (Friquet) и мы дошли до Невского проспекта. Я встретил небольшую группу демонстрантов, довольно тихих и окруженных полицией. Всё совершенно спокойно и прохожие наблюдают за ними с большой симпатией.

Трамваи на Садовой улице стоят... Не знаю – из-за демонстрантов или просто из-за поломки линии электропередачи. На обратном пути в посольство я встретил Этьена де Бомона¹, с которым я прошелся несколько ярдов и который сообщил мне, что на окраинах города говорят о народных выступлениях <...>

После обеда Александр Бенуа² подтвердил, что на окраинах города были отдельные беспорядки. Говорят, в одном месте даже повалили трамвай.

Пятница, 9 марта 1917 г.

По прибытии в посольство я заметил некоторые волнения (на улицах – прим. переводчика). На углу Гагаринской улицы и Французской набережной³ формируется толпа. Это люди из Выборга, которым пришлось идти по замершей Неве, так как Литейный мост охраняется и движение по нему перекрыто... Люди идут «змейкой», пересекая реку по диагонали от госпиталя на правом берегу до начала Гагаринской улицы. Они идут друг за другом, ведь их путь через скопившиеся куски льда и толстый слой снега очень труден... По этой причине казаки не рисковали спускаться на реку... Они скакали вдоль набережной и я

1 де Бомон Этьен (1883–1956) – французский аристократ, филантроп, дизайнер, известный представитель французского светского общества.

2 Бенуа Александр Николаевич (1870–1960) – русский художник и художественный критик, основатель объединения «Мир искусства».

3 Ныне наб. Кутузова.

развлекал себя наблюдением за их маленькой игрой из окон канцелярии... Они очень оригинально смотрятся на своих небольших лошадках с вязанкой сена, привязанной в сетке к седлу. Они носят и пику, и карабин.

Около 11 часов движение по реке было фактически полностью остановлено. Вероятно, на другом берегу для этого были приняты меры. Казаки прекратили патрулирование, и по дороге домой на ланч я заметил нескольких из них, стоящих на углу Гагаринской улицы, выстроившихся перед особняком Серебрякова, с их маленькими косматыми лошадьми и длинными пиками... Они представляли собой колоритную группу.

После полудня я с Шубиным⁴ нанес визит мадам де Моуи в отель «Европа». Он задерживался и послал за мной свою машину, я приехал в его ведомство на Невский проспект и ждал его. На улицах довольно много полицейских.

Шубин сообщил, что этим утром были беспорядки на окраинах: пекарни были разграблены и, говорят, даже есть раненные. Движение оказалось более серьезным, чем предполагалось и люди довольно обеспокоены.

На Невском проспекте некоторые волнения, но все еще спокойно... Правда, здесь размещается полиция, что делает любую попытку беспорядков невозможной. Тем не менее, уходя, издали мы видели в стороне Гостиного двора толпу демонстрантов, которая показалась мне довольно большой.

Лотте⁵, которая ходила за покупками с мадам Скавениус⁶, тоже не видела ничего тревожного. Она приехала на извозчике, так как экипаж датской миссии был на станции в ожидании Скавениуса⁷, который уехал сегодня пополудни с Бюиссер⁸ и другими министрами на аудиенцию к императрице в Царское Село. Я узнал от бельгийцев, что императрица была очень спокойна. Но она говорила об опасности того, что «люди голодают», и она также сказала, что «армия лояльна и мы можем положиться на нее».

4 Вероятно, Шубин-Поздеев Николай Дмитриевич (1865–1922) – Санкт-Петербургский уездный предводитель дворянства, камергер, гласный Санкт-Петербургской городской думы (1910–1916).

5 де Робьен Лаура (1892–1985) – графиня, супруга автора дневника.

6 Скавениус Анна София (1889–1962) – супруга датского посланника, Х. Скавениуса.

7 Скавениус Харальд (1873–1939) – датский государственный деятель и дипломат, датский посланник (1912–1918) в России.

8 де Бюиссер-Стеенбек де Бларенгхиен Конрад (1865–1927) – граф, бельгийский посланник в России (1912–1917).

Суббота, 10 марта 1917 г.

Движение приобретает политический характер и сегодня утром на многих заводах начались забастовки.

В 11 часов я отправился в офис компании Вагонс-литс (Wagons-lits)⁹ на Невском проспекте через Конюшенную улицу.

Силы правопорядка многочисленны как никогда: полицейские и городские, пешие и конные. По дороге я встретил несколько патрулей, около десяти человек последний, выглядевшие очень внушительно на своих красивых лошадях, одетые в простые черные плащи с красными завязками и плоские черные каракулевые папахи, увенчанные черными эгретками.

На площади напротив Казанского собора стоят резервные пехотные войска.

В полдень большая толпа демонстрантов прибывает со стороны Николаевского вокзала¹⁰ и собирается перед зданием Городской думы. Я отчетливо вижу красный флаг. Полицейские объявили, что будут применять силу – и они оттесняют прохожих, не толкая их. Я возвращаюсь в офис Вагонс-литс.

Атака была предпринята молниеносно несшими галопом всадниками, которые выскочили с Казанской площади на Невский проспект, чтобы встретить демонстрантов с обнаженными шашками. В то же время, демонстранты оказались окружены сзади конными городскими, чьи эгретки я вижу над головами людей... Толпа исчезает как по волшебству.

Я с трудом нашел извозчика и отправился домой на ланч. Возвращаясь обратно по Конюшенной улице, я видел две бронемшины с пулеметами, несшиеся на полной скорости с горящими фарами и издающие постоянный свист... Это произвело на меня плохое впечатление.

В 5 часов я собирался вернуться на Невский проспект с Бинэ¹¹, но Жанти¹² и Дюлон¹³, только что вернувшиеся оттуда, сказали что в этом нет смысла: все спокойно. Я решил нанести визит Безаку¹⁴.

9 Wagons-lits – международная компания по производству железнодорожного подвижного состава.

10 Николаевский вокзал – ныне Московский вокзал.

11 Бинэ Ренэ Пьер Шарль Морис (1882–1962) – архивариус французского посольства (не позднее 1915–1917).

12 Жанти Франсуа – 2-ой секретарь французского посольства.

13 Дюлон Морис – атташе французского посольства.

14 Безак Николай Николаевич (1867–1918) – помощник статс-секретаря Государственного совета.

<...> Этим вечером собираюсь в Михайловский театр с Шарли¹⁵ и графиня Клейнмихель¹⁶. Они ставят «Идею Французы»¹⁷. Театр почти пустой. Войска открыли огонь на Невском проспекте около 6 часов. Армор¹⁸ и Жанен¹⁹, которые были здесь, сказали, что большинство выстрелов были холостыми и что они (полицейские – *прим. переводчика*) не стреляли по демонстрантам, а только перед ними и в снег. Тем не менее, есть убитые и раненные. Мадам дю Альгуэ²⁰, приехавшая в отель «Европа» во время стрельбы, помогла встать женщине, которая по ее мнению была ранена, но на самом деле у нее случился сердечный приступ...

Шарли не верит в серьезность этого кризиса и считает, что работа возобновится в понедельник. Графиня Клейнмихель менее оптимистична. Она считает, что войска перейдут на сторону демонстрантов и Преображенский полк особенно ненадежен.

Воскресенье, 11 марта 1917 г.

Экипажей нет, и я иду пешком на мессу во Французской церкви, оставив Лотте дома, поскольку она очень устала. Но после полудня она идет на прогулку со мной по Сергиевской улице. Погода великолепна. Все улицы патрулируются вооруженными солдатами, передвигающимися небольшими группами по два – три человека.

Вывешено распоряжение градоначальника Петрограда, запрещающее все собрания и обещающее хлеб.

Вечером Шарли послал свой автомобиль за нами, чтобы доставить нас на вечеринку княгини Радзивилл²¹ во дворце на Фонтанке. Проход на Невский проспект запрещен и нам пришлось идти вокруг по набережным, Дворцовой площади, Морской и Гороховой улицам.

15 Шарли Иван (Жан) (1858–1933) – генеральный консул Бельгии в Петрограде (1907–1919), генеральный директор акционерного общества медно-прокатного и трубного завода, бывшего Розенкранца (Петроград); директор нескольких российских промышленных предприятий, в том числе – в Петрограде.

16 Клейнмихель Мария Эдуардовна (1858–1933) – графиня, хозяйка великосветского салона.

17 «Идея Французы» – пьеса французского драматурга Поля Гаву.

18 Армор Норман (1887–1982) – 3-ий секретарь американского посольства (1916–1918).

19 Жанен Морис (1862–1946) – глава чрезвычайной французской военной миссии в России при Ставке Верховного главнокомандующего русской армии (1916–1917).

20 супруга М. дю Альгуэ, коммерческого атташе французского посольства.

21 Радзивилл Екатерина (1858–1941) – княгиня, польская писательница.

Приехав на вечеринку, мы узнали, что на Невском проспекте были серьезные столкновения после полудня, когда в нашей части города все было так мирно. Войска произвели несколько залпов, и было много жертв. Кажется, пятеро мертвых и 32 раненных было доставлено в Английский госпиталь неподалеку.

Сначала вечеринка была омрачена... Музыканты приехали поздно и по отдельности. Несмотря на это, гости пытаются танцевать. Великий князь Борис²² очень обеспокоен, но тоже танцует.

Несмотря на всё случившееся, мы действительно хорошо провели время, и было непросто увести Лотте домой раньше, чтобы воспользоваться предложением Шарли подвезти нас.

Дорога домой была пугающей... все улицы заполнены войсками, несколько раз нас останавливали солдаты, стоявшие на посту вокруг больших костров. Их было так много, что складывалось ощущение, будто проезжаешь через военный лагерь. Невский проспект забаррикадирован, полностью эвакуирован и освещается только морским прожектором на вершине шпиля Адмиралтейства.

Нет ни одного извозчика, и Жанти и Дюлон, смотревшие балет, были вынуждены идти домой пешком.

Шарли, который вчера был так спокоен, сегодня очень встревожен... Шамбрэн²³ все еще надеется, что все утрясется, но он тоже очень обеспокоен.

Когда мы возвращались домой, казачья сотня проходила по улице... Снег заглушает стук лошадиных копыт. Слышен только звон оружия...

Понедельник, 12 марта 1917 г.

Впечатление, которое было у меня сегодня утром по прибытии в посольство, было значительно лучше: говорят, что на большинстве фабрик возобновилась работа. Мы также только что получили новости о взятии англичанами Багдада²⁴, и Шамбрэн рассчитывает, что данный успех произведет хороший эффект на общественное мнение.

22 Борис Владимирович (1877–1943) – великий князь, генерал-майор Свиты Его Величества. Походный атаман всех казачьих войск при Николае II (с 1915).

23 де Шамбрэн Шарль (1875–1952) – 1-ый секретарь французского посольства (1914–1918).

24 Речь идет о завершении начавшейся 13 декабря 1916 г. военной операции английских войск на Ближнем Востоке против турецких войск в ходе Первой мировой войны. Битва за Багдад развернулась 8–11 марта 1917 г.

Но мало-помалу поступают менее обнадеживающие новости: рабочие отдельных фабрик всё еще бастуют. Говорят даже о возможности всеобщей стачки, ходят слухи о столкновениях между полицией и войсками на окраинах города.

Мы спорили о вчерашних событиях и о числе жертв на Невском проспекте. Шамбрэн и я считали, что события сильно преувеличены и выстрелы были холостыми. . . . Остальная часть наших коллег, в то же время, выступала против репрессивных действий и сочувствовала жертвам, когда Леонид²⁵ вошел и сказал, что кто-то начал стрелять на Литейном проспекте, недалеко от Арсенала. Так как посол²⁶ хотел выяснить, что происходит, я отправился с ним и с полковником Лаверном²⁷. И в самом деле, выстрелы раздавались со всех сторон, но они были такими тихими, что у меня сложилось ощущение, что они были холостыми, что подтверждает то, что я думал раньше. Тем не менее, залпы были слышны на расстоянии.

От Захарьевской улицы, где мы укрылись от движения толпы (которое казалось опаснее пуль), мы наблюдали за событиями на Литейном проспекте, которая была заполнена столпившимися в полном беспорядке солдатами. Несколько грузовиков, также заполненных солдатами, прокладывают себе путь через толпу, и мы окружены небольшими красными флагами, которые они несут, и которые мы сначала ошибочно приняли за флажки. В данную минуту рядом с мостом большое движение, где, судя по всему, разгоняли демонстрантов, но невозможно ничего понять в этой суматохе и потоке охваченных паникой и бегущих во все стороны людей. Опрошенные нами солдаты не знали ничего: совершенно очевидно, что единственное, что их интересует – это бегство. Создается впечатление непередаваемого беспорядка.

Мы возвращаемся в посольство, где поступили новости по телефону, который работает исправно. В войсках подняли мятеж и все солдаты из полков, посланных восстановить порядок, после нескольких залпов переходили на сторону восставших. Все кто был послан подавить мятеж, дезертируют один за другим.

Из большого окна канцелярии мы следим за событиями, одновременно выполняя нашу работу. Плотная колонна продвигается к мосту: это новые

25 Дворецкий французского посольства.

26 Палеолог Жорж Морис (1859–1944) – французский политик и дипломат, посол Франции в России (1914–1917).

27 Лаверн Жан Гильом – генерал, военный атташе французского посольства в России (1917), в 1917 г. – подполковник.

войска, призванные водворить порядок: но они сразу же сдаются. Затем следует резкий всплеск, стрельба становится вдвое интенсивнее, и бегущая толпа наполняет набережную. Видно было только солдат, несущихся с ужасом на лице... Они бросают свое оружие, чтобы бежать быстрее. Под стоящим перед посольством автомобилем Альгуэ лежит целая груда из ружей, которые были брошены и спрятаны здесь. Шамбрен берет одно: оно всё ржавое, прицел погнут, механизм в ужасном состоянии. Неудивительно, что мужчины, так плохо следящие за своим оружием, бунтуют на улицах... На самом деле, это даже не мятеж, это паника. Мятежники бегут, боясь репрессивных мер, и уже сожалеют о содеянном... Это похоже на битву в «Кандид»²⁸! Даже полиция, которая атаковала с фланга, испарилась...

Я возвращаюсь домой на ланч, где застаю Лотте, которая очень спокойна. Она проводила мадам Альгуэ, которая приходила чтобы сделать ей укол, до Литейной улицы. Она тоже видела солдат, стрелявших и убежавших прочь. Другие останавливали автомобили и забирались в них, арестовывали офицеров, чтобы забрать их оружие... и бумажники.

Грузовики с красным флагом грохочут и звенят по всей округе. Они наполнены мятежниками, концы штыков возвышаются над серой массой шинелей и головных уборов. Люди, тем не менее, не осмеливаются принять чью-то сторону открыто и проявляют одобрение жестами.

После ланча я возвращаюсь в посольство через Пантелеймоновскую улицу²⁹ и Фонтанку, так как невозможно идти по Литейному проспекту, где снова началась стрельба, интенсивнее чем раньше. Ситуация стала значительно серьезнее, чем она была утром, имею устойчивое ощущение, что восстание побеждает с каждым часом. Люди стреляют здесь, там и повсюду... Я встречаю группу бегущих мужчин, но они выглядят менее напуганными, чем утром. Мятежники контролируют эту часть города, и они поняли, что должны победить, если хотят избежать репрессивных мер. Некоторые офицеры запаса пытаются организовать их... Другие очень напуганы. Один из них на всей скорости скачет на косматой лошади, стреляя из револьвера в воздух. Повсюду атмосфера непередаваемого хаоса.

Все сообщения в посольстве подтверждают, что восстание стремительно побеждает войска, присланные вчера водворить порядок в городе: это сосредоточение войск подогревает волнения, как пламя тонкой свечи поджигает свечи на алтаре. В час дня в центре города было все еще тихо

28 «Кандид, или Оптимизм» – повесть Вольтера.

29 В оригинале ошибочно – «Пантелеевская улица».

и Жанти смог без проблем добраться в Яхт-клуб³⁰, где пообедал. Но вечером передвигаться по городу стало сложно. Шамбрен пришел к нам домой на обед, а Бомон не смог к нам присоединиться. Риггс³¹ застрял в своей квартире на Литейном проспекте до конца дня. Из своего окна он наблюдал за борьбой повстанцев и лояльных войск. Все они очень плохо стреляют, вряд ли есть раненые... но какой ужасный шум и безумные метания! В конце концов, они решили объединиться.

В 5 часов кто-то пришел в канцелярию, чтобы сообщить, что восставшие устроили пожар в здании Окружного суда. Я вышел посмотреть с Шамбреном. Это было жуткое зрелище, огромные языки пламени вылезали из всех открытых окон. Тем не менее, пожарные тушат пожар и им не мешают делать свою работу. Выстрелы слышно со всех сторон: особенно громкие выстрелы слышно с другой стороны Невы, в Выборгском районе, и использованные пули падают по всей набережной. По возвращении мы встретили посла, который решил еще раз нанести визит в Министерство иностранных дел, где мы были сегодня утром. Он был с сэром Джорджем Бьюкененном³², когда за их машиной последовал грузовик, и банда солдат остановила их. К счастью, их узнали, и толпа мятежников, начавшая им угрожать, бурно приветствовала двух послов. Правительство по своей инициативе сместила Протопопова³³, надеясь таким образом удовлетворить население.

За вечер волнения распространились на все войска гарнизона. Тем не менее, отдельные полки проявили дисциплину, и Павловский полк шествовал в правильном порядке, во главе с оркестром, чтобы занять Зимний дворец.

Восставшие контролируют все ключевые места. Они поставили баррикады, чтобы противостоять войскам, которые могут быть присланы для борьбы с ними... Действительно, говорят, что из Царского Села идет Армейский корпус и мятежники явно боятся репрессивных мер. На Литейном проспекте до Сергиевской улицы³⁴ с помощью кучи ящиков, брошенных вокруг двух старых пушек, заблокирована дорога.

30 Вероятно, речь идет о Санкт-Петербургском императорском яхт-клубе, располагавшемся по адресу: ул. Большая Морская, 31.

31 Риггс Френсис (1887–1936) – капитан, морской аташе американского посольства (1916–1918).

32 Бьюкенен Джордж Уильям (1854–1924) – сэр, посол Великобритании в России (1910–1918).

33 Протопопов Александр Дмитриевич (1866–1918) – министр внутренних дел России (1916–1917).

34 Ныне – ул. Чайковского.

Все тюрьмы были открыты, заключенные освобождены. Несколько немецких офицеров, находившихся в заключении и теперь освобожденные, отправились в Шведское представительство в поисках убежища.

Вторник, 13 марта 1917 г.

Всю ночь стреляли. В центре города стрельба была такой сильной, что Альгуэ, который ходил в Торговую палату, не смог уйти и провел там ночь.

Но этим утром, по крайней мере, в нашей округе, не было слышно выстрелов. Кажется, восставшие решили ограничить свою активность поездками на захваченных автомобилях, водители которых теперь должны возить их по всему городу.

Вдоль набережной идет бесконечный поток автомобилей, многие из которых я узнаю, когда они проезжают мимо, наполненные солдатами, с торчащими из окон ружьями. Остальные солдаты стоят на подножках автомобилей или забрались на крышу. На передней части почти любого автомобиля двое мужчин с каждой стороны вытягиваются над крылом автомобиля, нацеливая ружья со штыками вперед. Также много грузовиков, оборудованных пулеметами и наполненных солдатами: на многих из них надета пулеметная лента, полная боеприпасов. Открытые армейские автомобили, попавшие в руки восставших, ездят по снегу, а их пассажиры разбрасывают прокламации, которые развеваются на ветру и попадают в протянутые руки жаждущих новостей прохожих.

В Думе из 12 человек был создан комитет, предпринимающий попытки направить революционный поток в определенное русло. Данный комитет телеграфировал императору и командующим армией о текущей ситуации. Царь наделил генерала Иванова³⁵ особыми полномочиями — но что он может сделать, если он в Могилеве!

М. Покровский³⁶ все еще занимает пост в МИДе и сегодня утром около 11 утра посол смог встретиться с ним. По дороге в министерство М. Палеолога узнала толпой солдат и студентов, которые встретили его с бурными аплодисментами и хотели отвезти его в Думу в грузовике с красными флагами. Тем временем, другие солдаты вышли на демонстрацию перед посольством, требуя, чтобы над посольством

35 Иванов Николай Иудович (1851–1919) — генерал от артиллерии, генерал-адъютант, участник Первой мировой войны (1914–1918). В феврале 1917 г. был наделен особыми полномочиями и в качестве главнокомандующего Петроградского округа направлен в Петроград для наведения порядка.

36 Покровский Николай Николаевич (1865–1930) — министр иностранных дел России (1916–1917).

был поднят красный флаг. Шамброну пришлось выйти и поговорить с ними. Офицер обратился к нему на французском, обещая, что революционная Россия будет верна союзникам. Военный оркестр сыграл Марсельезу.

Эти оптимистичные обещания произвели сильное впечатление в Канцелярии. Только Шамбрен и я считаем, что не следует ждать чего-либо от людей, которые начали революцию с бегства. Только одно все еще может спасти дело Войны и Союзников: решительные репрессии, на проведение которых мы искренне надеемся.

После полудня снова началась настолько сильная стрельба, что я сначала принял это за прибытие войск для восстановления порядка. Оказалось, это были всего лишь солдаты, решившие, что полицейские (которые сейчас называются «фараонами») спрячутся на крышах церквей и домов, и одержимые настоящим террором. Грузовики стоят на углу каждой улицы, их пулеметы направлены в воздух и выстрел за выстрелом опустошают боеприпасы. Пули падают на нападающих и на солдат других частей, заставляя их верить, что им стреляют в ответ. Но люди стреляют кто куда. Особенно сильная стрельба на углу Сергиевской улицы и Литейного проспекта, где несколько пулеметов стреляют перекрестным огнем в украшенный звездами купол церкви Святого Симеона.

Тем временем, население, осознав, что революционеры одерживают верх, пользуется ситуацией, чтобы показать свою ненависть к полиции. Полицейские участки сжигаются и подвергаются разграблению. Я прохожу мимо одного из них на Моховой улице, в то время как мятежники выбрасывают из окна большое пианино, которое с грохотом приземляется на мостовую, все его струны дрожат. Неподалеку в снегу они разводят костер из порванных дел, из которых падают каскады бумаг... Наполовину почерневшие страницы улетают и падают на снег.

В 4 часа вместе с Лотте визит к Шубину, затем к княгине Долли Радзивилл, где мы встречаем Голицына³⁷ и княгиню Софью Долгорукову³⁸.

Возвращаемся в посольство, тем временем на Сергиевской улице сильная стрельба. Лотте ушла домой в сопровождении полковника Лаверна, в то время как я остался в Канцелярии.

37 Голицын Дмитрий Петрович (псевдоним – Муравлин) (1860-1928) – князь, русский государственный и общественный деятель, писатель.

38 Долгорукова Софья Алексеевна (урожд. Бобринская, во втором браке – Волконская) (1887–1949) – графиня, одна из первых женщин-пилотов.

Толпа также разграбила и устроила пожар в особняке графа Фредерикса³⁹, он был арестован и отправлен в крепость (Петропавловскую — прим. переводчика), вместе со Штюмером⁴⁰, Протопоповым, митрополитом Питиримом⁴¹ и многими другими. Последний был отправлен в автомобиле Делоне-Бельвиль Шубина и, чтобы не потерять из виду свой красивый лимузин и знать последние новости, у Шубина появилась блестящая идея подавать еду солдатам, которые присвоили его автомобиль, и теперь они приходят в любое время, как только проголодаются.

Восставшие обыскивают дома в поисках «фараонов» и оружия. Они пришли к мадам Альгуэ и были очень вежливы. Но в других домах они вели себя очень жестоко. Один из моих близких друзей, генерал Штакельберг⁴² (в чьих жилах французская кровь перемешана с кровью Тевтонских рыцарей) отказался подчиниться требованиям солдат, как и большинство российских офицеров, и был зверски убит на глазах своей жены. Солдаты надругались над его телом и забрали все, что на нем было, а затем бросили его тело в Неву.

Среда, 14 марта 1917 г.

Сегодня утром, уходя из дома, у меня было хорошее предчувствие. Кажется, стреляют меньше, и даже есть попытки навести порядок: действительно, я встретил конвой саней с продовольствием в сопровождении солдат.

Революция, похоже, действительно победила. Войска направляются в Думу для принятия присяги, и по дороге из посольства я остановился на углу Литейного проспекта и Сергиевской улицы, чтобы посмотреть на проходящий мимо полк, направлявшийся в Таврический дворец. Солдаты были в походной форме, с оркестром во главе, который играл марш из балета «Конёк-Горбунок». Только красные флаги, красные повязки на руках мужчин и красные лоскутки на штыках напоминали о грустной реальности.

39 Фредерикс Владимир Борисович (1838–1927) – граф, государственный деятель, министр императорского двора (1897–1917), канцлер российских императорских и царских орденов, генерал от кавалерии, генерал-адъютант.

40 Штюмер Борис Владимирович (1848–1917) – государственный деятель. Министр внутренних дел (март–июль 1916), председатель Совета министров (январь–ноябрь 1916), министр иностранных дел (июль–ноябрь 1916). Был арестован восставшими и умер в Петропавловской крепости.

41 Питирим (в миру Павел Васильевич Окнов) (1858–1920) – митрополит Петроградский и Ладожский (1915–1917), член Святейшего синода (с 1914).

42 Штакельберг Густав Эрнестович (1853–1917) – граф, генерал-лейтенант в отставке, состоял при Вел. князе Владимире Александровиче.

По дороге на ланч в посольстве на Гагаринской улице мы встретили 8 старых генералов, также направлявшихся в Думу для принятия присяги. Четверо из них носили Георгиевский крест. У всех были красные повязки на руках. Последний был довольно беспомощен, идти ему помогала женщина.

На самом деле, все офицеры должны представиться и присягнуть в Думе. Кроме того, они должны зарегистрироваться в организации, находящейся в Армейском и Морском клубе, на углу Литейного проспекта и Кировной улицы. Бомон, решивший зайти в холл, сказал, что это выглядело униженно. Офицеры должны предстать перед комитетом, состоящим из студентов и рядовых солдат, сидящих за большим столом, перед которым их грубо выталкивает толпа солдат, стоящих в холле. Они получают три типа сертификатов: удостоверение личности; разрешение на передвижение; и, наконец, для тех, кто получил доверие – что-то вроде «гражданского удостоверения», приглашающего их содействовать восстановлению порядка и подтверждающее их найм на службу.

После полудня многие полки отправились в Таврический дворец для принятия присяги.

Великий князь Кирилл⁴³ прошел во главе конных частей гвардии. Финляндский полк, проходивший мимо, был в достаточно хорошем состоянии, но я встретил несколько моряков, которые выглядели довольно жалко. Тем не менее, несмотря на всё, эти войска, подчинившиеся власти Думы – единственные частички относительного порядка перед лицом партии экстремистского Комитета Финляндского вокзала⁴⁴ и солдатского комитета Петропавловской крепости, которые продолжают стрелять из укрытий на улицах и обыскивать дома под предлогом поиска полицейских или оружия.

Комитет Финляндского вокзала особенно опасен.

Он состоит из революционеров и одиозных анархистов, вокруг которых группируются радикально настроенные элементы. Следуя примеру Революции 1905 года, они приглашают рабочих и солдат выбрать представителей от рабочих и солдат вместо членов Думы, которые, по мнению Комитета, не настоящие представители народа и их авторитет непризнан.

43 Кирилл Владимирович (1876–1938) – великий князь, двоюродный брат Николая II.

44 «Комитет Финляндского вокзала» – вероятно, автор имеет в виду один из революционных центров, возникших 27–28 февраля, после того, как Финляндский вокзал был занят одним из воинских отрядов. См.: Николаев А.Б. Думская революция: 27 февраля – 3 марта 1917 года: в 2 т. – Т. 1. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2017. – С. 237, 367.

Это якобинская группировка в противовес Учредительному Собранию. Говорят, император покинул Ставку, но его поезд был остановлен революционерами по дороге в Царское Село.

Четверг, 15 марта 1917 г.

Ночь была тихой. Снег, начавшийся вчера вечером, немного поумерил пыл охотников за «фараонами».

После ланча в посольстве Лотте, Шамбрэн и я решили немного пройтись. На улицах очень много людей. Наконец, люди больше не боятся и они вышли на улицы, чтобы отпраздновать свою свободу.

Как сказал мне один дворник, «в этой стране все богаты и каждый любит выставлять себя напоказ...». Сегодня все новые горожане гуляют по городу...они смотрят на красные флаги, развивающиеся на многих домах... Особенно на домах, на которых ожидаешь увидеть их меньше всего... Несомненно, люди не очень смелы здесь... Автомобили разъезжают повсюду, разбрасывая прокламации Комитета Финляндского вокзала, требующие отречения императора и установления всеобщего избирательного права. Патрули, состоящие из плохо подобранных солдат и возглавляемые студентами, вооруженными шашками и револьверами, отводят арестованных полицейских в Думу. Многие из них ранены и носят на голове повязки. Их руки связаны за спиной.

Мы идем мимо сгоревшего здания Окружного суда, где длинные ледяные сталактиты свисают вниз, и напротив Литейной улицы сооружены баррикады, состоящие из ящиков, сваленных вокруг двух пушек.

На Сергиевской улице над дворцом графини Клейнмихель развевается красный флаг, и плакат на двери говорит о том, что хозяйка дома арестована. Герб на дворце великой княгини Ольги⁴⁵ завешен красной тканью.

Мы зашли к мадам Альгуэ и мадам Олив⁴⁶, где мы встретили Горчаковых и Безака, чьи эполеты были оторваны солдатами.

Покидая мадам Олив, мы встретили целый личный состав штаба – около 100 офицеров, направлявшихся толпой в Думу, без оружия и в сопровождении их командующих.

45 Ольга Александровна (1882–1960) – великая княгиня, дочь императора Александра III.

46 Олив Елена Павловна (1879–1948) – баронесса, супруга коллекционера и камер-юнкера Высочайшего Двора М.С. Олива.

Вечером стало известно, что исполнительный комитет Думы и Комитет Финляндского вокзала смогли прийти к соглашению⁴⁷. Комитет Думы подчинился требованиям экстремистов и пообещал включить в новое правительство одного из их представителей – Керенского⁴⁸ или Чхеидзе⁴⁹. Комитет Финляндского вокзала, состоящий из представителей рабочих и солдат, набирает силу с каждым днем и, кажется, должен одержать верх над думцами, даже самые либеральные из которых в ужасе от того, как развиваются события.

Сообщают, что император прибыл в Псков, где, как говорят, он отрекся от престола в пользу сына. Люди все еще надеются, что монархию можно сохранить и создать конституционную империю... вопреки экстремистскому комитету, который хочет республику.

Пятница, 16 марта 1917 г.

Император отрекся сегодня ночью. Но вопреки всеобщему мнению, он отказался от права своего сына на престол и назначил наследником своего брата, великого князя Михаила⁵⁰.

Сегодня утром великий князь принимал делегатов Думы и Комитета Финляндского вокзала, которые настояли на том, чтобы он тоже отказался от трона. До созыва Учредительного собрания будет создана диктатура под председательством князя Львова⁵¹ с Гучковым⁵²,

47 Речь идет, скорее всего, о соглашении Временного комитета Государственной думы (ВКГД) и Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов о создании Временного правительства 2 (15) марта 1917 г.

48 Керенский Александр Федорович (1881–1970) – политический и государственный деятель, адвокат. Лидер партии трудовиков в IV Государственной думе, с марта 1917 г. – эсер. Во Временном правительстве: министр юстиции (март–май), военный и морской министр (май–сентябрь), министр-председатель (с 8 июля), верховный главнокомандующий (с 30 августа).

49 Чхеидзе Николай Семенович (1864–1926) – политический деятель, один из лидеров меньшевиков. Председатель Петросовета (февраль–сентябрь 1917) и ВЦИК (июнь–октябрь 1917).

50 Михаил Александрович (1878–1918) – великий князь, военачальник, генерал-лейтенант (1916), генерал-адъютант, член Государственного совета (1901–1917).

51 Львов Георгий Евгеньевич (1861–1925) – князь, общественный и политический деятель. Участник земского движения, один из лидеров партии кадетов. Министр-председатель Временного правительства (март–июль 1917).

52 Гучков Александр Иванович (1862–1936) – политический и государственный деятель, лидер партий «Союз 17 октября». Председатель Центрального военно-промышленного комитета (1915–1917). Военный и морской министр

Милюковым⁵³, Терещенко⁵⁴, Керенским и др.

После ланча в посольстве, на который посол приглашает нас каждый день с тех пор как началась революция, мы отправились навестить княгиню Радзивилл, где мы встретили нескольких друзей. Все они настроены очень пессимистично. Князь Голицын сказал: «Все кончено».

Шубин, которого мы навестили позже, настроен не более оптимистично. Он довольно хорошо знает большинство личностей, пришедших к власти, и у него нет иллюзий относительно их силы, смелости и способностей.

Тем не менее, кажется, предпринимаются попытки водворения порядка. Они послали гвардию – около 30 курсантов Пажеского корпуса в посольство. Кроме того, префектура полиции⁵⁵ оформила охранные свидетельства для членов дипломатического корпуса. Эти меры были приняты как нельзя кстати. Собственно, сегодня днем мадам Бинэ⁵⁶ была арестована и доставлена в полицейский участок, несмотря на то, что ее сопровождал французский сержант в униформе.

Шайки солдат, уставшие от охоты на полицейских, сейчас заняты снятием орлов и других имперских символов. Они срывают и разбивают вывески и гербы торговцев, имеющих отношение ко двору. Огромный красный флаг развивается над Зимним дворцом.

Источник: Robien de, Louis. The diary of a diplomat in Russia, 1917–1918 / Translated from French by Camilla Sykes. New York – Washington: Praeger Publishers. 1970. P. 7–21.

Временного правительства (март–май 1917).

53 Милюков Павел Николаевич (1859–1943) – политический деятель и историк, лидер партии кадетов. Министр иностранных дел Временного правительства (март–май 1917).

54 Терещенко Михаил Иванович (1886–1956) – банкир, владелец сахарорафинадных заводов. Министр финансов (март–май 1917) и министр иностранных дел Временного правительства (май–октябрь 1917).

55 Вероятно, речь идет о Городской милиции Петрограда, так как органы полиции были окончательно разгромлены 27–28 февраля 1917 г.

56 Бинэ (урожд. Энгельгардт) Маргарита (1891–1978) – супруга архивариуса французского посольства, М. Бинэ.

УДК 94(470) «1917»

Хрисанфов В. И.

д-р ист. наук, профессор кафедры исторического регионоведения
Санкт-Петербургского государственного университета
(г. Санкт-Петербург)

Степанов С. В.

преподаватель, Гатчинский педагогический колледж
им. К. Д. Ушинского (г. Гатчина, Ленинградская область)

Революция 1917 г. в провинции (на материалах Лужского уезда Петроградской губернии)

Положение города как тыла Северного фронта, крупного железнодорожного узла, наличие большого количества воинских частей, близость к столице определили ключевое военно-политическое положение города. Его географическое и тыловое положение на пути в столицу оказало большое влияние на политическую ситуацию в городе, переход власти к левому блоку (партии эсеров и партии большевиков). В статье на основе анализа неопубликованных документов и сопоставления воспоминаний реконструирована политическая деятельность ключевых партий (большевиков и эсеров), а также взаимоотношения местного Совета и органов власти в Петрограде.

Ключевые слова: Луга, Петроградская губерния, Лужский гарнизон, П. Н. Краснов, установление власти Советов.

The condition of the city as a back land of the North front, as a large railway junction, presence of a big amount of the military units and nearness to the capital determinate the key politico-military status of the city. Its geographical and logistical position on the way to the capital had a great influence on the political situation in the city, the succession of power to the left bloc (to the party of the Socialists-Revolutionaries and to the Bolshevik Party). In the article, based on an analysis of unpublished documents and a comparison of memories, the authors reconstruct the political activity of key parties (Bolsheviks and Socialists-Revolutionaries), as well as the relationship of the local Soviet and authorities in Petrograd.

Keywords: Luga, Petrograd governorate, Luzhsky garrison, P.N. Krasnov, establishment of the Soviet power.

До 1917 г. Луга была небольшим уездным городом, находившимся в 150 верстах от российской столицы. Жизнь в ней текла мирно и раз-

меренно [19, 20, с. 33–35]. Первая мировая война круто изменила жизнь города и всего уезда. Лужский край превратился в тыловую базу Северного фронта [17, с. 178–179; 18]. Здесь находились автомастерские, в которых восстанавливалась боевая техника, в городе и на Сергиевском артиллерийском полигоне обучались новобранцы, комплектовались воинские части, в лазаретах находились на излечении раненые солдаты. Лужский гарнизон насчитывал военнослужащих, по крайней мере, в полтора раза больше, чем жителей самого города.

1917-й год привел к резкой политизации жизни Луги. Этому способствовали, прежде всего, события, происходившие в столице. Вслед за столицей уже 26 февраля начинаются революционные волнения в лужском гарнизоне, имевшем постоянные контакты с Петроградом через рабочих автомастерских (в них работало от 1,5 до 2 тыс. чел.) [24, л. 1, 3; 25, л. 5]. Уже в первые дни Февральской революции лужский гарнизон сыграл важную роль в закреплении ее победы. Как известно, вечером 27 февраля Ставка приняла решение направить в столицу карательную экспедицию под командованием генерал-адъютанта Н. И. Иванова. С Северного и Западного фронтов были выделены для этой цели пехотные и кавалерийские части. Образовавшийся в Луге солдатский «революционный комитет» во главе с унтер-офицером, главным механиком автомастерских А. П. Заплавским, по собственной инициативе стал задерживать все двигавшиеся на столицу войска, разоружая или поворачивая их обратно. По некоторым данным, в районе Луги были задержаны 12 эшелонов. Первыми были задержаны 2 эшелона с солдатами лейб-гвардии Бородинского полка, прибывшего с Северного фронта [23, л. 9, 13, 22].

Лужский гарнизон полностью перешел на сторону новой власти и Петроградского Совета. 2 марта был образован гарнизонный Совет солдатских и офицерских депутатов, в исполком которого вошли 4 офицера, 1 врач и 7 солдат. Через некоторое время он был переименован в Совет солдатских депутатов, так как офицеры в большинстве своем отказывались сотрудничать с солдатскими комитетами, а 19 апреля гарнизонный совет объединился с городским рабочим и уездным крестьянским советами, образовав единый Совет солдатских, рабочих и солдатских депутатов. Военные продолжали играть в нем ведущую роль.

В конце августа Луга вновь оказалась в центре внимания всей российской общественности в связи с корниловским мятежом. Мемуарные источники свидетельствуют о том, что Лужский железнодорожный вокзал и привокзальная площадь были в это время ареной политических

страстей. Всесторонняя агитация среди казаков 1-го Донского корпуса, направленного в Петроград и остановленного в Луге, которую проводили как представители Лужского совета, твердо стоявшего на стороне А.Ф. Керенского, так и представители РСДРП (б), достигла своих результатов – казаки отказались идти на Петроград.

После разгрома корниловщины Луга продолжала играть важную военно-стратегическую роль, поскольку часть казачьих подразделений, участвовавших в мятеже, были дислоцированы в районе Псков-Остров-Порхов, а один отряд под командованием атамана Попова остался в окрестностях Луги и мог быть использован контрреволюцией в любой момент. Это обстоятельство, а также наличие крупного гарнизона побуждало политические силы осенью 1917 г. обратить внимание на солдатскую массу. В Лугу направлялись агитаторы из Петрограда практически от всех политических партий.

Преобладающей политической силой в самой Луге были эсеры. Под их влиянием находился и Лужский совет, пользовавшийся большим авторитетом в массах, хотя их политическое влияние после разгрома мятежа Корнилова, как писал один из участников событий тех лет, «стало быстро идти на убыль, особенно среди солдат гарнизона». И, наоборот, большую активность стали проявлять сторонники партии большевиков. Правда, сама партийная организация РСДРП(б) на тот момент не была столь многочисленной, как позднее будут писать мемуаристы, а вслед за ними и профессиональные историки. Она насчитывала не более 10–13 человек. Конечно, в агитационной работе обойтись собственными силами они не могли. «Переиграть» эсеров, имевших в своих рядах опытных ораторов, им не удавалось, поэтому лужские большевики обратились за помощью в ЦК РСДРП(б).

6 сентября на общем собрании большевики составили письмо, в котором изложили мотивы своего обращения. Они просили включить их организацию в подрайон Петрограда и помочь наладить партийную работу, а также прислать «хотя бы временно», опытных агитаторов и снабдить группу необходимой литературой. Письмо было подписано председателем собрания В. Рожковским. На этом документе имеется резолюция Я. М. Свердлова: «Ознакомится на месте с организацией» [3, с. 275]. Просьба была выполнена, тем более что в октябре началась подготовка к Всероссийскому съезду советов. По имеющимся сведениям, в начале октября в Луге побывали такие видные деятели партии, как Ф. Ф. Ильин-Раскольников, представитель военной организации РСДРП(б), И. П. Дзевялтовский, Н. А. Семашко. Все они в течение не-

дели вместе с местными большевиками принимали участие в проведении митингов и собраний в разных частях и подразделениях гарнизона.

В октябрьские дни 1917 г. особенно оживленным был железнодорожный вокзал Луги. Здесь в помещении бывших императорских комнат располагался Лужский совет солдатских и рабочих депутатов, где находилось много солдат местного гарнизона. Судя по воспоминаниям активных участников событий 1917 г., начиная с сентября и до 1 ноября заседания Лужского совета носили своеобразный характер. В середине комнаты, уставленной скамьями, размещались члены совета. Вокруг этого центра, обнесенного барьером, располагались места для публики. Как правило, они были набиты до отказа, в основном солдатами [22, л. 83]. Все выступления и решения Совета дружно поддерживались или освистывались. В таких условиях, естественно, трудно был работать плодотворно, все время, ощущая «давление» масс.

Тем не менее, благодаря популярности лозунгов большевиков, хотя сама их организация, как уже отмечалось, была немногочисленна, они сумели привлечь на свою сторону много сторонников. Такая активная работа большевиков привела к тому, что эсеры Луги стали утрачивать свое бывшее влияние на солдатские массы гарнизона, но еще пользовались известной поддержкой и возглавляли исполком Совета, который 15 октября постановил отозвать своих представителей из Петроградского совета, в виду несогласия с его тактикой или, точнее, как писала пресса тех лет, «вследствие большевистского характера деятельности последнего» [6, с. 192]. Отсюда, подчеркнем, все последующие действия Лужского совета и его исполкома будут выглядеть логично и закономерно, а их поступки последовательны и понятны, и никакого «тайного умысла», как писалось в советской историографии, в них не было. Исполком Лужского совета активно поддерживал Временное правительство и в дни Октябрьского переворота в Петрограде и даже после его свержения.

Особенно активизировалась деятельность исполкома Лужского совета в период с 23 по 26 октября. Как вспоминал активный участник октябрьских событий в крае А. О. Павловский, именно 23 октября эсеры развернули агитационную кампанию среди солдат гарнизона в пользу Временного правительства. Это совпало по времени с приездом в Лугу С. П. Воскова для проведения агитационной работы среди солдат лужского гарнизона в пользу перехода власти к Советам.

По мнению Т. Соколовой, с которым мы согласны, Воскову удалось к 25 октября «сколотить фракцию большевиков и объединить вокруг

них сторонников РСДРП(б)» [15, с. 19]. Первое выступление Воскова состоялось на заседании Исполкома местного совета. Из мемуарной литературы известно, что Восков привез с собой незаполненный бланк мандата представителя Петроградского ВРК в Луге, и на заседании Исполкома 25 октября фракция большевиков предложила утвердить в этой должности члена Совета солдата артдивизиона И. Я. Златкина. Но большинство участников отклонили это предложение и даже проголосовали за посылку войск на помощь Керенскому.

После этого вопрос о создании ВРК был перенесен в солдатские массы. И ход событий начал развиваться по-другому. Как вспоминал Е. Тарасов, после заседания Совета Восков собрал сторонников большевиков, которые решили создать местный ВРК, председателем которого выбрали Златкина, т.е. продублировали то, что не прошло в Совете. Тут же наметили программу действий: провести выборы представителей ВРК в частях (по 2 чел.), продолжить митинговую работу и, наконец, выдвинуть требование переизбрания Совета.

Реализация намеченной программы началась немедленно. В тот же день, 25 октября, в 17.00 в здании цирка состоялся митинг, на котором представители большевиков Златкин и Рожковский высказались за переход власти к Советам. Они также сообщили, что при 24-й артиллерийской бригаде организуется ВРК и просили собравшихся присылать туда своих представителей [5, с. 192]. Судя по воспоминаниям Киндюка, 25 октября прошел митинг против Временного правительства на станции Луга, на котором среди других выступавших был и член РСДРП(б). И. А. Стельмахович [20, л. 4]. Утром 26 октября из Петрограда была получена радиограмма, извещавшая о победе вооруженного восстания и об открытии II Всероссийского съезда Советов. В тот же день было принято и «Обращение Петроградского ВРК» к Лужскому совету с призывом не пропускать к Петрограду эшелоны, направленные туда «по приказу низложенного правительства» [7, с. 58].

Днем в городе состоялся митинг, на котором выступил Восков. Сохранилась резолюция солдат слабосильных команд 1-й, 2-й, 3-й гвардейских кавалерийских дивизий и 15-й кавалерийской дивизии, присутствовавших на этом митинге. В резолюции говорилось, что солдаты, собравшиеся в числе 400 человек, заслушали доклад Воскова о свершившемся факте перехода власти к ВРК при Петроградском совете, и поддержали решение о переходе власти к народу. Участники митинга осудили действия Лужского совета, не принявшего никаких мер к задержанию подступавших к Петрограду эшелонов и выдвину-

ли два требования. Во-первых, они потребовали «немедленного пере-выбора всего состава Совета», а, во-вторых, «немедленного образова-ния /местного/ ВРК из представителей всех частей, находившихся в Луге» [3, с. 298]. Кроме того, солдаты просили Златкина приступить к своим обязанностям. Резолюция была принята единогласно при 4-х воздержавшихся.

В тот же вечер, образовавшийся ВРК, в состав которого вошли чле-ны РСДРП(б) и поддержавшие их представители воинских подразделе-ний И. Златкин, А. Павловский, Е. Тарасов, В. Рожковский, И. Мауре, Н. Горбунов П. Вихорев, Рыбников, Клыст, принял решение предъявить президиуму Совета требование «сложить свои полномочия и объявить немедленно перевыборы всего состава». Но сторонники Временного правительства начали активно противодействовать. Около 12 часов ночи к помещению Совета прибыл конный отряд атамана Попова, что-бы арестовать членов ВРК, поэтому его членам пришлось перебраться в казармы драгунского полка, ставшего на сторону новой власти. О новом его месторасположении были оповещены все подразделения гарнизона. Член ВРК Клыст, оставленный в номере гостиницы, где располагался комитет, был арестован и переправлен в помещение совета. А 27 октя-бря на вокзале был задержан Златкин. Позднее, находясь в Смольном в числе делегатов Лужского совета, представитель эсеров будет отрицать принятие официального решения об аресте членов ВРК, но сам факт задержания признает [7, с. 137].

Рано утром 27 октября член солдатского комитета военно-телеграф-ной станции Радзевич передал в ВРК радиограмму, полученную из столицы. В ней сообщалось, что в Петрограде завершил работу II Все-российский съезд Советов, на котором было образовано советское пра-вительство и приняты декреты о мире и земле. Эту весть ВРК быстро передал всем солдатским комитетам гарнизона. Во второй половине того же дня Радзевич передал ВРК весьма тревожное сообщение: «Из Пскова началось движение эшелонов с войсками генерала Краснова» [16]. В тот же день части П. Н. Краснова, с ходу проскочив Лугу благо-даря попустительству лужского исполкома и местного комитета Вик-жель, заняли Гатчину, а 28 октября – Царское Село, выйдя на ближние подступы к столице.

В эти тревожные для Петрограда дни бурлила и Луга, обсуждавшая сложившуюся ситуацию. 29 октября ВРК предъявил исполкому Луж-ского совета ультиматум с требованием принять меры к приостановке движения через Лугу воинских эшелонов в сторону Гатчины. В резуль-

тате переговоров удалось прийти к компромиссу, и к ночи 28 октября прохождение поездов на Гатчину было прекращено.

Обстановка в Луге и в гарнизоне все еще была непростая. 29 октября проездом через Лугу перед солдатами на митинге выступил комиссар 12-й армии Войтинский, ездивший в Псков в надежде найти верные Временному правительству войска. Выступая перед солдатами гарнизона, он сумел организовать для борьбы с Петроградским ВРК добровольческий отряд, присоединившийся к 4-му Осадному полку, который оставался верен Временному правительству. И только когда местные большевики связались со всеми частями гарнизона и в совместном заявлении пригрозили, что «лишат полк продовольствия», ситуация, видимо, сдвинулась с места [14]. Но этот перелом произойдет только 31 октября.

А пока, на 29 октября, по поступившей в Петроградский ВРК информации, Луга все еще была против новой власти, если говорить о позиции, занятой Исполкомом Лужского совета. Больше того, во время наступления Краснова в районе Пулково, по сведениям В. М. Губаревой, Лужский исполком направил в адрес Петроградского ВРК требование «сложить свои полномочия и уступить место однородному демократическому правительству» [6, с. 140].

Во второй половине дня 29 октября исполком Лужского совета пригласил руководителей ВРК на совместное заседание для обсуждения сложившейся ситуации. На этом заседании от ВРК присутствовали И. Златкин, В. Рожковский, А. Павловский, Н. Горбунов и Е. Тарасов. После бурного обсуждения стороны пришли к следующему соглашению: 1. Не пропускать к Петрограду никаких эшелонов, ни с войсками Керенского, ни с войсками сторонников Советской власти; 2. Выделить делегатов для посылки в Псков, в Гатчину и Смольный на предмет мирного улаживания конфликта между сторонниками Временного правительства и сторонниками советской власти. Были согласованы кандидатуры делегатов. В Псков, в штаб Северного фронта в составе делегации от ВРК отправился В. Рожковский.

Делегация в столицу состояла из представителей всех политических партий, проявлявших активность на тот момент: Е. Тарасов (от ВРК), Новиков (от эсеров), военврач Ладунг (от меньшевиков), солдат Комаров (от меньшевиков-интернационалистов), от украинской националистической организации (от так называемой гарнизонной рады) — офицер, фамилия которого в мемуарной литературе не называется. В состав делегации входил и представитель местного комитета Викжель, который на совместном заседании исполкома заявил, что Викжель не

поддерживает ВРК и готов дальше пропускать войска Керенского [9, с. 196]. Таким образом, и лужские большевики оказались втянуты в миротворческое посредничество, затеянное правыми социалистами. Обе делегации вскоре отправились в путь.

Поздно вечером 29 октября лужская делегация отправилась в Гатчину. С Варшавского вокзала, в сопровождении коменданта, встречавшего делегацию, все поехали в Павловский дворец, где был расположен штаб Керенского–Краснова. Здесь они были приняты не Керенским, как они надеялись, а его представителем Войтинским, который от имени Александра Федоровича передал свои требования для Смольного. Как заявил Войтинский, перемирие может быть только на основе «полной капитуляции большевиков» [16].

Наутро в теплушке с паровозом, через станцию Тосно лужане прибыли в Петроград. Здесь они смогли с самого начала убедиться, что в городе все спокойно, и что слухи о беспорядках в столице, докатившиеся до Луги, оказались беспочвенными. Днем делегация встречалась с представителями так называемого «Комитета спасения родины и революции», созданного городской думой.

Пока лужская делегация вела переговоры в Смольном, в самой Луге события достигли своего апогея. Из протокола заседания Петроградского ВРК 31 октября видно, что в Луге и местном гарнизоне обстановка не была такой радужной, как об этом будут писать в советские годы в своих мемуарах активные участники октябрьских событий 1917 г. Е. Тарасов и И. Златкин. Но она не была и такой, как напишет в своих мемуарах А. Ф. Керенский, утверждавший, что лужский гарнизон был на стороне Временного правительства [10, с. 314].

Если П. Н. Краснову, получившему еще 25 октября приказ двигаться на Петроград, удалось, выехав из Пскова, миновать, не останавливаясь, Лугу и прибыть в Гатчину, то другим верным Временному правительству частям сделать этого уже не удалось. По воспоминаниям одного из участников событий П. Нестеренко (сторонник Керенского), «не дремавший Лужский Совдеп делал свое дело. И для агитаторов не требовалось особых усилий, чтобы убедить (колеблющихся) не участвовать в братоубийственной войне и не защищать Керенского» [13, с. 169].

Действительно, в этот период все без исключения члены партии в Луге были мобилизованы для работы среди войск 12-й армии, стянутых Керенским с фронта и направлявшихся в Гатчину. Во время остановки этих эшелонов на станции Луга надо было снабдить их соответству-

ющей литературой, листовками, разъяснять солдатам смысл происшедших событий. На самом деле сделать это было не так просто, как представляет П. Нестеренко. И руководство Петроградского ВРК беспокоила обстановка, складывавшаяся около Луги, гарнизон которой еще оставался под влиянием эсеров. В своих воспоминаниях В. А. Антонов-Овсеенко, отвечавший за боевые операции ВРК, назвал Лугу тех дней «темным пунктом» [1, с. 333].

Из Луги в сторону Петрограда двигался (по собственной инициативе) «ударный батальон». Антонов-Овсеенко с группой агитаторов отправился навстречу «ударникам». После беседы с ними выяснилось, что их настроения в отношении к советской власти «оказались вполне миролюбивыми» [2, с. 85]. После переговоров «ударники», которые до этого захватили находившихся на лужском вокзале членов Совета, по воспоминаниям солдата Лужского гарнизона П. Зиновьева, освободили всех и ушли в Псков [21, л. 85].

Однако и после этого полная военная опасность со стороны лужского направления еще не была устранена. Так, со стороны Пскова продолжали двигаться части 17-го стрелкового корпуса, вызванного ранее с Румынского фронта и растянувшиеся от Невеля до Пскова. Еще до боя под Пулково у Краснова были большие надежды на их подход [11, с. 328]. Но с тех пор многое изменилось. Из всех частей 17-го корпуса оказались готовы отправиться к Керенскому только два полка. Остальные были распропагандированы [12, с. 35]. Но и эти два полка двигались медленно (по ходу движения, везде, на станциях эшелонам чинились задержки, не давались паровозы). Только с применением «насильственных мер» одному из них удалось «пробиться через Псков и добраться до Луги». Это был эшелон с батальоном Нежинского полка, солдаты которого 1 ноября высадились на Лужском вокзале и разоружили охрану. Делегации большевиков во главе с матросом Дыбенко, приехавшей в Лугу уговаривать солдат, сделать этого не удалось. Корпусной комиссар Зотиков, прибывший с передовыми подразделениями полка, за это время успел побывать в Смольном, где также ничего не добился хотя, вероятно, угрожал «лужскими войсками». П. Н. Милюков, описывая эти события, выражал сожаление, что «эта удача» пришла поздно, так как 30 октября Краснов и Керенский уже проиграли.

2 ноября из Ставки был получен приказ – остановить движение эшелонов на Петроград. Нежинский полк не поверил и «послал выборных в Ставку», и после этого, по словам Милюкова, «разложился» [12, с. 35–36]. Но со стороны фронта двигались и другие части. Особенно мно-

го хлопот, по словам Антонова-Овсеенко, причинила 3-я Финляндская дивизия, оказавшаяся в окрестностях Луги. Навстречу этой дивизии отправился сам Антонов-Овсеенко и вел переговоры с ее солдатским комитетом. По его словам, очень быстро удалось установить, что дивизия в целом, т.е. ее солдатская масса «не имели контрреволюционных намерений», а тянулись к Петрограду исключительно «на отдых». Поэтому в итоге с комитетом была достигнута договоренность о размещении частей дивизии «в окрестностях Петрограда». (Правда, другой источник сообщал, что 4 ноября в Луге высадились 2 батальона 9-го Финляндского полка, 12 дней блуждавших в окрестностях Луги. После переговоров, проведенных его представителями в Смольном, полк согласился отправиться в Финляндию) [14].

В эти дни, 3–4 ноября, в Луге оказался и Борис Савинков. Отсюда он связывался со Ставкой, но ничего поделать не смог и вынужден был уехать утром 6 ноября. В момент отъезда Савинкова в Псков, на лужском вокзале находились П.Е. Дыбенко и С.Г. Рошаль с отрядом матросов, и солдаты с ними братались. Единственная внушающая тревогу воинская часть – отряд атамана Попова, располагавшаяся в деревнях Туровской волости под Лугой, была совершенно деморализована. 8 ноября ее представители, побывавшие в штабе ВРК, согласились с предложением Петроградского ВРК «перейти в распоряжение командующего Северным фронтом» [4, с. 28].

Так закончились попытки Керенского вернуть себе власть. И вопрос о стабилизации обстановки в районе Луги, таким образом, окончательно решился в течение одной недели. 7 ноября в Луге состоялись выборы нового Совета, и в городе окончательно установилась Советская власть. Вечером 8 ноября в Смольном, в штабе ВРК прибывшие из Луги представители уездных властей сообщили, что в местном Совете абсолютным большинством принята резолюция в поддержку Советского правительства [4, с. 29]. После этого, по мнению штаба ВРК, направление Гатчина-Луга-Псков было надежно обеспечено революционными войсками [3, с. 305].

По сведениям, опубликованным в газете «Правда», на которые будут ссылаться в дальнейшем все историки, перевыборы Лужского Совета состоялись 4 ноября. В новом составе оказались 140 большевиков, 36 центристов, 3 украинца. В исполком вошли 25 большевиков, 4 эсера и 1 украинец [14]. По нашему мнению, учитывая описанную выше сложную ситуацию вокруг Луги (присутствие войск сторонников Керенского), можно предположить, что в таких условиях перевыборы явно не могли состояться. И в действительности, 1-й съезд Советов Лужского уезда, провозгласивший власть советов, состоялся 7 ноября.

Сохранившийся протокол его заседания позволяет также уточнить и число его участников.

Итак, на первом заседании нового совета были обсуждены вопросы о власти, о признании программы советского правительства, о признании II Всероссийского съезда Советов единственным органом законодательной власти в стране. Уездный совет большинством голосов (70 – за, 13 – против, при 4-х воздержавшихся) принял резолюцию о власти [6, с. 306]. (Из этого документа мы узнаем еще и о том, что общее число избранных депутатов совета было не 140, как утверждается в исторической литературе, со ссылкой на указанный выше источник, а всего 87 человек).

Таким образом, при решении вопроса о взаимоотношении между партиями по вопросу о власти Лужский совет занял последовательную позицию в поддержку Советской власти. Новый состав Совета посчитал целесообразным заключить соглашение между социалистическими партиями по вопросу о власти. В резолюции, принятой 7 ноября, депутаты заявили, что сотрудничество социалистических партий возможно при трех условиях – признание программы Советского правительства, изложенной в декретах о мире, земле, о рабочем контроле; признание II Всероссийского съезда Советов единственным источником власти и признание необходимости борьбы с контрреволюцией. Левые эсеры поддержали большевиков и призвали через прессу своих сторонников «помогать укреплению советской власти». Так, в Луге сложился правящий блок двух партий социалистической ориентации на местном уровне.

Список источников и литературы:

1. Антонов-Овсеенко В.А. В семнадцатом году. М.: Гос. изд-во художеств. лит., 1933. 336, [3] с.
2. Антонов-Овсеенко В.А. Записки о гражданской войне. М.: Высший военный редакционный совет, 1924. Т. 1. 300 с.
3. Борьба большевиков за установление и упрочнение Советской власти в Петроградской губернии [1917–1918]: Очерки и документы / [под общ. ред. А.Л. Фраймана]. Л.: Лениздат, 1972. 463 с.
4. Петроградский Военно-революционный комитет: Документы и материалы: В 3-х т. / редкол. Д.А. Чугаев (отв. ред.) [и др.]. М.: «Наука», 1966. Т. 1. 558 с.
5. Губарева В.М. Борьба большевиков за установление и упрочение Советской власти на Северо-Западе России. Л.: Изд-во ЛГУ, 1982. 134 с.
6. Губарева В.М. Борьба революционных масс Петроградской губернии за победу социалистической революции. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1962. 164 с.

7. Документы Великой пролетарской революции / сост.: Е.Н. Городецкий, И.М. Разгон. М., 1938. Т. 1: Из протоколов и переписки Военно-революционного комитета Петроградского совета 1917 года. 376 с.
8. Донесения комиссаров Петроградского Военно-Революционного Комитета / под ред. Г.А. Белова [и др.]. М.: Госполитиздат, 1957. 352 с.
9. Златкин И.Я. В октябрьские дни // Рассказывают участники Великого Октября: [Сборник]. М.: Госполитиздат, 1957. С. 20–33.
10. Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте: Мемуары: [Пер. с англ.]. М: Республика, 1993. 383, [1] с.
11. Краснов П.Н. В боях и походах / [сост., вступ. ст., примеч. Т. Прокопова]. М.: ПРОЗАиК, 2014. 589, [2] с.
12. Милюков П.Н. Ликвидация выступления Корнилова. Низвержение Временного правительства // Белоэмигранты о большевиках и пролетарской революции. Пермь, 1991. [Кн. 2]: [Враги о пролетарской революции в России]. С. 15–33.
13. Нестеренко П. Гатчина в борьбе с большевизмом. Октябрь 1917 // Сопротивление большевизму 1917–1918 гг.: [сост., науч. ред., предисл. и коммент. С.В. Волкова]. М.: Центрполиграф, 2001. С. 169–178.
14. Правда. 1917. 23 окт.
15. Соколова Т. Семен Петрович Восков. [1889–1920: Жизнь и деятельность большевика]. [Л.] : Лениздат, 1947. 40 с.
16. Тарасов Е.Ф. Победа. Воспоминания // Лужская правда. 1967. 26 февр.
17. Тропов И.А. Революция в провинции: Лужский уезд Петроградской губернии в 1917 г. // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2010. Т. 4. № 2. С. 178–187.
18. Тропов И.А. Революция и провинция: местная власть в России (февраль–октябрь 1917 г.): монография. СПб.: Изд-во «Европейский Дом», 2011. 249 с.
19. Хрисанфов В.И. Незнакомая Луга: [очерки истории города начала XX в.]. Луга: Изд-во Крестьян. гос. ун-та, 2004. 200 с.
20. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (далее – ЦГАИПД СПб). Ф. 0-1309. Оп. 1. Д. 4.
21. ЦГАИПД СПб. Ф. 0-1309. Оп. 1. Д. 5.
22. ЦГАИПД СПб. Ф. 0-1309. Оп. 1. Д. 6.
23. ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 5. Д. 5.
24. ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 5. Д. 1397.
25. ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 5. Д. 1635.
26. ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 5. Д. 1688.

УДК 94(470) «1919»

Rabinovich A.

Ph.D. in History, professor emeritus
Indiana University (Bloomington, USA)

Coping with Crises in Civil War Petrograd (May–July, 1919)

The primary aim of my current book project is to better understand how Bolshevism in Petrograd overcame endless internal and external threats during the devastating civil war, and the impact of this treacherous existential struggle on the earliest development of the authoritarian, highly centralized Soviet political system¹. In a recently published paper, I foreshadowed some of the directions of this work by outlining my sense of the development and political impact of three concrete problems relating to the survival of the Petrograd Bolsheviks in 1919. These problems included the Left SR-led strike wave in March 1919, the near fatal military crisis of mid-October 1919, and the effort of the Petrograd Bolsheviks to build an effective government and party organization during the year.² The purpose of this essay in honor of my dear friend and deeply admired colleague Vladlen Semenovitch Izmozik is to continue this preliminary exploration by focusing on a few *other* key problems and their political consequences. All of these problems pertain to *just* the late spring and early summer of that endlessly horrific year, 1919.

Restructuring for total war

By the beginning of May 1919, at the height of the civil war, the restructuring of Soviet government in Petrograd was well advanced. The previous April, the Left SR party had been effectively suppressed as a significant Bolshevik rival. Even earlier, in February 1919, the Northern Commune headed by its own Sovkom had been eliminated as a semi-independent regional government. Henceforth, government policy-making

1 The tentative title of this book is *The Bolsheviks Survive: Government and Crises in Civil War Petrograd*.

2 Aleksandr Rabinovich, “*Vyzhivanie bol'shevikov: pravitel'stvo i krizisy v Petrograde v gody Grazhdanskoi voiny (Nekotorye predvaritel'nie vyvody)*”, in T. A. Abrosimova, et al., eds., *Epokha voiny i revoliutsii, 1914-1922* (Petersburg, 2017), pp. 185-206.

in Petrograd and in the surrounding region was to be the prerogative of the Sovnarkom in Moscow. Slightly less than a month later, the Eighth All-Russian Communist Party Congress (March 18-23), had adopted the ruling principle that the Bolshevik party would strictly control all aspects of policy-making in Soviet government (including all important personnel matters). Henceforth, policy-making not just in the Sovnarkom but in soviets generally, as well as in trade unions and, in fact, in all political, economic, and military agencies from *top to bottom*, was to be determined by organized party fractions guided from above. Among additional points of emphasis in the Eighth Party Congress's mandate on organization were (1) that the party had to cleanse itself and vastly increase its membership, and (2) that it had to restore links between party members occupied full-time by party or soviet work and their factories. This re-connection of broken ties was to be accomplished by returning Bolsheviks in government or party agencies to their original factories temporarily. Grigorii Zinoviev, then already Petrograd's unchallenged chief (*vozhd*), outlined most of these principles to a large assembly of Bolshevik officials and rank-and-file party members on March 29, 1919, soon after his return from the party congress in Moscow³.

The Eighth All-Russian Communist Party Congress had taken place during one of the most alarming moments for the Bolsheviks in the long and terrible civil war. Precisely then, Admiral Aleksandr Kolchak's White forces had occupied large parts of Western Siberia and the Urals, and were rapidly advancing into central Russia. Lev Trotsky, the powerful People's Commissar for War, had been forced to rush to the collapsing Eastern front a few days prior to the start of the congress⁴. Indeed, on the eve of the congress, prospects for Soviet Russia's immediate survival appeared so uncertain to Lenin that he essentially accepted humiliating truce terms ventured by the American diplomat William C. Bullitt. At the time, Lenin characterized these

3 *Izvestiia KPSS*, No. 8, 1989, pp. 185-198. "The party must direct soviets, not replace them," he said. We need to strengthen our influence...so that we that we are can retain power without military force." "We should have 50,000 party members in Petrograd, not 8000".

4 Consequently, Trotsky was unable to personally present his vitally important but highly controversial program for building a traditionally structured Red Army in which "*spetsy*" would have leading military roles. I discuss the resulting difficulties in Aleksandr Rabinovich, "*VIII s'ezd Kommunisticheskoi partii, perestroika dlia vyzhivaniia*." in B. I. Kolonitskii and D. Orlovskii, ot. red., *Revoliutsiia 1917 goda v Rossii: sobytiia i kontseptsii, posledsviia pamiat'* (Petersburg, 2017), pp. 267-280.

concessions as a second “Brest”⁵. To him, it was a necessary step backwards pending the imminent decisive revolutionary explosions abroad which he still confidently expected. The draft proposal then under consideration, which was provisionally approved by the Central Committee but ultimately ignored by the Western allies, would have left vast parts of Russia in the hands of the Whites in exchange for lifting the Allied economic blockade and halting the civil war and foreign military interventions⁶.

In the aftermath of the Eighth All-Russian Communist Party Congress, Petrograd Bolshevik leaders tried as best they could to systematize party and soviet structures to comply with the Congress’s organizational directives, including bridging the perceived chasm between worker-Bolsheviks in government or party work and their labor constituencies⁷. This was hard enough. But Petrograd Bolsheviks had to try to accomplish this while giving highest priority to more immediate emergency tasks, such as securing enough bread for bare survival from drastically depleted supplies and ferreting out foreign spies and underground counter-revolutionary groups that were energized by Kolchak’s success. Plus, the Petrograd Bolsheviks had to somehow try do all this with a skeleton party organization composed largely of untrained newcomers. A high percentage of party veterans had already been sent off to the front or were just then departing for the Volga or the Urals⁸.

5 V. I. Lenin, *Polnoe sobranie sochinenii* (Moscow, 1981), T. 38, pp. 41-48; John M. Thompson, *Russia, Bolshevism, and the Versailles Peace* (Princeton, 1966), p. 165; Richard K. Debo, *Survival and Consolidation: The Foreign Policy of Soviet Russia, 1918-1921* (Montreal & Kingston, 1992), pp. 47-50.

6 *Izvestiia TsK KPSS*, No. 8, 1989, pp. 156-157, 179, note 1. Under the proposed agreement Soviet Russia would give up claims, at least for the time being, to all of the Urals, Siberia, the Caucasus, the area around Archangel and Murmansk, Finland, the Baltic states, and parts of White Russia and Ukraine (Beatrice Farnsworth, *William C. Bullitt and the Soviet Union* [Bloomington and London, 1967]), pp. 32-54.

7 On April 1, the Bolshevik Assembly of Organizers began the process of transferring Bolsheviks already in soviet and party agencies for extended periods of time back to their factories (RGASPI, f. 17, op. 1, d. 230, l. 144). See, also, *Krasnaia gazeta*, April 3, 1919, p. 1. Cleansing the party through re-registration and expanding it by mass recruitment was a much more complex process. This process was not begun until July.

8 RGASPI, f. 17, op. 6, d. 230, l. 33, 40-41. A premium in these mobilizations was personnel from commissariats and soviet agencies. Moreover, since virtually all factory workers belonged to trade unions while only a tiny fraction were Bolshevik party members, the Petrograd Trade Union Council was relied on to conduct a crash mobilization of its own. Essential at the time, this clear violation of the Eighth Congress’s dictum on the controlling role of the party in significant matters had lasting consequences. On the critical role of trade unions in mobilization see E. G. Gimpel’son, *Formirovanie sovetskoi politicheskoi sistemy, 1917-1923* (Moscow, 1995), pp. 127-128.

Na Ural!

“Na Ural!” (“To the Urals!”), was the title of a leaflet by Trotsky that was very widely circulated. In April 1919, it became Petrograd’s watchword. In this resonating, carefully focused appeal, Trotsky linked an end to prevailing hunger to Kolchak’s defeat. “There are millions of puds of grain on the Volga and in Urals cities,” he explained. “There is more than enough to fill us all up...Death to Kolchak, who wants to starve us to death”⁹.

In a letter “To Petrograd Workers” on April 10, Lenin pointed to the absolute necessity of “mobilizing all possible forces for the Eastern front, where the fate of the revolution is being decided”. “With victory there [in the East],” he concluded, “we will have ended the war because the Whites will get no more help from abroad”¹⁰. On April 17, the first day of official mass mobilization to combat Kolchak, *Petrogradskaia pravda*’s front page headline echoed, “Today Is The First Day Of Mobilization... The War Against Kolchak is the Last War. Having Crushed Him, We Will Be Victorious Over Imperialism!” Towards the end of April, authorities in the city proclaimed martial law (soon changed to a state of siege). The primary aim of this drastic step had less to do with the Kolchak emergency than with domestic order. The main purpose of the declaration was to facilitate stricter controls *within* the city of Petrograd.¹¹ Even continuing White Finnish incursions into East Karelia did not alter the priority Petrograd gave to sacrificing *everything possible* for the fierce battles being waged on the far-off Eastern front. *Petrogradskaia pravda*’s headline on May day, 1919, was typical: “Long Live Red May 1! Everyone into Streets!”... “Let our holiday be a show of strength for the fight against Kolchak!”

Trouble in the Northwest

The priority given to the largest and quickest possible transfer of scarce personnel out of Petrograd for military duty elsewhere, primarily in the East, changed overnight. For weeks, Moscow and Petrograd had tolerated incursions into East Karelia by irregular Finnish military detachments. An

9 *Listovki petrogradskikh bol'shevikov, 1917-1919*, T. 3 (Leningrad, 1957), p. 251.

10 Lenin, *Polnoe sobranie sochinenii*, T. 38, 268.

11 TsGA SPb, f. 1000, op. 54, d. 7, l. 36-43; *Petrogradskaia pravda*, May 18, 1919, p. 2.

abrupt shift in priorities during the last week in April was prompted by a significant expansion of Finnish advances into East Karelia, Finnish troop build-ups elsewhere on the border and, most immediately, by concern that these forces were about to join with White Russian units for a combined assault on Petrograd¹². On May 2, Moscow declared a state of siege in the city of Petrograd and in the neighboring provinces of Petrograd, Olonets, and Cherepovets.¹³ That same day, the Executive Committee of the Petrograd Soviet formed an all-powerful “Committee for Petrograd’s Defense”, headed by Zinoviev¹⁴. Similarly authoritative, paid district revolutionary troikas were authorized on May 5. These troikas, approved by the party and responsible to the Committee for Petrograd’s Defense, soon replaced district party and soviet executive committees at the local level¹⁵.

During this occupation scare, which peaked again in late May and early June, the high command of the Red Army ordered the start of preparations to evacuate some militarily significant industrial plants out of Petrograd, and to render many others inoperable.¹⁶ Simultaneously, bridges and rail lines along the enemy’s likely path were readied for demolition. Each day, alarming emergency orders from the Committee for Petrograd’s Defense filled *Severnaia kommuna*’s front page. All these measures panicked workers. Constantly reminded by Bolshevik agitation and by the soviet press of the

12 On April 29, the Bolshevik Petersburg Committee agreed to send 1000 party members to the Karelian front and 1000 to the Olonets front (TsGAIPD, f. 1, op. 2, d. 271, l. 4-5). Moscow’s belated concern appears to have been triggered by information on discussions in the Russian [Emigre] Political Conference in Paris the night of May 1/2 (*Kareliia v period grazhdanskoi voiny i inostrannoï interventsii, 1918-1920* [Petrozavodsk, 1964], p. 66-67); *Petrogradskaia pravda*, May 3, 1919; A. I. Rupasov, A. N. Chistikov, *Sovetsko-Finliandskaia granitsa, 1918-1938* (Petersburg, 2000), pp. 39-48.

13 *Krasnaia gazeta*, May 3, 1919, p. 2.

14 TsGA SPb, f. 1000, op. 3, d. 58, l. 80-80 ob. Although the Committee for Petrograd’s Defense was nominally responsible to the Executive Committee of the Petrograd Soviet, it was independent in practice. Among the defense committee’s responsibilities were coordinating mobilizations and evacuation; defense planning and preparation; and combating counter-revolution and maintaining order. After July, these operations were directed by Iakob Peters, the Commandant of the newly established Petrograd fortified district. His authority included the city of Petrograd and 15 versts around it (TsGA SPb, f. 485, op. 1, d. 21, l. 293, 341).

15 TsGA SPb, f. 485, op. 1, d. 26, l. 173 ob.; N. A. Kornatovskii, *Bor’ba za krasnyi Petrograd* (1919), (Leningrad, 1929), pp. 311-312.

16 RGASPI, f. 17, op. 109, d. 41, l. 15-16; TsGA SPb, f. 485, op. 1, d. 5. TsGA SPb, f. 54, op. 1, d. 20, l. 22, 29-30A.

horrors of White Terror, they naturally assumed that they would be early victims of an enemy occupation. The leading Petrograd Bolshevik Grigorii Evdokimov didn't help matters with a sensational statement at an expanded emergency meeting of the Petrograd Soviet and representatives of trade unions on May 3, which was published in the papers the next day. "In the name of the Petrograd Soviet and the workers of Piter," he proclaimed, "if we are fated to depart this world, then each of us will take tens [*desiatoi-drugoi*] of counter-revolutionaries with us!"¹⁷.

On May 5, the Committee for the Petrograd's Defense sentenced to forced labor all East Karelian males between the ages of 18 and 40 not engaged in defense work¹⁸. Archival files for this period contain evidence of the roundup by Bolshevik authorities of large numbers of formerly prominent citizens of Petrograd for use as hostages¹⁹. Among those also interned at this time were families of deserters²⁰. Moreover, preparations were made for the detention of many more citizens deemed dangerous, and of hundreds if not thousands of Finns living in Petrograd²¹. As it turned out, these attacks from Finland were the lesser of two significant military threats to Petrograd in this period. In early May, White Russians in Estonia also took Kolchak's successful drive into central Russia as a sure sign that the fall of Bolshevism was at hand. On May 13, elements of General Nikolai Iudenich's Northern Corps (the future White Northwest Army) launched an assault on Petrograd from bases near Narva, in newly independent Estonia. Simultaneously, Estonian amphibious forces supported by the British landed at Luga Bay and began a simultaneous drive on Petrograd. Within days, Red Army forces were in headlong, disorganized retreat. By then, however, Kolchak's advance had been slowed and Moscow was able

17 *Severnaia kommuna*, May 4, 1919, p. 2; *Petrogradskaia pravda*, May 4, 1919, p. 2.

18 Rupasov, Chistikov, *Sovetsko-Finliandskaia granitsa*, p. 43.

19 See, for example, f. 54, op. 1, d. 20, l. 252, 253, 254 with ob.

20 *Izvestiia Petrogradskogo soveta*, June 2, 1919, p. 1; TsGA, SPb, f. 1788, op. 1, d. 57, l. 42-43. A request from Dzerzhinskii that families of deserters also be shot was rejected by the Central Committee on June 11 (RGASPI, f. 17, op. 2, d. 20, l. 3).

21 On May 9, 1919, the Executive Committee of the Petrograd Soviet resolved to begin imprisoning "White Guardists" in concentration camps on a mass scale (TsGA SPb, f. 150, op. 1, d. 30, l. 15). In this connection, a First City District Soviet file for 1919 seems pertinent. It contains long undated address lists of Tsarist and Provisional Government era officials; public figures; and Finnish citizens residing the district (f. 54, op. 1, d. 20, l. 252-254 s ob).

to give Petrograd top priority for reenforcement²². Still, for some time the situation of the Reds in the Northwest was bleak. Yudenich's forces, aided by substantial Red defections, advanced with astonishing speed. At the end of May, they approached Gatchina, only 45 kilometers from Petrograd. A bit later, along the southern gulf coast, Estonian detachments neared Krasnaia gorka. Kronstadt appeared doomed; non-military personnel and families there were now ordered to evacuate the base²³. Western media reported that Red Petrograd had likely already fallen.²⁴ Not only foreign observers thought the end was near. Bolshevik officials made hurried preparations to flee the “cradle of the revolution”²⁵.

Jacob Peters

For much of this time, Bolshevik authorities were as concerned about Petrograd's internal security as they were about its external military defense (hence the declaration of martial law in late April). Of primary concern were naturally hostile former elites, some of them functioning as *spetsy* in Red army and naval forces in the Petrograd region. Also disquieting was growing unrest among thousands of new peasant Red Army recruits crammed into squalid, overcrowded garrison barracks²⁶ and continuing disruptions among half-starving workers. On June 8, Jacob Peters, Dzerzhinskii's chief deputy in the VCheka, was transferred from Moscow to Petrograd to impose order there (as he later put it, to “get rid of counterrevolutionary bands”²⁷). On June 11, as newly appointed “Chief of Petrograd's Defense”²⁸, Peters launched the first of several

22 RGASPI, f. 17, op. 2, d. 18, l. 26. On May 19, the Communist Central Committee transferred Joseph Stalin to Petrograd to try to help stabilize the situation. He remained there until July 9.

23 *Izvestiia Kronstadtskogo soveta*, May 23, p. 1. In response to a query from Zinoviev regarding where to put these evacuees, Lenin directed that “those considered completely reliable should be sent to the Don, those who are unreliable should be placed in concentration camps” (V. I. Lenin, *Neizvestnye dokumenty* [Moscow, 1999]), pp. 289-290).

24 Thus, on May 31, 1919 a page one *New York Times* headline informed readers that “Petrograd Reported Won; Bolsheviks Beaten on Petrograd Front”.

25 See, for example, TsGA SPb, f. 54, op. 1, d. 20, l. 245, 245 ob., 246, 250.

26 TsGAIPD, f. 1, op. 2, d. 27, l. 6; d. 29, l. 14-16.

27 RGASPI, f. 17, op. 16, d. 26, l. 115-116 s ob.

28 Although Zinoviev stayed on as official head of the Committee for Petrograd's Defense, from now on its day-to-day operations were directed by Peters.

citywide, surprise middle-of-the-night, mass raids on “bourgeois apartments”, foreign legations, and even government offices. Petersburg historical archives contain long lists of people arrested, and weapons and valuables seized, in these frightening nocturnal assaults. Thousands of armed Petrograd workers, most of them mobilized by trade unions and district troikas, participated in them.²⁹ Archival documents reveal widespread violations of detailed, precise printed instructions that were supposed to regulate these raids³⁰. For Peters, however, these violations paled in comparison with the benefits of the raids. He later boasted that they had trapped, disarmed, and terrorized hordes of counter-revolutionaries; netted large numbers of military deserters; and given the masses of workers who participated in them valuable, first-hand views of the gross injustices of their daily life³¹.

Krasnaia gorka

In the late spring and early summer of 1919, not only Petrograd but also the Kronstadt naval base and three strategically important forts on the gulf coast (Krasnaia gorka, Obruchev, and Seraia Loshad), were beehives of veteran officers (military specialists or spetsy), and of recalled soldiers and sailors from the imperial Russian army and navy, profoundly hostile to Bolshevism³². As Finnish, Estonian, and Northern Corps forces advanced toward Petrograd, the hopes of these embittered personnel for a quick end to Bolshevism rose dramatically and they intensified their scheming.

Among these plotters was one Nikolai Nekludov. Nekludov was a self-pronounced liberal and military specialist who was then commandant at Krasnaia gorka, not far from Kronstadt. The night of June 12/13 Nekludov, learning of disruptions among Kronstadt sailors

29 Peters later reported that he organized these raids through trade unions and district troikas because of the PCheka’s unresponsiveness to him (RGASPI, f. 17, op. 16, d. 26, l. 115).

30 These instructions contain detailed sections on categories of individuals to be arrested; types of weapons, kinds of valuables, and norms for foodstuffs subject to seizure; and precise penalties for violations of these instructions, including shooting for accepting bribes and/or plundering (TsGA SPb, f. 47, op. 1, d. 80, l. 105-106).

31 RGASPI, f. 17, op. 6, d. 26, l. 115–116; see, also, TsGA SPb, f. 54, op. 1, d. 15, l. 86.

32 On recalled sailors in fall, 1918, see Rabinowitch, *The Bolsheviks in Power*, pp. 349-355. On the counterrevolution in Kronstadt during spring 1919, see V. Vinogradov, A. Litvin, and V. Khristoforov (eds.), *Arkhiv VCheka* (Moscow, 2007), p. 126.

resisting transfer to the nearby front, concluded that the time to act was ripe. Assuming that elements of the Northern Corps were near enough to support him (mistakenly, as it turned out), and also erroneously taking for granted that his co-conspirators in Kronstadt were poised to rise, Nekludov led a successful counterrevolutionary takeover of Krasnaia gorka³³. However, while Estonian troops were indeed close—no more than 7-8 kilometers away—they were not in position to help. Moreover, for unexplained reasons Nekludov's comrades in the most important location of all, Kronstadt, remained passive³⁴. For the better part of three days, heavy artillery at Krasnaia gorka lobbed shell after shell towards Kronstadt, and big guns on Kronstadt's largest, most powerful ships answered by pounding away at Krasnaia gorka. The outcome—much of Krasnaia gorka was ruined—was inevitable. Virtually all the rebels, Nekludov among them, managed to flee what was left of the base before it was shelled into submission and re-occupied by Red ground forces on June 16. Mutineers at Obruchev and Seraia Loshad were not as fortunate. Fifty men from Obruchev and eight from Seraia Loshad were tried and shot for treachery during the insurrections³⁵. British naval ships operating in the Finnish gulf in support of the Whites arrived too late to help³⁶.

During the second half of June, 1919, not long after the recapture of Krasnaia gorka, the immediate threat of Petrograd's military occupation by White forces ended and a Red counteroffensive on the nearby front was begun³⁷. However General Iudenich, supported by the British, was far from beaten. Indeed, the threat of regular Finnish forces joining with him for a combined, more deadly assault on Petrograd loomed larger than ever. Moreover, at the beginning of July General Anton Denikin's White forces retook Tsaritsyn and began an advance on Moscow from the south. In Lenin's view, Denikin's forces now replaced those of Kolchak as a primary threat to

33 For Nekludov's recollection of these events see N. Nekludov, *Tragediia Krasnoi Gorki* in N. Rutich, *Belyi front generala Iudenicha: biografii chinov Severo-Zapadnoi armii* (Moscow, 2002), pp. 455-468.

34 Still, twenty-one naval personnel from Kronstadt were charged with also participating in the plot and shot (RGA VMF, f. 307, op. 1, d. 16, l. 25 ob.).

35 RGA VMF, f. 307, op. 1, d. 16, l. 24, 24 ob., 25.

36 On June 18, a British torpedo boat sank the heavy cruiser Oleg, one of the ships off Kronstadt that had pounded Krasnaia gorka (Augustus Agar, *Baltic Episode* (London, 1963), p. 87.

37 TsGA SPb, f. 485, op. 1, d. 21, l. 249.

the survival of the revolution. In a letter of early July to party organizations throughout the country titled “Everything for the Struggle Against Denikin,” Lenin pointed to the developing disaster in the south as “in all likelihood the most critical moment in the socialist revolution”³⁸. On July 4, largely due to this rapidly escalating military emergency, authorities in Petrograd imposed a strict ban on leaves for Petrograd factory workers.

Another Strike Wave

Less than a week later, another broadly based strike wave erupted on Petrograd’s rail lines and its industrial enterprises. As was the case with factory stoppages the previous March, the primary cause of labor unrest in July was catastrophic hunger—and the looming threat of mass starvation. At this point the Left SRs, who had helped lead the March strikes, were beaten. By and large, the July strikes were no longer aimed at overthrowing the Bolsheviks³⁹. For Petrograd authorities, however, this was small consolation because there was very little they could do to ease deepening hunger, and the desperation it bred, before the August harvest, still several weeks away. Moreover, in March, if not earlier, labor strikes were banned in the workers state⁴⁰; at the beginning of May, this prohibition had been reenforced by the proclamation of a state of siege.

The July strike wave began on July 7, just as citywide elections to the Petrograd Soviet concluded⁴¹. As was now customary, the Bolsheviks won these elections (July 1-8) in a landslide; however, an unexpectedly large number of unaffiliated deputies overcame prohibitive campaign barriers and won seats in the new soviet. This circumstance prompted the Executive Committee of the Petrograd Soviet to order a list of “counter-revolutionary factories”⁴². The strikes

38 Lenin, PSS, vol. 39, p. 44.

39 On the March 1919 strikes, see Aleksandr Rabinovich, “*Vyzhivanie bol'shevikov*”, pp. 184-191. For interesting insights into the goals of the July strikes, see V. Iu. Cherniaev, et al., eds., *Piterskie rabochie i “diktatura proletariata”* (Petersburg, 2000), p. 187-188.

40 *Severnaia kommuna*, Feb. 5, p. 2.

41 Although by this time, the Petrograd Soviet was no longer a decision-making body but a facade for decisions made in party and soviet executive organs, including the Committee for Petrograd’s Defense, Petrograd Bolsheviks used twice yearly soviet elections for the reaffirmation of popular support for their policies. This helps explain why these elections were still treated seriously.

42 TsGA SPb, f. 1000, op. 3, d. 58, l. 120 ob.

were touched off by hungry workers in shops and lines of the Nikolaevskii railway. The railroaders had received no bread at all on July 7, a sign of the times. Worse yet, the fresh ban on leaves prevented them from using access to railroads for food procurement as was permitted in the past. In this case, the government yielded quickly. On July 9, the railroaders demands were partially met and they returned to work⁴³. By then, however, the strikes had already spread. Among the first to join the railroaders were workers at the Putilov metal-working and machine building plant. Putilov, which had been at the center of the March strike wave, and was surely among “counterrevolutionary” enterprises in the July soviet elections, was once again an early trouble spot⁴⁴. All told, brief but destabilizing slowdowns or walkouts halted operations in close to 40 industrial enterprises and tram parks all across the city⁴⁵.

The Executive Committee of the Petrograd Soviet met in emergency session on July 8 to deal with the developing crisis⁴⁶. After hearing the Commissar for Food Supply, Aleksei Badaev, essentially conclude that everything possible was already being done to ease food shortages and that what was most needed now was patience until the harvest, the committee resolved to send another appeal to the Sovnarkom for emergency food aid and to further tighten controls over public dining halls. Plus, the committee authorized sending a military detachment from the Fortress of Peter and Paul to pacify the railway men, and also assigned armed sailors who had taken part in the recapture of Krasnaia gorka to restore order at the Putilov plant. On a more positive note, the committee reopened the question of worker leaves without, however, reaching a decision⁴⁷. (The leave policy

43 *Bulleteni otdela statistiki truda pri Petrogradskom otdeli truda i sovete proizvodstvennykh soiuzov*, No. 8, 15 noiabria, p.4. These demands included an increase in the bread ration, the lifting of a ban on leaves, and the right for themselves and their families to bring food in from the countryside by rail free of charge.

44 TsGA SPb, f. 1000, op. 3, d. 58, l. 120.

45 *Bulleteni otdela statistiki truda pri Petrogradskom otdeli truda i sovete proizvodstvennykh soiuzov*, No. 8, 15 Noiabria, pp. 3-5. Among factories involved in work stoppages of one kind or another were the Baltic, Nevskii, and Okhta shipbuilding plants; the Obukhov steel and armaments works; the Baranovskii, Nobel, Novyi Lessner, Putilov, Simens-Shukert, and Westinghouse machine-building plants; the Pipe factory; the Rechkina carriage-building factory; the Laferm tobacco company; the Thornton woolen company; the Nikol'skii weaving and the Kersten knitwear factories; and the Pal' and Vyborg spinning factories.

46 TsGA SPb, f. 1000, op. 3, d. 58, l. 120.

47 Ibid.

was subsequently liberalized.) Meanwhile, the Committee for Petrograd's Defense began preparing for the worst and also took steps to quell labor unrest. It's appeal to workers for patience, along with a plea from Zinoviev to grain producing regions for immediate emergency aid, appeared in the next issue of *Petrogradskaia pravda*⁴⁸.

The record of a meeting on July 14 of district revolutionary troika representatives with Naum Antselovich, a long-time trade union leader and Peters's chief deputy in the Committee for the Defense of Petrograd, provides valuable glimpses into the breadth of the July strike wave, and the committee's forceful approach to dealing with it⁴⁹. The meeting began with a report on the strikes by Antselovich. His prime concern seemed to be that communication between the districts and center with regard to the strikes had been non-existent. The center had not been informed of what was happening at the local level. The answer of the troika representative from the Second City District, the biggest district in the city, was straightforward. The communications lapse resulted from the fact that events happened so fast that troikas couldn't stay informed themselves, let alone inform central headquarters.

At this meeting, representatives of 10 district troikas presented status reports. Of these, only the representative of the outlying Porokhovskii district reported that "during these days, all was quiet". Virtually everywhere else, striking workers were demanding an increase in bread rations and a lifting of the ban on leaves so that they could seek food outside the city. Common to a few of the reports were complaints about "Menshevik nests", disloyal factory committees and, more often, on the need for force to restore order in a few troublesome factories. Still, only rarely did a reporter point to "political" rather than primarily economic motives in explaining labor unrest locally. Thus, the representative from the Vyborg district concluded that "all workers in idle factories favor Soviet power, but they appeal for bread (especially the women). The anti-Soviet agitation is minor. Only five arrests are required in our district"⁵⁰.

In closing remarks, Antselovich emphasized that although the relationship between district troikas and the newly established post of

48 *Petrogradskaia pravda*, July 11, 1919, p. 1.

49 Cherniaev, *Piterskie rabochie*, p. 186.

50 *Ibid*, p. 190. A report on strikes in Petrograd in 1919 prepared by the secret-operational department of the PCheka puts more emphasis on the political character of the July protests; it concludes that there were 103 arrests during their liquidation (AU FSB SPb i LO, f. 1, l. 18ob.).

Commandant of Petrograd (Peters)⁵¹, as well the competency of troikas, had not yet been officially defined, troikas didn't require any additional authorization. As far as he was concerned, they already had a blank check for the use of force. As he put it, "in general, troikas only need to carry out their work in such a way that it will not create the impression that everything in Petrograd is being done exclusively through Comrade Peters". "With respect to the right of troikas to carry out arrests and searches, orders for them are never rejected", he continued. "As regards the need to reelect factory committees", apparently a question raised by one of the reporters, "there will be no general decree about them because in some cases reelections could turn out badly for us"⁵². That same day district troikas were ordered to submit daily reports on the mood of workers in local factories "even if everything was quiet in the district"⁵³. The July strike wave ended on July 20.

Conclusion

In October 1917, Lenin had predicated the Bolsheviks' taking power on this being the spark for already simmering, decisive worldwide socialist revolutions. He also believed that this global revolution was an absolute prerequisite for the long-term survival of socialist revolution in Russia.

In Red Petrograd, expectations for decisive revolutions abroad were still strong in the spring and early summer of 1919. These hopes peaked in the late spring of 1919, following the temporary triumph of socialist revolutions in Hungary and Bavaria. Daily, broadly accurate, press reports about labor unrest throughout the world, and forecasts that each new big battle was the last one, fueled the exodus of party members and unaffiliated workers to the civil war fronts. They also fueled popular hopes that an end to revolutionary Russia's isolation and suffering was near. These hopes fluctuated. However, they were constantly and effectively rekindled by carefully designed propaganda and agitation focused on the approaching global triumph of socialist revolutions and an early end to popular suffering. This is certainly not to imply that state-sponsored violence and terror were not of increasing importance in maintaining order in mid-1919 Petrograd. It is simply to say that the survival of the revolution in Petrograd during the late spring and early

51 On the post of Petrograd Commandant, see below p. 6, note 14.

52 Cherniaev, *Piterskie rabochie*, p. 191.

53 TsGA SPb, f. 54, op. 1, d. 20, l. 81.

summer of 1919 cannot be understood without also taking account of the revolutionary ideals and expectations of the Bolshevik party leadership, and the popular hopes that they inspired.

The organizational scheme adopted by the Eighth All-Russian Communist Party Congress established the hegemony of the party in government policy-making and the vital, though subordinate *executive* role of popularly elected soviets. Thus, at least for the duration the Petrograd region's significant degree of autonomy, and the decentralization, modest democratization, and relatively flexible lines of political authority characteristic of 1917 Bolshevism, and of earliest Soviet rule in the Northwest, were eliminated. At the same time, the eighth congress took potentially significant steps to bridge the gulf that had developed between party members on assignment and their factory constituencies.

As we have seen, however, in Petrograd the Eighth Congress's organizational scheme was immediately subverted by profound military, economic, and political crises. These forced the mobilization of a significant percentage of already very scarce veteran Petrograd Bolsheviks upon whom the success of the congress's scheme largely depended. Subsequently, external military threats, and internal political and economic emergencies of one kind or another, some of which are described in this essay, wrecked the congress's scheme altogether. They prompted creation of the all-powerful Committee for Petrograd's Defense, as well as of similarly authoritative district troikas. In Petrograd, by mid-July, 1919, the Eighth Party Congress's organizational scheme had been replaced entirely by a party-dominated highly militarized hierarchy in which soviets did not play even the largely secondary role the congress had assigned to them. Equally important, these crises had prompted proclamation of a state of siege, and of a siege mentality, in which resort to violence and terror for survival became widely acceptable. Whether it would permanently define the revolution remained to be seen.

УДК 94(470) «1919»

Рабинович Александр

д-р истории, заслуженный профессор

Индианский университет (г. Блумингтон, США)

Перевод – **Крымская А. С.**

канд. пед. наук, доцент

Санкт-Петербургский государственный институт культуры

(г. Санкт-Петербург)

Борьба с кризисами в период Гражданской войны в Петрограде (май-июль 1919 г.)

Настоящая статья выросла из моего нынешнего проекта, предварительно названного «Выживание большевиков: правительство и кризисы в Петрограде в годы Гражданской войны». Основное внимание уделяется нескольким ключевым проблемам и их политическим последствиям в конце весны – начале лета 1919 г. Рассматриваемые вопросы включают политические цели и результаты Восьмого Всероссийского съезда Коммунистической партии, а также влияние на революционное правительство в Петрограде таких событий, как крушение военной мобилизации для службы на растущих фронтах Гражданской войны, страх оккупации в мае 1919 г., массовые кампании Якова Петерса против потенциальных контрреволюционеров, восстание на Красной горке и страшная нехватка продовольствия в течение этого периода. Статья основана на обширном изучении вопроса в архивах Петербурга и Москвы.

Ключевые слова: Петроград, большевики, Зиновьев, Восьмой съезд Коммунистической партии, Колчак, Гражданская война, Уильям К. Буллит, Троцкий, «На Урал», Комитет обороны Петрограда, революционные тройки, Юденич, Яков Петерс, Красная горка, июльские стачки.

This essay grows out of the author's current book project tentatively titled *The Bolsheviks Survive: Government and Crises in Civil War Petrograd*. It focuses on a few key problems and their political consequences in the late spring and early summer of 1919. Issues explored include the political aims and results of the Eighth All-Russian Communist Party Congress as well as the impact on revolutionary government in Petrograd of such events as crash military mobilizations for service on the expanding fronts of the civil war; the occupation scare of May 1919; Jacob Peters's mass campaigns against potential counter-revolutionaries; the rebellion at Krasnaia gorka; and terrible food shortages throughout this period. The essay is based on extensive research in Petersburg and Moscow historical archives.

Keywords: Petrograd, Bolsheviks, Zinoviev, Eighth Communist Party Congress, Kolchak, Civil War, William C. Bullitt, Trotsky, “Na Ural”, Committee for Petrograd’s Defense, revolutionary troikas, Yudenich, Jacob Peters, Krasnaia gorka, July strikes.

Основная цель моего нынешнего проекта – лучше понять, каким образом большевизм в Петрограде преодолевал бесконечные внутренние и внешние угрозы во время разрушительной Гражданской войны и влияние этой вероломной постоянной борьбы на самое раннее развитие авторитарной, высоко централизованной советской политической системы¹. В недавно опубликованной статье я предвидел некоторые из направлений этой работы, изложив свое понимание развития и политического влияния трех конкретных проблем, связанных с выживанием петроградских большевиков в 1919 г. Эти проблемы включали волну стачек под руководством левых эсеров в марте 1919 г., почти фатальный военный кризис середины октября 1919 г., и усилия петроградских большевиков построить эффективное правительство и партийную организацию в течение года [23]. Цель данной статьи в честь моего дорогого друга и глубоко почитаемого коллеги Владлена Семеновича Измозика – продолжить это предварительное исследование, сосредоточившись на несколько *иных* ключевых проблемах и их политических последствиях. Все эти проблемы относятся *именно* к концу весны – началу лета этого бесконечно ужасающего 1919 г.

Реструктуризация ради тотальной войны

К началу мая 1919 г., в разгар Гражданской войны, в Петрограде в самом ходу шла реструктуризация советского правительства. В апреле партия левых эсеров была успешно подавлена как значительный соперник большевиков. Еще раньше, в феврале 1919 г., Северная Коммуна, возглавляемая собственным Совкомом, была ликвидирована как полунезависимое региональное правительство. Отныне государственная политика в Петрограде и в окружающем регионе должна была стать прерогативой Совнаркома в Москве. Чуть менее чем через месяц Восьмой

¹ Предварительное название этой книги «Выживание большевиков: правительство и кризисы в Петрограде в годы Гражданской войны» («The Bolsheviks Survive: Government and Crises in Civil War Petrograd»).

Всероссийский съезд Коммунистической партии (18–23 марта) принял руководящий принцип, согласно которому партия большевиков будет строго контролировать в советском правительстве все стороны политики (включая все важные кадровые вопросы). Отныне разработка политики не только в Совнаркоме, но и в советах, как в целом, так и в профсоюзах и, фактически, во всех политических, экономических и военных ведомствах *сверху донизу* должна была определяться организованными партийными фракциями, управляемыми сверху. В мандате Восьмого партийного съезда среди дополнительных особо выделялись пункты: (1) партия должна была очистить себя и значительно увеличить количество своих членов, и (2) она должна была восстановить связи между членами партии, занятыми полный рабочий день партийной работой или работой в советах, со своими заводами. Это повторное восстановление прерванных связей должно было быть достигнуто путем временного возвращения большевиков, находящихся в правительстве или партийных учреждениях, на их исконные фабрики. 29 марта 1919 г., вскоре после своего возвращения с партийного съезда в Москве, Григорий Зиновьев, тогда уже бесспорный глава Петрограда (вождь), изложил большинство этих принципов многочисленному собранию большевистских должностных лиц и рядовых членов партии [6, с. 185–198]².

Восьмой Всероссийский съезд Коммунистической партии проходил в один из самых тревожных моментов для большевиков в долгой и страшной Гражданской войне. Именно тогда Белые силы адмирала Александра Колчака заняли большую часть Западной Сибири и Урала и быстро продвигались в Центральную Россию. За несколько дней до начала съезда влиятельный нарком по военным делам Лев Троцкий был вынужден броситься на терпящий кризис Восточный фронт³. Действительно, накануне съезда перспективы Советской России на само выживание казались настолько сомнительными для Ленина, что он по существу принял унизительные условия перемирия, выдвинутые американским дипломатом Уильямом Буллитом. В то время Ленин характеризовал эти уступки как второй «Брест» [12, с. 41–48; 52, р. 165; 50,

2 «Партия должна направлять советы, но не заменять их... Мы должны закрепить влияние, чтобы мы могли без военной силы удержать власть. Мы должны иметь в Петрограде не 8000 тысяч, а 50000 тысяч (членов партии. — *А.Р.*)».

3 В результате Троцкий не смог лично представить свою жизненно важную, но очень спорную программу перестройки традиционно структурированной Красной Армии, в которой «спецы» будут играть ведущие военные роли. Я обсуждаю возникающие трудности в следующей работе: [22].

р. 47–50]. Для него это был необходимый шаг назад в ожидании неизбежных решительных революционных взрывов за рубежом, которых он все еще уверенно ожидал. Рассматриваемый в то время проект предложения, который был предварительно одобрен Центральным Комитетом, но, в конечном счете, проигнорирован западными союзниками, оставил бы огромные части России в руках белых в обмен на отмену экономической блокады союзников и прекращение Гражданской войны и иностранных военных вмешательств [6, с. 156–157, 179, примеч. 1]⁴.

После Восьмого Всероссийского съезда Коммунистической партии петроградские большевистские лидеры старались как можно лучше привести в порядок партийные и советские структуры в соответствии с организационными директивами Съезда, включая преодоление осознанной пропасти между рабочими-большевиками в правительстве или партийной работе и их рабочими избирателями⁵. Это было достаточно сложно. Но петроградские большевики должны были попытаться добиться этого, уделяя первоочередное внимание более неотложным чрезвычайным задачам, таким как получение из кардинально истощенных запасов достаточного количества хлеба для выживания и изгнание иностранных шпионов и подпольных контрреволюционных групп, которые подпитывались успехом Колчака. Кроме того, петроградские большевики должны были как-то попытаться сделать все это с помощью неукомплектованной партийной организации, состоящей в основном из неподготовленных новичков. Высокий процент ветеранов партии уже либо был отправлен на фронт, либо именно тогда отправлялся на Волгу или на Урал [29, л. 33, 40–41]⁶.

4 В соответствии с предлагаемым соглашением о перемирии Советская Россия, по крайней мере, на некоторое время, должна отказаться от претензий на весь Урал, Сибирь, Кавказ, территорию вокруг Архангельска и Мурманска, Финляндии, Прибалтику, а также часть Белоруссии и Украины [51, р. 32-54].

5 1 апреля собрание организаторов при ПК большевиков начало процесс переброски большевиков, находившихся уже в советах и партийных органах длительное время обратно на фабрики [25, л. 144]. См. также: [9]. Очистка партии через перерегистрацию и расширения ее путем массового набора было гораздо более сложным процессом. Этот процесс не был начат до июля.

6 Наградой в этих мобилизациях были сотрудники комиссариатов и советских учреждений. Более того, поскольку практически все фабричные рабочие принадлежали к профсоюзам, а лишь крошечная фракция была большевистской партией, Петроградский профсоюзный совет полагался на собственную интенсивную мобилизацию. В то время это явное нарушение авторитетного заявления Восьмого съезда о контролирующей роли партии в существенных вопросах имело долгосрочные последствия. О решающей роли профсоюзов в мобилизации см.: [35, с. 127-128].

На Урал!

«На Урал!» – так называлась листовка Троцкого, весьма широко распространявшаяся. В апреле 1919 года этот заголовок стал лозунгом Петрограда. В этом резонирующем, тщательно сфокусированном обращении Троцкий соединил конец распространенного голода с разгромом Колчака. «На Волге и в уральских городах у нас лежат миллионы пудов хлеба. Этого хлеба вполне хватило бы, чтобы мы были сыты... Смерть Колчаку, желающему нас заморить голодом» [14, с. 251]. В письме «Петроградским рабочим» от 10 апреля Ленин указывал на абсолютную необходимость «мобилизовать все силы на помощь Восточному фронту» – туда, где «решается судьба революции». «Победив там [на востоке. – А.Р.], – заключал он, – мы кончаем войну, ибо из-за границы помощи белым больше не будет» [12, с. 268].

17 апреля, в первый день официальной массовой мобилизации для борьбы с Колчаком, заголовок главной страницы «Петроградской правды» повторил: «Сегодня – первый день мобилизации! ... Война против Колчака – это последняя война! Раздавлив его, мы победим империализм!» В конце апреля власти города провозгласили военное положение (вскоре перешедшее в осаду). Главная цель этого радикального шага была в меньшей степени связана с критическим положением Колчака, чем с внутренним порядком. Основная цель декларации заключалась в том, чтобы облегчить более строгие меры контроля *внутри* Петрограда [44, л. 36–43; 18]. Даже продолжающиеся белофинские вторжения в Восточную Карелию не изменили приоритет, который Петроград отдавал, жертвуя *всем возможным*, ожесточенным боям, которые велись на дальнем Восточном фронте. Заголовок «Петроградской правды» в майский день 1919 года был типичным: «Да здравствует красное 1 мая! Все на улицу! ... Пусть наш праздник будет смотром наших сил против Колчака!».

Проблемы на Северо-Западе

Приоритет, отдаваемый самой большой и быстрой переброске скудного персонала из Петрограда на военную службу в других местах, прежде всего на восток, изменился за одну ночь. В течение нескольких недель Москва и Петроград терпели вторжения нерегулярных финских

вооруженных отрядов в Восточную Карелию. Резкое изменение приоритетов на последней неделе в апреле было вызвано значительным ростом финского продвижения в Восточной Карелии, наращиванием финских войск в других местах на границе и, самое главное, опасением, что эти силы собираются присоединиться к Белым русским соединениям для объединенного нападения на Петроград⁷. 2 мая Москва объявила город Петроград, Петроградскую, Олонецкую и Череповецкую губернии на осадном положении [10]. В тот же день Исполнительный комитет Петроградского Совета сформировал всесильный Комитет обороны Петрограда во главе с Зиновьевым [43, л. 80–80 об.]⁸. 5 мая были также утверждены влиятельные, наемные районные революционные тройки. Эти тройки, утвержденные партией и подчиненные Комитету обороны Петрограда, вскоре заменили партийные райкомы и советские исполнительные комитеты на местном уровне [42, л. 173 об.; 8, с. 311–312].

Во время этой паники в связи с угрожающей оккупацией, которая снова проявилась в конце мая и в начале июня, высшее командование Красной Армии приказало начать подготовку к эвакуации из Петрограда некоторых важных в военном отношении промышленных предприятий, а многие другие привести в неработоспособность [31, л. 15–16; 40; 38, л. 22, 29–30А]. Одновременно мосты и железные дороги вдоль вероятного курса противника были подготовлены для уничтожения. Каждый день тревожные специальные приказы Комитета обороны Петрограда заполняли первую страницу «Северной коммуны». Все эти меры наводили панику среди рабочих. Пребывая под постоянным давлением большевистской агитации и советской печати об ужасах Белого террора, они, естественно, полагали, что станут первыми жертвами вражеской оккупации. Видный петроградский большевик Григорий

7 29 апреля Петербургский комитет большевиков согласился направить одну тысячу членов партии на Карельский фронт и одну тысячу – на Олонецкий фронт [48, л. 4-5]. Запоздалая озабоченность Москвы, по-видимому, была вызвана информацией о дискуссиях на Российской (Эмигрантской) политической конференции в Париже в ночь с 1 на 2 мая [7, с. 66–67; 16; 32, с. 39–48].

8 Хотя Комитет обороны Петрограда номинально был ответственен перед Исполнительным комитетом Петроградского Совета, на практике он сохранял независимость. Среди обязанностей Комитета обороны были координация мобилизации и эвакуации; планирование и подготовка обороны; борьба с контрреволюцией и поддержание порядка. После июля этими действиями руководил комендант вновь созданного Петроградского укрепленного района Якоб Петерс. Его власть распространялась на Петроград и его окрестности радиусом до 15 верст [41, л. 293, 341].

Евдокимов не помог делу сенсационным заявлением, сделанным на расширенном экстренном заседании Петроградского Совета и представителей профсоюзов 3 мая, которое было опубликовано в газетах на следующий день: «От имени Петербургского Совета и питерских рабочих я заявляю: Если нам суждено уйти из этого мира, то каждый из нас захватит с собой десяток-другой контрреволюционеров» [34; 17].

5 мая Комитет обороны Петрограда приговорил к принудительному труду всех восточно-карельских мужчин в возрасте от 18 до 40 лет, не занятых в оборонительной работе [32, с. 43]. Архивные дела за этот период содержат доказательства облав большевистских властей на значительное число прежде видных граждан Петрограда для использования в качестве заложников⁹. Среди тех, кто был задержан в это время, были также семьи дезертиров [5; 45, л. 42–43]¹⁰. Более того, велась подготовка к задержанию многих других граждан, считавшихся опасными, и сотен, если не тысяч, финнов, проживавших в Петрограде¹¹.

Как оказалось, эти атаки из Финляндии были наименьшими из двух значительных военных угроз для Петрограда в этот период. В начале мая Белое движение в Эстонии также восприняло успешное продвижение Колчака в центральную Россию как верный признак того, что падение большевизма близко. 13 мая подразделения Северного корпуса генерала Николая Юденича (будущей Белой Северо-Западной армии) начали наступление на Петроград с баз под Нарвой в новой независимой Эстонии. Одновременно эстонские десантные силы, поддержанные англичанами, высадились в Лужской губе и начали одновременное активное наступление на Петроград. В течение нескольких дней силы Красной Армии находились в отчаянном, дезорганизованном отступлении. К тому времени, однако, продвижение Колчака замедлилось, и Москва смогла отдать главный приоритет усилению Петрограда [26,

9 См., напр.: [38, л. 252, 253, 254–254 об.].

10 Требования Дзержинского расстреливать также семьи дезертиров было отклонено Центральным комитетом 11 июня [27, л. 3].

11 9 мая 1919 года Исполнительный комитет Петроградского совета принял решение о начале тюремного заключения «белых охранников» в концентрационных лагерях в массовом порядке [39, л. 15]. В связи с этим дело Первого городского районного совета за 1919 год кажется подходящим. В нем содержатся длинные списки недатированных адресов официальных лиц времен царского и Временного правительства, общественных деятелей и финских граждан, проживающих в округе [38, 252–254 с об.].

л. 26]¹². Тем не менее, в течение некоторого времени положение красных на Северо-Западе было мрачным. Силы Юденича, поддерживаемые существенным количеством красных дезертиров, продвигались с поразительной скоростью. В конце мая они подошли к Гатчине, находящейся всего в 45 километрах от Петрограда. Чуть позже, вдоль побережья южного залива, эстонские отряды приблизились к Красной горке. Кронштадт казался обреченным; гражданскому персоналу и семьям теперь было приказано эвакуироваться с базы [4]¹³. Западные СМИ сообщили, что Красный Петроград, вероятно, уже пал¹⁴. Не только иностранные наблюдатели считали, что конец близок. Большевистские лидеры приготовились к бегству из «колыбели революции»¹⁵.

Яков Петерс

В течение большей части этого времени большевистские власти были обеспокоены как внутренней безопасностью Петрограда, так и его внешней военной обороной (отсюда объявление военного положения в конце апреля). В фокусе первоочередного беспокойства были, естественно, враждебные бывшие элиты, некоторые из которых выполняли функции спецов в Красной Армии и военно-морских силах в Петроградской губернии. Также тревожным было нарастание волнений среди тысяч крестьян-новобранцев Красной Армии, набитых в убогие, переполненные казармы гарнизона, и продолжающееся беспокойство среди полуголодных рабочих [46, л. 6; 47, л. 14–16]. 8 июня Яков Петерс, заместитель Дзержинского в ВЧК, был переведен из Москвы в Петроград, чтобы навести там порядок (как он позже сказал, «по очистке города от контрреволюционных банд» [30, л. 115–116 с об.]). 11 июня

12 19 мая Коммунистический центральный комитет направил И. Сталина в Петроград, чтобы попытаться помочь стабилизировать ситуацию. Он оставался там до 9 июля.

13 В ответ на запрос Зиновьева о том, куда поместить этих эвакуированных, Ленин направил «совершенно благонадежных отправляйте на Дон, неблагонадежных в концентрационные лагеря» [11, с. 289–290].

14 Так, 31 мая 1919 г. заголовок первой страницы «New York Times» сообщал читателям, что «Петроград сообщил о победе; Большевики побеждены на Петроградском фронте».

15 См., напр.: [38, л. 245, 245 об., 246, 250].

как вновь назначенный «начальник обороны Петрограда»¹⁶, Петерс начал первый из нескольких городских, внезапных посреди ночи массовых рейдов на «буржуазные квартиры», иностранные дипломатические миссии и даже государственные учреждения. Петербургские исторические архивы содержат длинные списки арестованных людей и конфискованного в этих пугающих ночных рейдах оружия и ценностей. В них участвовали тысячи вооруженных петроградских рабочих, большинство из которых были мобилизованы профсоюзами и районными тройками¹⁷. Архивные документы раскрывают широко распространенные нарушения детальных, тщательных печатных инструкций, которые должны были регулировать эти рейды¹⁸. Однако для Петерса эти нарушения блекли по сравнению с преимуществами рейдов.

Позже он хвалился тем, что они поймали в ловушку, разоружили и подвергли террору большое число подозреваемых контрреволюционеров, поймали большое количество военных дезертиров и дали рабочим массам, которые участвовали в них, ценные, непосредственные представления о грубой несправедливости в их повседневной жизни [28, л. 115–116]¹⁹.

Красная горка

В конце весны – начале лета 1919 года не только Петроград, но и Кронштадтская военно-морская база и три стратегически важных форта на побережье залива (Красная горка, Обручев и Серая Лошадь) были ульями ветеранов-офицеров (военных специалистов или спецов) и солдат и матросов, отозванных из имперской русской армии и флота, глубоко враждебных большевизму²⁰. По мере того, как силы Финляндии, Эстонии и Северного корпу-

16 Несмотря на то, что Зиновьев оставался официальным руководителем Комитета обороны Петрограда, с этого момента ежедневными операциями руководил Петерс.

17 Позже Петерс сообщал, что он организовал эти рейды через профсоюзы и районные тройки, поскольку ПЧК не воспринимал его [30, л. 115].

18 Эти инструкции содержат детальные параграфы о категориях арестованных лиц, видах оружия, видах ценных вещей и нормах пищевых продуктов, подлежащих конфискации, точных штрафах за нарушения этих инструкций, включая расстрел за взяточничество и / или грабеж [36, л. 105–106].

19 См. также: [37, л. 86].

20 Об отозванных матросах осенью 1918 г. см.: [21, с. 509–517]. О контрреволюции в Кронштадте весной 1919 года см.: [1, с. 126].

са продвигались в сторону Петрограда, надежды этих озлобленных кадров на скорый конец большевизму резко возросли, и они усилили свои интриги.

Среди этих заговорщиков был некий Николай Неклюдов. Он был самозванным либералом и военным специалистом, который тогда был комендантом Красной горки, недалеко от Кронштадта. В ночь на 13 июня Неклюдов, узнав о расколе среди моряков Кронштадта, которые сопротивлялись переходу на соседний фронт, пришел к выводу, что время действовать созрело. Предполагая, что элементы Северного корпуса были достаточно близки, чтобы поддержать его (ошибочно, как выяснилось), а также ошибочно считая само собой разумеющимся, что его сообщники в Кронштадте готовы подняться, Неклюдов провел успешный контрреволюционный захват Красной горки²¹. Однако, хотя эстонские войска были действительно близки — не более чем в 7-8 километрах — они не были в том положении, чтобы помочь. Более того, по необъяснимым причинам товарищи Неклюдова оставались пассивными в самом важном из всех месте — Кронштадте²². Почти в течение трех дней тяжелая артиллерия на Красной горке выпускала снаряд за снарядом в сторону Кронштадта, а большие пушки с крупнейших, самых мощных кораблей Кронштадта отвечали ударами по Красной горке. Результат был неизбежным — большая часть Красной горки была разрушена. Практически все мятежники, включая Неклюдова, сумели бежать с базы до того, как 16 июня она была приведена в результате боев в подчинение и повторно занята красными сухопутными войсками. Мятежники в Обручеве и Серой Лошади были не так удачны. Пятьдесят человек из Обручева и восемь из Серой Лошади были допрошены и расстреляны за предательство во время мятежей [24, л. 24, 24 об., 25]. Британские военно-морские корабли, приведенные в движение в Финском заливе с целью поддержки белых, прибыли слишком поздно, чтобы помочь²³.

Во второй половине июня 1919 года, вскоре после возвращения Красной горки, непосредственная угроза военной оккупации Петрограда белыми войсками исчезла, и началось контрнаступление красных на близлежащем фронте [41, л. 249]. Однако генерал Юденич, поддерживаемый британцами, был далек от поражения. Действительно, угрозы регулярных финских войск, соединяющиеся с ним для совместного, более смертоносного на-

21 Воспоминания Неклюдова об этих событиях см.: [15, с. 455–468].

22 Тем не менее, двадцать человек из военно-морского состава в Кронштадте был обвинен в участии в заговоре и расстрелян [24, 25об.].

23 18 июня британский торпедный катер затопил тяжелый крейсер «Олег», один из кораблей у Кронштадта, который подавил восстание на форту «Красная горка» [49, р. 87].

падения на Петроград, принимали большие, чем когда-либо, угрожающие размеры. Более того, в начале июля Белые войска Антона Деникина опять оккупировали Царицыно и начали продвижение на Москву с юга. По мнению Ленина, главной угрозой выживанию революции вместо сил Колчака теперь стали силы Деникина. В письме, адресованном партийным организациям по всей стране, под названием «Все на борьбу с Деникиным!» в начале июля Ленин указывал на развертывающуюся катастрофу на юге как на «по всей вероятности, самый критический момент социалистической революции» [13, с. 44]. 4 июля, в основном из-за этой быстро нарастающей военной чрезвычайной ситуации, власти в Петрограде наложили строгий запрет на отпуск для рабочих Петроградского завода.

Еще одна волна стачек

Менее чем через неделю еще одна широкомасштабная волна стачек вспыхнула на железной дороге и на промышленных предприятиях Петрограда. Как и в случае с заводскими забастовками в марте, основной причиной трудовых беспорядков в июле стал катастрофический голод и угрожающая угроза массовой голодной смерти. На этом этапе левые эсеры, которые помогли возглавить мартовские забастовки, были побеждены. По большому счету, июльские забастовки больше не были направлены на свержение большевиков²⁴. Однако для петроградских властей это было небольшим утешением, потому что они могли сделать немного, чтобы облегчить усиливающийся голод и отчаяние, которое он породил, до урожая в августе, до которого было еще несколько недель. Более того, в марте, если не раньше, рабочие забастовки были запрещены в рабочем государстве [25]; в начале мая этот запрет был усилен провозглашением осады.

Июльская волна стачек началась 7 июля, тогда же, когда закончились всеобщие выборы в Петроградский Совет²⁵. По сложившемуся обычаю

24 О стачках в марте 1919 года см.: [23]. Для понимания целей июльских стачек см.: [20, с. 187–188].

25 Хотя к этому времени Петроградский Совет больше не был органом, принимающим решения, кроме как создавал видимость принятия решений в партийных и советских исполнительных органах, в том числе Комитета обороны Петрограда, петроградские большевики дважды использовали советские выборы, проводимые дважды в год, для подтверждения поддержки населением их политики. Это помогает объяснить, почему к этим выборам по-прежнему относились серьезно.

большевики выиграли эти выборы (1–8 июля), одержав внушительную победу; однако неожиданно чрезмерно высокие препятствия кампании преодолело большое количество беспартийных депутатов, которые заняли места в новом Совете. Это обстоятельство побудило Исполнительный комитет Петроградского Совета составить список «контрреволюционных заводов» [43, л. 120 об.]. Стачки инициировались голодными рабочими в мастерских и линиях Николаевской железной дороги. 7 июля железнодорожники не получили вообще никакого хлеба – признак того времени. Что еще хуже, новый запрет на отпуск не позволил им использовать железную дорогу для закупок продовольствия, как это было разрешено в прошлом. В этом случае правительство быстро сдалось. 9 июля требования железнодорожников были частично удовлетворены, и они вернулись на работу [3, с. 4]²⁶. К тому времени, однако, забастовки уже распространились. Среди первых, кто присоединился к железнодорожникам, были рабочие Путиловского завода по металлообработке и машиностроению. Путиловский завод, который находился в центре мартовской волны стачек, и, несомненно, входил в число «контрреволюционных» предприятий на июльских выборах в советы, снова стал проблемным местом [43, л. 120]. В общей сложности, кратковременное, но дестабилизирующее снижение темпа работы или уходы с работы, приостановило работу почти 40 промышленных предприятий и трамвайных парков по всему городу [3, с. 3–5]²⁷.

8 июля Исполнительный комитет Петроградского Совета собрался на чрезвычайное заседание, посвященное развивающему кризису [43, л. 120]. Выслушав комиссара по продовольствию Алексея Бадаева, по существу заключив, что все возможное уже сделано для того, чтобы облегчить нехватку продовольствия и что теперь больше всего нужно терпение до уборки урожая, комитет решил отправить еще одно обращение в Совнарком за экстренной продовольственной помощью и более строгим контролем над общественными столовыми. Кроме того, ко-

26 Эти требования включали увеличение хлебного пайка, отмену запрета на отпуск и право для себя и своих семей привозить продукты из сельской местности по железной дороге бесплатно.

27 Среди заводов, занятых в тех или иных работах, были Балтийский, Невский и Охтинский судостроительные заводы; Обуховский сталелитейный завод, машиностроительные заводы Барановского, Нобеля, Новый Лесснер, Путилова, Сименса-Шукерта и Вестингауза, Трубный завод, Вагоностроительный завод Речкина, Табачная фабрика «Лаферм», фабрика шерстяных изделий Д. Торнтон, Никольский ткацкий цех и трикотажная фабрика Керстена, прядильно-ткацкая и ситценабивная фабрики «Паль К.Я.», Выборгская бумагопрядильная фабрика.

митет санкционировал отправку военного отряда из Петропавловской крепости для усмирения железнодорожников, а также поручил вооруженным матросам, принимавшим участие в возврате Красной горки, восстановить порядок на Путиловском заводе. На более позитивной ноте комитет вновь открыл вопрос об отпуске рабочих, однако, не приняв решения [43, л. 120]. (Политика отпуска была впоследствии либерализована). Между тем, Комитет обороны Петрограда начал готовиться к худшему, а также принял меры по подавлению беспокойства среди рабочих. Его призыв к рабочим о терпении, а также призыв Зиновьева к зернопроизводящим губерниям по оказанию срочной помощи, появились в следующем номере «Петроградской правды» [19].

Протокол встречи представителей районных революционных троек с Наумом Анцеловичем, давним профсоюзным лидером и главным заместителем Петерса в Комитете обороны Петрограда, от 14 июля дает некоторые ценные представления о широком размахе июльской волны стачек и решительном подходе комитета к решению этой проблемы [20, с. 186]. Встреча началась с доклада Анцеловича о забастовках. Его главная обеспокоенность, казалось, состояла в том, что в отношении стачек отсутствовали связи между районами и центром. Центр не информировался о том, что происходило на местном уровне. Ответ представителя тройки из Второго городского района, самого большого в городе, был прост. Отказ от связи был вызван тем фактом, что события происходили так быстро, что тройки не могли информировать себя сами, не говоря уже об информировании центрального штаба.

На этом заседании представители 10 районных троек представили доклады о положении своих дел. Из них только представитель отдаленного Пороховского района сообщил, что «в эти дни все было тихо». Практически во всех других районах бастующие рабочие требовали увеличения хлебных пайков и отмены запрета на отпуск, чтобы они могли искать продовольствие за городом. Общим для нескольких из докладов были жалобы на «меньшевистские гнезда», нелояльные заводские комитеты и, чаще всего, на необходимость применения силы для восстановления порядка на нескольких беспорядочных фабриках. Тем не менее, лишь изредка докладчик указывал на «политические», а не главным образом экономические, мотивы в объяснении беспорядков рабочих на местном уровне. Так, представитель Выборгского района пришел к выводу, что «общее настроение на неработающих заводах – все стоят за Советскую власть, но просят хлеба (особенно женщины). Наблюдались незначительные

случаи антисоветской агитации. Всего в районе следует произвести пять арестов» [20, с. 190]²⁸.

В заключительных замечаниях Анцелович подчеркнул, что хотя отношения между районными тройками и вновь созданной должностью коменданта Петрограда (Петерс)²⁹, а также компетенция троек еще не были определены на официальном уровне, тройкам не требовалось дополнительного разрешения. Что касается его, то у них уже был карт-бланш на применение силы. По его словам, «вообще Тройки должны вести работу таким образом, чтобы не создавалось впечатление, что все в Петрограде делается исключительно через т. Петерса». «Что касается права Троек на аресты и обыски, то в выдаче ордеров никогда отказа не бывает», — продолжил он. «Что касается случаев необходимости перевыборов фабричных Комитетов, — по-видимому, вопрос, поднятый одним из докладчиков, — то общего постановления о перевыборах издавать не следует, ввиду того, что эти перевыборы в некоторых случаях могут отозваться вредно для нас самих» [20, с. 191]. В тот же день районным тройкам было приказано ежедневно предоставлять «сводные сведения о всех событиях на заводах за текущий день... даже если в районе все спокойно» [38, л. 81]. Июльская забастовка закончилась 20 июля.

Заключение

В октябре 1917 года Ленин утверждал, что взятие власти большевиками станет искрой для уже кипящей, имеющей решающее значение мировой социалистической революции. Он также считал, что эта глобальная революция является абсолютной предпосылкой для долгосрочного выживания социалистической революции в России. В Красном Петрограде весной — начале лета 1919 года были все еще сильны ожидания решающих революций за рубежом. В конце весны 1919 года после временного триумфа социалистических революций в Англии и Баварии эти надежды достигли пика. Ежедневные, в широком смысле меткие репортажи прессы о беспорядках рабочих во всем мире и прогнозы, что каждое новое крупное сражение было последним, подтолкнуло массовый отъезд членов партии и беспартийных рабочих на фронты Гражданской войны. Они также подпитывали народные надеж-

28 Доклад о стачках в Петрограде в 1919 г., подготовленный секретно-оперативным отделом Петроградского ЧК, уделяет больше внимания политическому характеру июльских протестов; в нем отмечается, что во время их ликвидации было произведено 103 ареста [2, л. 18 об.].

29 О должности коменданта Петрограда см.: [43, л. 80–80 об.].

ды на то, что конец изоляции и страданий революционной России близок. Эти надежды менялись. Тем не менее, они постоянно и эффективно возрождались тщательно продуманной пропагандой и агитацией, ориентированной на приближающийся глобальный триумф социалистических революций и скорое окончание народных страданий. Это, конечно, не означает, что насилие и террор, организованные государством, не имели возрастающего значения для поддержания порядка в Петрограде в середине 1919 года. Это просто означает, что выживание революции в Петрограде в конце весны – начале лета 1919 года невозможно понять без учета революционных идеалов и ожиданий большевистского партийного руководства и народных надежд, которые они вселили.

Организационная программа, принятая на Восьмом Всероссийском съезде коммунистической партии, установила гегемонию партии в государственной политике и существенную, хотя и подчиненную *исполнительную* роль всенародно избранных Советов. Таким образом, по крайней мере, на время была ликвидирована значительная степень автономии Петроградской области, децентрализация, умеренная демократизация и относительно гибкие роли политической власти, характерные для большевизма 1917 года и самого раннего периода советской власти на Северо-Западе. В то же время Восьмой съезд партии предпринял потенциально важные шаги для преодоления пропасти между назначенными членами партии и их избирателями на фабриках и заводах.

Однако, как мы видели, в Петрограде организационная программа Восьмого съезда сразу же была разрушена глубокими военными, экономическими и политическими кризисами. Это заставило мобилизоваться значительную часть петроградских большевиков-ветеранов, оставшихся в малом количестве, от которых в большей степени зависела успешность программы съезда. Впоследствии внешние военные угрозы и внутренние политические и экономические кризисы того или иного рода, некоторые из которых описаны в этой статье, полностью разрушили программу съезда. Они спровоцировали создание всесильного Комитета обороны Петрограда, а также аналогичных ему авторитетных ревтроек. В Петрограде к середине июля 1919 года организационная программа Восьмого съезда партии была полностью заменена чрезвычайно военизированной иерархией партийной власти, в которой советы не играли даже в основном второстепенной роли, которую им отводил съезд. В равной степени важно, что эти кризисы спровоцировали провозглашение осадного положения и менталитет осады, в которых применение насилия и террора ради выживания оказались широко приемлемыми. Навсегда ли это определит революцию, предстоит увидеть.

Список источников и литературы:

1. Архив ВЧК: сб. док. / отв. ред. В. Виноградов, А. Литвин, В. Христофоров. М.: Кучково поле, 2007. 719 с.
2. Архивное управление ФСБ СПб и ЛО. Ф. 1.
3. Бюллетени отдела статистика труда при Петроградском отделе труда и совете производственных союзов. 1919. № 8, 15 ноября.
4. Известия Кронштадтского совета. 1919. 23 мая. С. 1.
5. Известия Петроградского совета. 1919. 2 июня. С. 1.
6. Известия ЦК КПСС. 1989. № 8.
7. Карелия в период гражданской войны и иностранной интервенции, 1918–1920: сб. док. и материалов. Петрозаводск: Карел. кн. изд-во, 1964. 648 с.
8. Корнатовский Н.А. Борьба за красный Петроград (1919). Л.: Красная газета, 1929 (тип. им. Володарского). 540 с.
9. Красная газета. 1919. 3 апреля. С. 1.
10. Красная газета. 1919. 3 мая. С. 2.
11. Ленин В.И. Неизвестные документы, 1891–1922. М.: РОССПЭН, 1999. 671 с.
12. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 38. М., 1981. 579 с.
13. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 39. М., 1981. 623 с.
14. Листовки петроградских большевиков, 1917-1920. Т. 3. Л.: Лениздат, 1957. 471 с.
15. Неклюдов Н. Трагедия Красной горки // Белый фронт генерала Юденича: биографии чинов Северо-Западной армии / под ред. Н. Рутыча. М., 2002. С. 455–468.
16. Петроградская правда. 1919. 3 мая.
17. Петроградская правда. 1919. 4 мая. С. 2.
18. Петроградская правда. 1919. 18 мая. С. 2.
19. Петроградская правда. 1919. 11 июля. С. 1.
20. Питерские рабочие и «диктатура пролетариата». Октябрь 1917–1929: Экон. конфликты и полит. протест : Сб. док. / под ред. В.Ю. Черняева и др. СПб.: Рус.-Балт. информ. центр БЛИЦ, 2000. 461 с.
21. Рабинович А. Большевики у власти: первый год советской эпохи в Петрограде. М.: АИРО-XX: Новый хронограф, 2007. 622 с.
22. Рабинович А. Восьмой съезд Коммунистической партии, перестройка для выживания // Революция 1917 года в России: события и концепции, последствия памяти / под ред. Б.И. Колоницкого и Д. Орловски. СПб., 2017. С. 267–280.
23. Рабинович А. Выживание большевиков: правительство и кризисы в Петрограде в годы Гражданской войны (Некоторые предварительные выводы) // Эпоха войны и революции / под ред. Т.А. Абросимовой и др. СПб., 2017. С. 185–206.

24. Российский государственный архив военно-морского флота (далее – РГА ВМФ). Ф. 307. Оп. 1. Д. 16.
25. Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 1. Д. 230.
26. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 18.
27. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 20.
28. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 6. Д. 26.
29. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 6. Д. 230.
30. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 16. Д. 26.
31. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 109. Д. 41.
32. Рупасов А.И., Чистиков А.Н. Советско-финляндская граница, 1918–1938. СПб.: Европейский Дом, 2000. 164 с.
33. Северная коммуна. 1919. 5 февр. С. 2.
34. Северная коммуна. 1919. 4 мая. С. 2.
35. Формирование советской политической системы, 1917–1923. М.: Наука, 1995. 229 с.
36. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (далее – ЦГА СПб). Ф. 47. Оп. 1. Д. 80.
37. ЦГА СПб. Ф. 54. Оп. 1. Д. 15.
38. ЦГА СПб. Ф. 54. Оп. 1. Д. 20.
39. ЦГА СПб. Ф. 150. Оп. 1. Д. 30.
40. ЦГА СПб. Ф. 485. Оп. 1. Д. 5.
41. ЦГА СПб. Ф. 485. Оп. 1. Д. 21.
42. ЦГА СПб. Ф. 485. Оп. 1. Д. 26.
43. ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 3. Д. 58.
44. ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 54. Д. 7.
45. ЦГА СПб. Ф. 1788. Оп. 1. Д. 57.
46. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (далее – ЦГАИПД СПб). Ф. 1. Оп. 2. Д. 27.
47. ЦГАИПД. Ф. 1. Оп. 2. Д. 29.
48. ЦГАИПД. Ф. 1. Оп. 2. Д. 271.
49. Agar Augustus. Baltic Episode. London: Hodder and Stoughton, 1963. 255 p.
50. Debo Richard K. Survival and Consolidation: The Foreign Policy of Soviet Russia, 1918–1921. Montreal & Kingston: McGill-Queen's University Press, 1992. 520 p.
51. Farnsworth Beatrice. William C. Bullitt and the Soviet Union. Bloomington; London: Indiana univ. press, 1967. 244 p.
52. Thompson John M. Russia, Bolshevism, and the Versailles Peace. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1966. 429 p.

УДК 94(47)

Давыдов А. Ю.

д-р ист. наук, профессор кафедры русской истории
Российского государственного педагогического
университета им. А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург)

**Дорожные мытарства времен «русской смуты»
1917–1921 гг.: закалка характера или деградация
личностных качеств россиян?**

В статье автор предпринимает попытку проследить воздействие на характер и личностные качества россиян громадных испытаний, выпавших на долю большинства соотечественников в период «русской смуты». Волей-неволей простым гражданам приходилось отправляться в дальнюю дорогу, несмотря на почти полное разрушение транспортной системы и искусственно создаваемые большевистскими властями препятствия для путешественников. В работе доказано, что основную часть пассажиров составляли мешочники. Дорожные экспедиции стали их повседневностью, при этом им регулярно доводилось перемещать в виде ручного багажа немалые тяжести. Не случайно именно нелегальных снабженцев в первую очередь коснулось дорожное мученичество. В статье выполнен обзор аргументов, посредством которых автор доказывает противоречивость воздействия жестоких путевых мытарств на личность. Дорога вырабатывала у путешественников терпеливость и упорство. Вместе с тем она же культивировала групповой эгоизм, а также агрессивность со стороны нелегальных снабженцев в отношении тех, кто не входил в состав мешочнических коллективов, артелей, ватаг.

Ключевые слова: русская смута, мешочники, вокзалы, дорога, заградотряды, мандаты, путевые сообщества.

In the article the author makes an effort to trace the mindboggling hardships' influence accrued most of the Russians within Time of Troubles period. Whether one likes it or not average citizens had to set off for a long journey in spite of the fact that the transport system went almost absolutely wrack and ruin and artificial obstacles were invented for the travelers by Bolsheviks authorities. This paper proves that mostly the passengers were black marketers. Travelling expeditions became their everyday routine and furthermore black marketers had regularly carried quite heavy hand-luggage. It was no coincidence that particularly illegal suppliers were among the first who faced with journey martyrdoms. Through the use of conducted arguments' review the author in this article demonstrates the controversy of severe road drudgeries which influences the personality. Such way of living developed traveler's

patience and perseverance. But at the same time it also led to a group selfishness and aggression of illegal suppliers to those who were not the part of the black marketer's communities, the associations and the gangs.

Keywords: Russian Time of Troubles, black marketers, railway stations, road, blocking units, mandate, permanent travel community.

Гражданская война в России воспринимается, прежде всего, как время масштабных военных действий. На деле же общественное разложение, «русская смута» отнюдь не осознавались соотечественниками как результат или проявление боевых сражений, столкновений воинских частей. Информация о фронтах ограничивалась слухами. Газеты мало кто читал; они наклеивались на уличных досках или прямо на углах домов, но читать их было недосуг. Как отметил писатель Алексей Ремизов, всё валили на одного Колчака; «на одной стороне, – говорилось, – Ленин-Троцкий, на другой Колчак». Вот этим и исчерпывались политические представления подавляющего большинства россиян. Зато все умы целиком занимало (опять сошлемся на Ремизова) «великое всеобщее стояние в очередях за добычей» [18, с. 302]. В карманах обывателя обнаруживалась обязательная авоська на случай непредвиденной «выдачи», а в портфеле совслужащего лежал мешок для картошки. Очередь за дефицитной провизией стала в советской России знаковым социальным символом.

Вместе с тем определилась устойчивая альтернатива очереди, это – вольный рынок. Речь идет о двух ипостасях повседневной жизни большинства соотечественников в период «русской смуты», причем вторая ипостась доминировала и нашла практическое воплощение в своем аналоге – мешочническом движении. В стране довольно скоро после октябрьского переворота, разрушившего продовольственную организацию, завершилось формирование общенародного и нелегального мешочничества. Атрибутом последнего стала дорога.

Мешочническую дорогу автор сделал объектом своего исследования в данной статье, акцентировав внимание на тяжелейших испытаниях, с которыми встречались в пути нелегальные снабженцы. Разумеется, дорога в отечестве всегда была связана с трудностями, вспоминается крылатая фраза: «В России нет дорог, а есть направления». Дорога для русских – этнический символ; причем, обязательно плохая дорога [26, с. 10]. Между тем применительно к мешочническим экспедициям пе-

риода гражданской войны следует говорить о мученическом пути, о продолжавшихся на протяжении нескольких лет изнурявших путников мытарствах. Вольные добытчики провизии страдали больше других путешественников, ибо вынуждались регулярно отправляться в дорогу и при этом перевозили большие тяжести на дальние расстояния.

Численность участников нелегального снабжения, отправлявшихся в дорогу, была в период гражданской войны чрезвычайно велика. Член коллегии наркомата продовольствия Н.А. Орлов указывал на занятость профессиональным мешочничеством четверти взрослого населения страны [16, с. 384]. Известный ученый, профессор Л.Н. Юровский определил размеры нелегального снабжения следующей формулой: «Мелкая нелегальная торговля продовольствием – мешочничество – получила столь широкое распространение, что в торговле никогда не участвовала такая значительная часть населения, как в те годы» [27, с. 63]. Компетентным суждениям Орлова и Юровского стоит доверять. В путь за провизией для себя, семьи, для продажи на рынке двинулись миллионы россиян.

Мешочничество – это, прежде всего, трафик больших групп населения из голодных районов в производившие продовольствие регионы и обратно. Не случайно основную массу передвигавшихся по стране россиян составляли именно мешочники; среди них обнаруживаются потребители (привозили провизию для собственного пропитания) и спекулянты. Крайне слабое государство с его доктринерской хлебной монополией никак не могло осуществить многообразнейшие функции по снабжению населения [6, с. 14–37]. В результате в 1918 г. в Петрограде наблюдались «ужасающая дороговизна, все более затруднительное добывание пищевых продуктов», а, например, в Полтавской губернии было «все у всех вдоволь, словом, революции как не бывало» [8, с. 134, 136]. Приведенный факт абсолютно типичен.

В годы гражданской войны дороги и средства передвижения находились в катастрофическом состоянии. В целях предотвращения их окончательного разрушения, а также для пресечения нелегального снабжения советская власть пыталась прекратить частные поездки. Оправдательной причиной для отправки в путь становились исключительно командировочные мандаты [4, с. 315]. На особых нумерованных бланках с печатями требовалось четко сформулировать, куда и по какой государственной надобности отправляется гражданин. Однако мешочники научились обходить преграды, образовался своеобразный рынок документов «на проезд». 28 сентября 1919 г. петроградская «Красная

газета» писала: «Когда стоишь где-нибудь на вокзале, в очереди у кассы командировочных, то поражаешься невозможно огромному числу командированных. Ведь это не командировки, а подлинное переселение народов». Документы нелегальные снабженцы добывали за взятки. Кроме того, появились «специалисты», научившиеся изготавливать мандаты, которые не отличались от настоящих. Думается, советская власть уже на первых порах сильно способствовала совершенствованию навыков граждан противопоставлять дурным законам дурное их исполнение, то есть не оставляла людям другого пути, кроме обмана государства.

После того, как удавалось заполучить «разрешительный» документ, путешественники запасались деньгами и товарами для обмена в кочевом пути. Налегке никто не ездил, и всё ценное брали с собой. Далее паломники прощались с близкими людьми так, как будто расставались навсегда. Согласимся с Н.Я. Мандельштам, которая писала, что «уехать значило кануть в вечность». В подавляющем большинстве случаев ни одна весточка с дороги до адресата не доходила [11, с. 37].

Начинались путевые мытарства. Прежде всего, следовало заполучить место в транспортном средстве. Борьба за него повсеместно стала по-настоящему тяжёлым и опасным делом. Пассажиры долгими сутками ожидали на пристанях речные суда. Но самую суровую проверку нелегальные снабженцы проходили на железных дорогах. Прежде всего, пассажирам приходилось долго – до нескольких дней – дожидаться эшелона. Расписания железнодорожного движения не существовало, поезд мог прибыть в любое время. Отъезжавшие дневали и ночевали на вокзалах. Эти последние в воспоминаниях очевидцев – таборы, скопища людей. Иногда в вокзальных помещениях не только лечь или сесть, но и встать было негде. Петроградский продовольственник П. Орский на Николаевском вокзале в Москве увидел «целый муравейник людей, буквально тысячи, расположившийся на полу, из которых добрых $\frac{3}{4}$ состояло из мешочников» [7, с. 2].

Умная и наблюдательная мемуаристка Зинаида Шаховская в своих мемуарах обнаруживала на российских вокзалах 1918 г. «настоящее столпотворение голодных и хворых, солдат и крестьян, буржуев и «бывших», одетых по-пролетарски» [24, с. 155, 156; 21, с. 150; 19, с. 436]. Подобным образом обстояло дело по всей советской России; в несоветских районах проблема мешочничества не стояла особенно остро и пассажиров было гораздо меньше.

Усталых и измученных людей легко было обокрасть, когда они засыпали. К вокзалам, ставшим центрами воровства, прикрепляли слу-

жащих, в обязанности которых входило будить задремавших и заснувших пассажиров. Подобным образом их пытались уберечь от жуликов [21, с. 11, 12]. Каждое утро в результате такой заботы о людях все без исключения пассажиры напоминали сомнамбул. Тем не менее, главной угрозой для путешественников был сыпной тиф; им люди заболевали зачастую на вокзалах, полы которых нередко покрывал сплошной слой вшей [10, с. 42].

Рано или поздно прибывал поезд. Вагоны оказывались переполненными (кроме «штабных», в которых ездили разного рода руководители, их друзья, родственники). Путешественники бросались на приступ. Среди вагонов преобладали теплушки. За места в последних – слегка модифицированных грузовых вагонах – и разворачивалась борьба. Почти все мемуаристы, которым довелось путешествовать по стране в 1918–1919 гг., обязательно описывали посадки в поезда как серьёзные испытания. Пол теплушки находился на уровне человеческого роста, никаких приспособлений, вроде ступенек, не имелось. При посадке пассажирам приходилось подтягиваться на руках, их отталкивали другие участники штурма. Известный в России кооператор Б.Р. Фроммет рассказывал, что «нужны талант, энергия, физическая сила, чтобы влезть... Вагоны здесь штурмуются и опять-таки нужно не жалеть боков – ни своих, ни чужих, чтобы попасть в вагон» [9, с. 46; 22, с. 10].

Все выше названное – массовое явление. Русское оседлое население превращалось в воинственных кочевников, условием выживания которых нередко оказывалась повышенная агрессивность. Чрезвычайно показателен обнаруженный в дневнике тонкого наблюдателя и знатока российской повседневности М.М. Пришвина факт. Писатель указывал, что даже самые лучшие люди начинали «вести себя, как бешеная собака во дворе» [17, с. 169]. Изменялись поведенческие нормы, ценностные ориентации.

Далеко не всем удавалось устроиться в вагонах, тогда мешочники начинали карабкаться на буфера. Затем приходила очередь крыш. Причём, «удобными» считались крыши низких вагонов, здесь было меньше риска разбить голову при движении о мостовое перекрытие. Транспортные средства настолько заполнялись людьми, что современники сравнивали их с селёдочными бочками [24, с. 156]. Одним из главных наказаний со стороны властей для путешественников была высадка из поездов – попасть назад стоило невероятных усилий.

Примечательно, что дорога уравнивала людей, стирала между ними социальные различия. Разрушив транспортную сеть и тем самым су-

щественно архаизировав повседневность россиян, революция, по сути, сформировала механизм устранения общественной дифференциации. Этим механизмом стало мученичество. Оно уравнивало всех и, думается, большевики вполне могли бы отнести его к атрибутам военного коммунизма: ведь толковалась же разрушительная инфляция как торжество безденежного социалистического хозяйства, а нищий классовый паек рассматривался в качестве выражения идеологического триумфа. Современница описываемых событий Ольга Бессарабова в своем «Дневнике» назвала вагон, в котором вынуждена была передвигаться по стране, «адам». О пассажирах она писала: «Нельзя было разобрать, где грешники, а где черти. Все были мучениками» [12, с. 257].

По воспоминаниям современников «русской смуты», всю дорогу пассажиры пребывали в страхе. Панические настроения вызывались ожиданием встречи с бандами, которые останавливали поезда, грабили и убивали [1, с. 15]. Кроме того, во время остановок за счет пассажиров старались пожить бойцы многочисленных (и мало контролируемых властями) заградительных отрядов [4, с. 315; 13, с. 119; 25, с. 204]. Солдаты «заградов» заставляли пассажиров выносить из вагонов мешки, чемоданы, узлы; проверяли их содержимое. Они реквизировали «излишки» нормированных продуктов, драгоценности, деньги [24, с. 156, 157].

Поезда двигались черепашьими темпами, то и дело останавливались. Движение по дальним маршрутам отсутствовало, и направление его могло измениться на любой узловой станции. Путешественникам предстояло выгружаться и все злоключения повторялись. На обратном пути поместиться в вагоны было особенно трудно; в них старались попасть вместе с направлявшимися в сторону дома городскими мешочниками и уроженцы хлебных мест, переправлявшие хлеб в города на продажу.

Поражает и восхищает удивительная способность российских мешочников приспособиться к тем невероятным испытаниям, которые их ожидали в дороге. В зимних условиях им приходилось зачастую размещаться на буферах и крышах. Снег много раз засыпал их. По словам одного мешочника, мороз причинял такую боль рукам и ногам, что «в глазах все прыгало» [5, с. 18]. Пассажиры постоянно простужались и заболели. Заболевших, находившихся в бессознательном состоянии, то и дело выносили из вагонов. Огромные нагрузки, систематическое переутомление, тяжелые болезни, постоянные стрессы – все это изнуряющим образом действовало на человеческий организм. Нередко мешочники становились инвалидами [5, с. 83, 86]. Приходится конста-

тировать, что ставшие результатом невероятного напряжения энергетические затраты сильно подорвали здоровье народа.

Во время нескончаемого пути темой разговоров вольных добытчиков хлеба становилась политика. Попытаемся охарактеризовать политические настроения мешочников. Подавляющее большинство нелегальных снабженцев было настроено явно антисоветски, ибо новая власть чинила им всевозможные (прежде всего дорожные) препятствия. Свои антибольшевистские взгляды мешочники вовсе не скрывали, а, будучи людьми отчаянными и активными, старались пропагандировать. Именно такую мешочническую пропаганду имел в виду железнодорожник Д. Валин, когда в мае 1919 г. писал, что нарушители монополии, «помимо мародерства (т.е. купли-продажи хлеба по высоким ценам – А.Д.), занимаются еще – как любители – контрреволюционной деятельностью» [2, с. 2].

Политические представления многих мешочников отличались четкостью и были полностью противоположны установкам большевиков. В качестве альтернативы узурпаторскому большевистскому государству вольные добытчики хлеба выдвигали всенародную власть Учредительного собрания. Объективно позицию мешочников отчетливо выражали меньшевики, отрицавшие возможность сохранения продовольственной диктатуры в условиях развала государства. Не случайно в большевистских карательных структурах большой разницы между теми и другими не замечали. Возьмем «Бюллетень ВЧК» (№ 37 за 27 августа 1918 г.), найдем раздел под символическим названием «Агитация меньшевиков и мешочников». В нем речь идет о распространении нелегальными снабженцами и политическими оппонентами большевиков слухов о «неблагонамеренных планах реквизиционных отрядов» [20, с. 82]. Принципиальным пороком мешочнического движения стало то, что никакого руководства им со стороны антибольшевистских партий не наблюдалось. Участвовать в политике добытчикам продовольствия было недосуг: их полностью поглощало самоснабженческое дело, они концентрировали силы на противодействии дорожным угрозам. Думается, это обстоятельство содействовало выживанию ленинской власти, поскольку миллионы деятельных потенциальных ее врагов оказались отвлеченными от участия в организованной антибольшевистской борьбе.

Тем не менее, отказываясь от всякой политической организации, мешочники консолидировали свои силы, объединялись в коллективы. Не умея организоваться, пассажиры–мешочники попросту не смогли бы справиться с дорожными испытаниями. Поступая как настоящие кочев-

ники, они объединялись в путевые сообщества, состоявшие из нескольких десятков человек. Коллективы образовывались перед уходом в путь или в его начале, а «достраивались» уже в дороге. Появлялись лидеры (предводители, атаманы, вожаки, старосты), под руководством которых мешочники действовали коллективно и организованно. Вот что сообщает об этом относящийся к 1919 г. источник: «Как только остановится пришедший на станцию поезд, как рой пчёл облепят его мешочники; впрыгивают в вагоны по два – по три человека, а остальные бросают мешки с хлебом. Работают ужасно спешно. В две–три минуты, которые стоит поезд, вагоны наполняются мешочниками» [14, с. 9]. Как видим, вступали в действие механизмы самоорганизации. Энергичные, предприимчивые нелегальные снабженцы обнаруживали выход в объединении усилий. В целях противостояния враждебному и агрессивному миру, люди создавали замкнутые и сплоченные коллективы. Мешочническая дорога стимулировала групповой эгоизм. Возникали, по выражению британского историка Джеффри Хоскинга, «архаичные формы человеческих ассоциаций» [23, с. 59].

Специфические «дорожные отношения», создание «бродячих сообществ» с их централизацией – все подобные обстоятельства представляются современным этнографам важным элементом своеобразной этнической культуры. Ее назвали «культурой дороги», понимая под этим «комплекс этнических традиций – обычаев и норм, вещественных атрибутов и представлений, связанных с передвижениями» [26, с. 8, 232, 234]. Привлекает внимание еще одно выразительное высказывание Д. Хоскинга. Рассказывая о прокормивших города в период «русской смуты» мешочниках, англичанин указывает на «поразительные способности русских, умеющих находить способы существования в самых невероятных обстоятельствах» [23, с. 59].

Несомненно одно: в годы гражданской войны были продемонстрированы в полной мере огромные способности российского населения к адаптации к кочевой жизни. В последующие десятилетия мешочнические кампании с присущими им путевыми испытаниями станут время от времени повторяться. Суровая школа мешочнических экспедиций вырабатывала у ее «учеников» такие свойства характера как трудолюбие, терпеливость, упорство, инициативность. Однако при этом усугублялись и такие качества как безразличие или даже агрессивность в отношении тех, кто не входил в ближайшее окружение (т. е. в мешочнические коллективы). Вместе с тем целиком сосредоточенным на преодолении путевых преград мешочникам была свойственна пассивность

в отношении партийной борьбы. Как видим, участники мешочнической эпопеи оказались подготовлены к встрече с повседневными жизненными тяготами, которые в XX веке обрушатся на соотечественников; но они были совершенно не подготовлены к столь актуальной в то же столетие политической модернизации.

Список источников и литературы:

1. Аринштейн Л.М. Во власти хаоса. Современники о войнах и революциях 1914–1920 гг. Москва: Грифон, 2008. 430 с.
2. Валин Д. Передвижная контрреволюция // Красный путь железнодорожника. 1919. 8 мая. С. 2.
3. Вильямс А.Р. Путешествие в революцию. М.: Центрполиграф, 2006. 429 с.
4. Воронов С. Петроград – Вятка в 1919–1920 году // Архив русской революции. Том 1. М.: Современник, 1991. С. 313–333.
5. Григоров Л. Очерки современной деревни. Кн. 1. М.: Гос. изд., 1924. 218 с.
6. Давыдов А.Ю. Проигранная война «красных»: нелегальная экономика 1917–1920 гг. // Вопросы истории. 2013. № 11. С. 14–37.
7. Известия Петрокомпрода. 1919. 8 февраля. С. 2.
8. Изгнанные, но не сломленные. Дневник графини Ольги Васильевны Сиверс. 1918–1920. Москва: Русский путь. 2015. 731 с.
9. Корецкий П. Кошмар наших дней // Трудовой путь. Кострома. 1919. № 1–4. С. 46.
10. Ломоносов Ю.В. В народном комиссариате путей сообщения. Ноябрь 1919 – январь 1920 (отрывок из воспоминаний и неизданная корреспонденция В.И. Ленина) // Минувшее. 1992. Т. 10. С. 7–49.
11. Мандельштам Н. Мой муж – Осип Мандельштам. М.: АСТ, 2013. 479 с.
12. Марина Цветаева – Борис Бессарабов: хроника 1921 года в документах. Дневники Ольги Бессарабовой (1915–1925). М.: Эллис Лак Эллис Лак, 2010. 797 с.
13. Михайлов И.Д. Эволюция русского транспорта: 1913–1925. М.–Л.: Экон. Жизнь, 1925. 246 с.
14. Народное продовольствие / Еженедельное издание Пензенского губернского продовольственного комитета. 1919. № 5–6. С. 9.
15. Невалайнен П. Изгои: Российские беженцы в Финляндии (1917–1939). СПб.: журн. «Нева», 2003. 366 с.
16. Орлов Н.А. Продовольственная работа Советской власти. Москва: Нар. Ком. продовольствия, 1918. 396 с.
17. Пришвин М.М. Дневники. 1918–1919. М.: Московский рабочий, 1994. 380 с.
18. Ремизов А. Взвихренная Русь. Воспоминания. М.: Захаров, 2002. 493 с.
19. Ростковский Ф.Я. Дневник для записывания... 1917-й: революция глазами отставного генерала. М.: РОССПЭН, 2001. 494 с.

20. Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. Т. 1. 1918–1922. М.: РОССПЭН, 1998. 834 с.
21. Фейгельсон М. Борьба за хлеб в Царицыне // Проблемы экономики. 1940. № 1. С. 150.
22. Фроммет Б. Об условиях разъездной работы // Союз потребителей. 1919. № 8. 17 марта. Стб. 10–12.
23. Хоскинг Д. Правители и жертвы. Русские в Советском Союзе. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 543 с.
24. Шаховская З. Таков мой век. Изд. 2-е, испр. М.: Русский путь, 2008. 669 с.
25. Шкловский В.Б. Сентиментальное путешествие. М.: Новости, 1990. 362 с.
26. Щепанская Т.Б. Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX–XX вв. М.: Индрик, 2003. 527 с.
27. Юровский Л.Н. Денежная политика Советской власти (1917–1927). М.: Финансовое издательство, 1928. 399 с.

УДК 94(470.6).084.3

Баранов А. В.

д-р ист. наук, д-р полит. наук,
проф. кафедры политологии и политического управления,
Кубанский государственный университет
(г. Краснодар)

«Бело-зелёные»: казачье повстанческое движение на Дону в 1920–1922 гг.

Раскрыты причины и особенности казачьего повстанческого движения на Дону в 1920–1922 гг. в сравнении с другими областями Юга России. Внимание уделено земельным реформам, социальной базе и лозунгам повстанческих отрядов, изменениям численности и дислокации. Основной причиной продления насильственного конфликта на Дону стала политика «военного коммунизма» и её рецидивы. Особенности повстанческого движения на Дону – в слабости сепаратистских течений, что вызвано русским составом населения. Социальная база движения неоднородна. Во главе – офицеры и казаки. Среди «бело-зелёных» много солдат Добровольческой армии, беженцев из Центральной России, коренных крестьян. Лозунги повстанцев имели преимущественно проэсеровскую ориентацию, менее распространены монархические лозунги. Наименее популярно анархистское движение.

Ключевые слова: «бело-зелёные», казаки, повстанческое движение, Дон.

The article reveals the causes and characteristics of the Cossack rebel movement on the Don region in 1920–1922 in comparison with other areas of the South Russia. Attention is paid to land reforms, the social base and political slogans of insurgent detachments, changes in their numbers and dislocation. It is proved that the main reason for the prolongation of the violent conflict on the Don was the policy of “military communism” and its relapse. The peculiarity of the insurgency on the Don was the weakness of the separatist movements, which was caused by the Russian population. The social base of the movement was not homogeneous. At the head were officers and Cossacks. Among the “white-greens” were many soldiers of the Volunteer Army, refugees from Central Russia, indigenous farmers. The slogans of the insurgents had a predominantly pro- socialist-revolutionary orientation, monarchist slogans were less common. The least popular was the anarchist movement.

Keywords: «white-greens», Cossacks, rebel movement, Don.

Актуальность темы состоит в необходимости преодоления традиций насилия. Повстанческое движение казаков на завершающем этапе Гражданской войны остаётся малоизученным. Дон был одним из стратегически важных регионов России, где насильственный конфликт приобрёл особенно затяжные и жестокие формы.

Современные исследователи полагают, что повстанческие движения были формой Гражданской войны не менее важной, чем противостояние регулярных армий. В отношении 1920–1922 гг. применяются термины «крестьянская война» (В.П. Данилов [7]) и «малая гражданская война» (С.А. Павлюченков [9], В.Н. Бровкин [3]). А.В. Баранов опубликовал монографии [1; 2]. Большое значение имели исследования А.П. Скорика и Р.Г. Тикиджяна [19], В.Г. Ященко [32], А.Н. Грищенко [6].

Цель работы – выявить причины и особенности повстанческого движения казаков на Дону (1920–1922 гг.).

Продолжали борьбу против большевиков весной 1920 г. лишь немногие офицеры и казаки, опасавшиеся возмездия за белый террор. Начальник Особого отдела Кавказского фронта К.И. Ландер докладывал в первой половине апреля 1920 г. В.И. Ленину, что на Дону «сгруппировалось много белогвардейцев..., там летом готовится ряд восстаний». Показательна реакция В.И. Ленина: восстания «подавлять в зародыше с сугубой строгостью», а организаторов и пособников расстреливать на месте, оповещая население [18, с. 78]. К маю 1920 г. введение трудовых повинностей и продразверстки, по-

пытки передела казачьих юртовых земель и незаконные расправы, запрет участия «кулаков» в выборах накалили атмосферу. Окрепли отряды «бело-зеленых» повстанцев, оставшиеся после ухода деникинцев. Член РВС Кавказского фронта В.А. Трифонов 27 мая 1920 г. направил в Политбюро ЦК РКП(б) телеграмму следующего содержания: «Настроение населения, бывшее первое время [после] занятия области определенно советским, за последнее [время] стало резко понижаться». Всё чаще поступали сообщения о подготовке волнений [23, с. 491].

Повстанческие группировки в 1920–1922 гг. представляли спектр сил, конфликтующих между собой – от монархистов до анархистов. Среди них действовали агенты иностранных государств и уголовники, война деморализовала многих и обесценила жизнь.

Социальный состав «бело-зеленых» можно оценить описательно. Обычно во главе отрядов стояли офицеры или казаки. При захвате станций мобилизации подвергались казаки призывного возраста. Было много бывших солдат Добровольческой армии, беженцев из Центральной России, коренных крестьян.

По политической направленности можно выделить течения повстанцев. Прежде всего, казачье проэсеровское течение «самостийников» [22, с. 60]. Сохранялось монархическое движение офицеров и зажиточных казаков, не имевшее массовой поддержки. Оно подпитывалось из эмиграции. В-третьих, крестьянские выступления за советы без коммунистов. Большевики опасались ухода к повстанцам популярных красных командиров, что объясняет трагедию Б.М. Думенко, Ф.К. Миронова и недоверие власти красным партизанам [23, с. 18]. И, анархистское движение, мало отличимое от уголовников. Оно не получило развития, кроме рейдов махновцев по окраинам Дона.

Лозунги движения – не казачье-консервативные, а в духе эсеровской «третьей революции» всех трудящихся. Можно выделить ядро лозунгов: неприкосновенность трудовой собственности и раздел помещичьих земель; равенство сословий (кроме переселенцев в 1914–1920 гг.); власть выборных советов без коммунистов и ВЧК; окончание гражданской войны; созыв Учредительного собрания; прощение сдавшихся красноармейцев и служащих [24, л. 8в]. Вражда казаков с коренными крестьянами затихла. Ненависть была направлена на большевиков и переселенцев.

Особый отдел Кавказского фронта полагал, что численность «бело-зеленых» за июнь – 6 июля 1920 г. выросла на Юге России с 5400 до 13100 чел. в 36 отрядах с 50 пулеметами и 12 орудиями [11, л. 88]. Воен-

ные действия имели сезонный ритм, затухая на время посевной и жатвы, разгораясь осенью и ранней весной. Пики выступлений: февраль–март и сентябрь 1921 г., что совпало с обострением продовольственного кризиса и переломными ситуациями в политике.

Боеспособные казаки с Дона частью ушли в Крым, частью смирились с новой властью. Когда 9 июля 1920 г. под Таганрогом высадился десант полковника Ф.Д. Назарова (1 тыс. чел.), он почти не получил поддержки, хотя выдвинул популярный призыв: «Мы только против коммунистов – большевиков – начальников – угнетателей, но не против Советов» [12, л. 5]. П.Г. Чернопицкий отмечает роль арестов и взятия заложников в станицах на пути десанта, беспартийных конференций. Десант вырос до 2 тыс. чел., командование СКВО опасалось повсеместного мятежа на Нижнем Дону [31, с. 5]. Заняв ст-цу Новониколаевскую, 16–17 июля Назаров был разбит и ушел в рейд вглубь Дона. Его поддерживали мятежники ст-ц Екатерининской, Гундоровской, Каменской, Чернышевской. 24 июля десант занял ст-цу Константиновскую, но потерял в бою 800 чел. убитыми и ранеными. Назаровцы бежали на Маныч, где разбиты [12, л. 459, 54]. Разгромлены отряды Н.И. Махно, пытавшиеся поднять восстание на Верхнем Дону.

Падение Крыма создало новое соотношение сил. Большевикам противостояли не армии, а разрозненные отряды повстанцев. Но Гражданская война с разгромом армии П.Н. Врангеля не завершилась. Почему война затянулась на Дону до 1922 г.? Основная причина – ужесточение «военного коммунизма» после разгрома белого движения, усугубленное незнанием особенностей регионов и нежеланием учитывать их. И.В. Сталин на краевом партийном совещании 27 октября 1920 г. поставил задачу «создания продовольственного фонда для революции на Западе» [20, с. 380–381]. Задания разверстки истощали сельское хозяйство, вызвали сплочение хлеборобов против власти. Доклад члена коллегии ВЧК М.И. Лациса и отчет особоуполномоченного ВЧК К.И. Ландера (декабрь 1920 г.) свидетельствуют об ужесточении режима на Дону. Область была поделена на сектора, секции. Действовали «специальные тройки» представителей ВЧК по разоружению казаков и выявлению «врагов Советской власти». Тройки имели право казни без суда [10, с. 110–111].

Россия подошла зимой 1920–1921 г. к грани войны между большевистским режимом и земледельцами. По данным Оперативного управления штаба войск внутренней службы РСФСР, к началу 1921 г. учтено 19640 повстанцев на Юге России [13, с. 7]. Признаки ухудшения ситу-

ации на Северном Кавказе отмечаются в октябре – ноябре 1920 г. в Донецком и Верхнедонском округах из-за невыполнимой разверстки и репрессий. Возникли отряды полковника Смелова-Аржеусова, Кольчева, Колесникова числом свыше 5 тыс. чел. Смелов и Гученко возглавили в декабре крупное восстание крестьян Ефремово-Степановской волости, избрали на сходе «Временное советское правительство», но быстро разбиты [27, л. 63–64]. 17 декабря президиум Донского исполкома признал Верхнедонской и 1-й Донской округа «неблагополучными по бандитизму и контрреволюционным восстаниям». Проведены массовые аресты и взяты заложники [5, л. 12–13].

Зимой указанного года всё чаще возникали мятежи красноармейцев. 17 декабря 1920 г. бунт жителей сл. Михайловской Усть-Медведицкого округа поддержал караульный батальон окружного военкомата под командованием К.Т. Вакулина – большевика, орденосца, бывшего комполка. Вакулин издал воззвание от имени «трудовиков и восставших». Он призывал защитить свободу, равенство и братство от «власти кучки коммунистов и комиссародержавцев». Повстанцы требовали свободной торговли и хождения денег белых правительств. Характерны лозунги: организовать крестьянские союзы и «диктатуру деревни»; разрешить все партии, кроме черносотенных и монархических: «Да здравствует Советская власть без коммунистов и комиссаров!» [23, с. 588–590, 714–715]. Повстанцы накопили до 6 тыс. штыков и 440 сабель при 26 пулеметах и 2 орудиях, прорвались в Поволжье. Вакулинцы захватили г. Камышин, но разгромлены в марте 1921 г. [23, с. 611; 28, л. 35].

На сторону махновцев перешел в середине января 1921 г. 19-й полк 4-й дивизии 1-й Конной армии под командованием Г.С. Маслакова – сподвижника С.М. Буденного, орденосца. Мятеж готовился долго, велась агитация. Маслаковцы выступили за «истинную Советскую власть без коммунистов и продразверстки». Маслаков объявлял себя «защитником интересов вольного донского казачества» [21, с. 127–133]. Маслаков вошел командующим группой в штаб махновцев. Повстанцы раздавали хлеб с ссыпных пунктов, громили ревкомы. К ним присоединилось 200 красноармейцев. В 1-м Донском округе Маслаков подчинил отряд Сизова, довел численность сил до 5 тыс. чел. В марте Маслаков разбит под ст. Ремонтное, совершил рейд на Ставрополье. К сентябрю 1921 г. повстанцев загнали в горы, где Маслаков и его помощник Брова убиты амнистированными повстанцами [23, с. 613–614].

Кризис «военного коммунизма» угрожал сохранению власти РКП(б). 1 февраля 1921 г. представитель Донской ЧК докладывал облисполкому, что «положение в области тяжелое. Масса антисоветских проявлений в широких слоях населения». В сводке Донской ЧК за первую половину февраля отмечена угроза восстаний с участием рядовых коммунистов. 10 марта председатель ДонЧК М. Буров писал: «Донская область является одной из баз контрреволюции... Нужно вычистить железной рукой. Армия разложена и в случае восстания Советская власть на Дону ... не будет иметь достаточной надежной вооруженной силы, что подтверждают факты перехода к бандам целых войсковых частей» [29, л. 2; 23, с. 612–613, 632].

Первые вести о продналоге достигли станиц к концу марта. Волна восстаний спала, отсрочена угроза сплочения недовольных. Но продналог встречали с более сдержанным одобрением, чем в Центральной России. Ведь казаки не платили прямых налогов. Доверие к НЭПу уменьшалось из-за продовольственного наряда. Поборы и потравы посево, грубость продотрядов озлобляли хлеборобов, толкали их к продолжению борьбы. На Дону после весеннего сева отряды в 200–300 чел. увеличились в 3–5 раз [31, с. 8]. Основным очагом мятежей оставался Верхнедонской округ, где 14 марта восстал в ст-це Вешенской караульный батальон Я.Е. Фомина. В мятеже участвовали даже большевики [31, с. 8]. Численность повстанцев Верхнего Дона достигла 4600 чел. в отрядах Колесникова, Попова, Рыжкова и др. Разбить или рассеять их удалось к лету 1921 г. [15, с. 15].

В июне 1921 г. на Нижнем Дону близ ст-цы Елизаветинской объединилось 1,5 тыс. казаков. Они создали «Армию спасения России» под руководством генерал-майора К.Э. Ухтомского и полковника Ф.Д. Назарова. Преобладали эсеровские лозунги. Готовился удар по Ростову с мятежом в городе под лозунгом «Долой коммунистов, долой натуральный налог». День мятежа был приурочен к началу сбора продналога [25, с. 69; 14, л. 170]. На Верхнем Дону продолжали действовать отряды Фомина и Маслакова (до 240 чел.). В Сальском и 1-м Донском округах образовался штаб «Донской повстанческой армии» во главе с бывшим начальником штаба 14-й кавдивизии 1-й Конной армии Абрамовым. Он выдвигал призыв «Власть советам, а не партиям» [5, л. 225, 276–277]. В июле Ухтомский, Назаров и их сообщники арестованы и осуждены [16, с. 128–134]. В районе ст-цы Елизаветинской состоялся съезд представителей повстанческих отрядов, принявший решение сложить оружие, с чем согласились почти все повстанцы Нижнего Дона [25, л. 6–9].

Способы умиротворения оставались преимущественно силовыми. 30 мая 1921 г. Юго-Восточное бюро РКП(б) направило обкомам письмо, для «явно контрреволюционных сёл» предусматривалась система заложников. «В отношении станиц и деревень, упорно, активно содействующих бандам и неисправимо контрреволюционным, необходимо после исчерпания всех указанных мер применять меры карательные вплоть до полного уничтожения станицы или села и массовых расстрелов» [31, с. 8]. Донской обком РКП(б) запретил крестьянам, сдавшим меньше 1/2 объёма налогов, торговать зерном и одобрил конфискацию их товаров на рынках [25, л. 20–20л].

В сентябре 1921 г. арестованы руководители штаба «Донской повстанческой армии» Абрамов и Шонполонский. На Нижнем Дону осталось к 1922 г. 215 повстанцев [26, л. 115]. В Верхнедонском и Донецком округах, напротив, движение росло. Численность отрядов Фомина и Кондратьева достигла 220 чел. Казаки пытались сорвать налоговую кампанию, уничтожая продработников и документацию. 6 октября 1921 г. Фомин призвал к мятежу: «коммуна приведет к голодной смерти, к рабству крепостного права». 13–16 октября его отряд занимал ст-цу Вешенскую, но поддержки казаков не получил [8, с. 3]. 30 октября Кондратьев схвачен. Отряд Фомина разделился, ушел на переформирование в Хоперский округ и совершал налеты на ст-цы Вешенскую, Каргинскую и Еланскую. У него осталось 90 чел., Фомин последним на Дону сохранял эсеровские лозунги [5, л. 276, 225].

Тактика борьбы изменилась с конца 1921 г. коренным образом. Советские войска значительно окрепли и приобрели опыт сражений. Повстанцы уже не могли владеть инициативой и перешли к скоротечным налетам мелких отрядов. Всё чаще уставшие от войны казаки отказывали повстанцам в снабжении и создавали отряды самообороны. Органы власти применили новую гибкую и успешную тактику, проводя агитацию на беспартийных конференциях. На Верхнем Дону 20 марта 1922 г. разгромлен отряд Фомина, население поддержало власть [30, л. 91, 162–163]. К осени 1922 г. Дон умиротворен. Важную роль сыграли законодательные акты об упрощении налогообложения, о расторжении кабальных сделок. Земельный кодекс РСФСР, вступивший в силу осенью 1922 г., подтвердил порядок трудового надельного пользования в казачьих областях.

Итак, основной причиной продления Гражданской войны на Дону в 1920–1922 гг. стала политика «военного коммунизма» и её рецидивы. Аграрные реформы 1920–1921 гг. разрушили социальную обособлен-

ность и землепользование казачества, продрозверстка вызвала угрозу голода. Переход к НЭПу на Дону был замедленным, продовольственный наряд и иные фискальные меры сохраняли внеэкономическое принуждение над земледельцами. Особенности повстанческого движения на Дону в сравнении с другими областями Юга – в слабости сепаратистских течений, что вызвано русским составом населения. Вследствие ожесточённой войны 1918–1920 гг. Дон потерял значительную часть населения. Природные условия затрудняли ведение повстанческих действий в большей части региона. Поэтому мятежи концентрировались на Верхнем Дону и в Сальских степях. Социальная база повстанческого движения неоднородна. Во главе него – офицеры и казаки. Среди «бело-зелёных» много бывших солдат Добровольческой армии, беженцев из Центральной России, коренных крестьян. Политические лозунги повстанцев имели преимущественно проэсеровскую ориентацию, менее распространены монархические лозунги. Наименее популярным было анархистское движение.

Список источников и литературы:

1. Баранов А.В. Многоукладное общество Северного Кавказа в условиях новой экономической политики. Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 1999. 348 с.
2. Баранов А.В. Социальное и политическое развитие Северного Кавказа в условиях новой экономической политики (1921–1929 гг.). СПб.: Нестор, 1996. 354 с.
3. Бровкин В.Н. Россия в гражданской войне: власть и общественные силы // Вопросы истории. 1994. № 5. С. 24–39.
4. Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. Р-97. Оп. 1. Д. 45.
5. ГАРО. Ф. Р-97. Оп. 1. Д. 656.
6. Грищенко А.Н. Антибольшевистское повстанческое движение в Донской области в 1920–1922 годах. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ростов н/Д, 2009. 28 с.
7. Данилов В.П. Крестьянская революция в России, 1902–1922 гг. // Крестьяне и власть. М.; Тамбов: Изд-во Тамбов. гос. ун-та, 1996. С. 4–23.
8. Краткий периодический обзор повстанческого движения на территории С.-К.В.О. по данным к 1-му декабря 1921 г. за октябрь и ноябрь 1921 г. Ростов н/Д: Штаб СКВО, 1921. 27 с.
9. Павлюченков С.А. Военный коммунизм в России: власть и массы. М.: РКТ-История, 1997. 272 с.
10. Политическая история: Россия – СССР – Российская Федерация: в 2 т. Т. 2. / отв. ред. С.В. Кулешов. М.: Терра, 1996. 720 с.
11. Российский государственный военный архив (далее – РГВА). Ф. 4. Оп. 1. Д. 29.

12. РГВА. Ф. 102. Оп. 1. Д. 86.
13. РГВА. Ф. 102. Оп. 1. Д. 182.
14. РГВА. Ф. 217. Оп. 2. Д. 38.
15. РГВА. Ф. 25896. Оп. 3. Д. 48.
16. РГВА. Ф. 28087. Оп. 5. Д. 59.
17. Решетова Н.А. Интеллигенция Дона и революция. М.: РОССПЭН, 1998. 240 с.
18. Русская военная эмиграция 20–40-х годов: Документы и материалы / отв. сост. И.И. Басик. М., 1998. Т. 1. Кн. 1. 425 с.
19. Скорик А.П., Тикиджян Р.Г. Донцы в 1920-х годах. Ростов на Дону : Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ, 2010. 244 с.
20. Сталин И.В. О политическом положении Республики // Сталин И.В. Соч. М.: Госполитиздат, 1947. Т. 4. С. 380–381.
21. Степаненко Б.И. Борьба с вооруженной контрреволюцией на Дону и Кубани и ее разгром (март 1920–1922 гг.). Дис. ... канд. ист. наук. Ростов на Дону, 1972. 205 с.
22. Стройло И.С. Повстанческое движение на территории Северо-Кавказского военного округа // Красная Армия. М.: 1921. № 9. С. 55–65.
23. Филипп Миронов. Тихий Дон в 1917–1921 гг. Документы и материалы / под ред. В. Данилова, Т. Шанина. М.: Международный фонд «Демократия», 1997. 792 с.
24. Центр документации новейшей истории Ростовской области (далее – ЦДНИРО). Ф. 4. Оп. 1. Д. 19.
25. ЦДНИРО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 73.
26. ЦДНИРО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 109.
27. ЦДНИРО. Ф. 12. Оп. 5. Д. 138.
28. ЦДНИРО. Ф. 12. Оп. 5. Д. 153.
29. ЦДНИРО. Ф. 12. Оп. 5. Д. 155.
30. ЦДНИРО. Ф. 12. Оп. 5. Д. 164.
31. Чернопицкий П.Г. Повстанческое движение крестьян и казаков Дона в 1920–1922 г. // Изв. высш. учеб. заведений. Сев.-Кав. регион. Сер.: Общественные науки. 1998. № 3. С. 3–12.
32. Яценко В.Г. Антибольшевистское повстанчество в Нижнем Поволжье и на Среднем Дону. М.: ЛИБРОКОМ, 2008. 152 с.

УДК 94(474.3)

Зотова А. В.

д-р ист. наук, академик РАН,
доцент кафедры международных отношений
на постсоветском пространстве Санкт-Петербургского
государственного университета (Санкт-Петербург)

Планирование развития республик советской Прибалтики в 1941 г.

В 1940 г. вошедшие в состав СССР Прибалтийские республики представили в Москву планы доходов и расходов на 1941 г. с целью максимально возможного развития своих регионов. Прибалтийские органы власти проявили стремление собрать налогов с предприятий и населения, а также взносов по госзаймам значительно больше, чем это было возможно. В связи с этим НКФ СССР и Госплан СССР, детально изучив сложившуюся экономическую ситуацию в республиках, значительно снизили общую сумму налогов, которую намеревалось собрать местное руководство. Автор делает вывод о том, что наибольшее прилежание в выполнении будущего плана по налогам и сборам проявили власти Эстонской ССР. В статье анализируются планы НКФ СССР и Госплана СССР по развитию различных отраслей экономики Прибалтийских республик. Отмечается, что в 1941 г. в Прибалтике не планировалась ликвидация частного предпринимательства. Автор делает вывод о том, что большая часть средств бюджета, в отличие от остальных республик СССР, была направлена на развитие просвещения, здравоохранение и социальное обеспечение граждан Прибалтийских республик.

Ключевые слова: 1941 г., Латвия, Литва, Эстония, Прибалтика, НКФ СССР, бюджет Прибалтийских государств.

In 1940, the Baltic republics, which became part of the USSR, submitted to Moscow plans of income and expenses for the purpose of the maximum possible development of their regions. The Baltic authorities have shown a desire to collect taxes from businesses and population, as well as contributions on state loans in 1941 much more than it was possible. The people's Commissariat of Finance of the USSR and the State planning committee of the USSR, having studied in detail the current economic situation in the republics, significantly reduced the total amount of taxes, which the local leadership intended to collect. The author concludes that the authorities of Estonian SSR showed the greatest diligence in implementation of the future plan on taxes and fees. The article analyzes the plans of the People's Commissariat of Finance of the USSR and the State planning committee of the

USSR for the development of various sectors of the economy of the Baltic republics. It is noted that in 1941 in the Baltic States was not planned the liquidation of private enterprise. The author concludes that most of the budget funds, unlike the other republics of the USSR, were aimed at the development of education, health and social security of the Baltic republics' citizens.

Keywords: 1941, Latvia, Lithuania, Estonia, Baltic States, the budget of the Baltic States.

Как известно, летом 1940 г. Эстония, Латвия и Литва вошли в состав СССР. Менее чем за полгода новое политическое и хозяйственное руководство республик должно было представить в Москву свои предложения по развитию своих регионов.

Процесс формирования органов управления новых советских республик был проведен быстро. Куда сложнее было наладить взаимодействие местных и центральных органов власти. В Эстонии, Латвии и Литве началась усиленная работа по изучению потребностей республик с целью формирования бюджета доходов и расходов денежных средств на 1941 г. Тот год, как отмечалось Наркоматом финансов СССР, должен был стать годом «мощного развития народного хозяйства и культуры в новых союзных республиках – Литовской ССР, Латвийской ССР и Эстонской ССР» [3, л. 79].

Стратегия финансовых расходов учитывала реальные потребности и возможности республик Прибалтики. Надо признать, что центральные власти и руководство на местах в большинстве случаев по-разному видели перспективы развития советской Прибалтики. Местные руководители, желая быстрее усилить поддержку проводимой ими политики со стороны населения, стремились сделать акцент на социальную составляющую, проявив особую заботу о здравоохранении, образовании и культурной сфере. Центральные власти больше заботились о том, чтобы Латвия, Литва и Эстония как можно быстрее вписались в процесс эффективного развития Советского Союза в целом. При этом Москва была склонна сочетать осуществление мер, нацеленных на общесоюзные интересы с компромиссными решениями в ряде отдельных сфер развития новых республик. Общий объем бюджетов по прибалтийским союзным республикам на 1941 г. составил 2228,1 млн. руб. На развитие Латвийской ССР планировалось затратить 902,7 млн. руб., Литовской ССР – 809,4 млн. руб. Меньше всего предполагалось затратить на развитие Эстонской ССР – 516 млн. руб. [3, л. 79]

Важно заметить, что все эти цифры были хорошо продуманными и не возникли спонтанно. Сразу же после создания местных органов управления, в том числе и финансовых структур, их сотрудники получили из Москвы задание скрупулезно изучить возможности государственных и частных предприятий по внесению средств в доходную часть бюджетов своих республик. Такая работа была проведена быстро и организовано. Всем предприятиям, учреждениям и организациям вменялось в обязанность подготовить заявки, в которых отражались сведения о потребностях в денежных средствах для развития своих учреждений. Кроме того, каждая организация должна была составить документ, в котором были бы представлены расчеты возможных доходов от деятельности предприятия. Эти средства должны были быть учтены в доходной части бюджета в виде налогов, сборов и всевозможных отчислений. Все заявки централизованно собирались, обобщались и передавались в Наркомфин СССР, который в свою очередь совместно с Госпланом СССР оценивал достоверность запрашиваемых предприятиями средств и достаточность налогов и сборов с местных предприятий и населения на покрытие расходной части бюджета. Исходя из результатов заявок, местные органы власти выступили со своими предложениями по формированию республиканских и местных бюджетов. Местные бюджеты представляли собой финансовые планы доходов и расходов, нацеленных на реализацию финансовых задач, стоявших перед органами местного самоуправления (содержание органов власти, собственности местного самоуправления, поддержание развития учреждений образования, культуры, спорта и других учреждений, которые находились в собственности местных самоуправлений, обеспечение деятельности частных предприятий и промыслов, культурно-бытовое обслуживание, озеленение, содержание местных кладбищ и т.п.). Расходы республиканских бюджетов направлялись на осуществление задач государственной политики в масштабах республик (оборона, промышленность, суд, деятельность правоохранительных органов, государственное социальное страхование и пр.).

Отчисления от прибылей государственных предприятий и государственной торговли с самого начала деятельности советских прибалтийских республик занимали наиболее заметное место в их доходах. В доходах Латвийской ССР – 37,1% (335,1 млн. руб.) от общей суммы поступлений, Литовской ССР – 34,8% (281,4 млн. руб.) и Эстонской ССР – 31,7% (163,7 млн.руб.) [3, л. 79]. Любопытно, что в Литовской ССР согласно заявкам местных предприятий, учреждений и организаций

в республиканский бюджет должно было поступить по бюджетной статье «отчисления от прибылей» 526,331 млн. руб. Наркомфин и Госплан, детально изучив заявки и планы местных органов власти по этой статье утвердили сумму в два раза меньше – в размере 281,420 млн. руб. [3, л. 1]. Латвийское правительство заявило, что соберет отчислений от прибылей в размере 694,091 млн. руб. НКФ СССР также утвердил сумму почти в два раза меньшую – 335,137 млн. руб. [3, л. 6]. Только руководство Эстонской ССР заявило, что больше 11,953 млн. руб. отчислений от прибылей ему не собрать. Наркомфин увеличил эту сумму почти в 14 раз и поручил эстонским властям собрать 163,651 млн. руб. [3, л. 11].

Та же тенденция в Литовской ССР наблюдалась и при сборе других налогов. Подоходный налог с кооперативных предприятий и общественных организаций местные органы власти обязывались собрать в размере 11,064 млн. руб., в то время как Наркомфин утвердил 4,050 млн. руб. Всего налогов с предприятий и организаций планировалось собрать в размере 14,137 млн. руб. Наркомфин же утвердил 7,600 млн. руб. [3, л. 1]. По статье «Государственные займы, реализуемые среди населения по подписке» местные органы власти заявили о сборе 12,600 млн. руб. Наркомфин утвердил 10.000 млн. руб. Налогов и сборов с населения планировалось собрать 155,520 млн. руб. Наркомфин утвердил 140,900 млн. руб. [3, л. 2].

В Латвийской ССР ситуация складывалась немного иначе. Местное руководство заявило о сборе налогов с населения в размере 132,552 млн. руб. Наркомфин повысил эту сумму до 144,900 млн. руб. Подоходный налог с кооперативных предприятий и общественных организаций местные органы власти обязывались собрать в размере 700 тыс. руб. Наркомфин повысил сумму до 4,650 млн. руб. [3, л. 6]. Налоги и сборы с населения руководство Латвийской ССР обязывались собрать в размере 132,552 млн. руб. Наркомфин утвердил 144,900 млн. руб. [3, л. 7]. Кстати, только в Латвийском бюджете в доходной части указана статья «специальные отчисления по табаку». Латвийское руководство было полностью поддержано НКФ СССР в планах по сборам по этой статье 12 тыс. руб. [3, л. 6].

В Эстонской ССР ситуация несколько отличалась от ситуации в Литовской и Латвийской ССР. По многим налоговым статьям заявки не были собраны. Поэтому Наркомфин сам выставлял суммы, необходимые для сбора с предприятий и населения Эстонии. Это касалось, например, таких статей, как «отчисления от сельхоззаготовок», «подоходный налог с предприятий и организаций», «доходы от сельскохозяйственных иму-

ществ», «доходы от коммунального и жилищного хозяйства», «средства государственного социального страхования» и пр. [3, л. 11–13]. Планируемые суммы по многим статьям органами местной власти были указаны значительно ниже, чем впоследствии утверждались НКФ СССР. Налоги и сборы с населения планировалось собрать в размере 67,491 млн. руб. Наркомфин увеличил эту сумму до 81,900 млн. руб. Зато налог с оборота предполагалось собрать в размере 538,500 млн. руб., но Наркомфин утвердил его в размере 170,058 млн. руб. [3, л. 11].

Особенностью Прибалтийских республик было то, что они представляли собой недавние самостоятельные аграрные государства. Предстояло, по возможности не теряя прибыль, реорганизовать сельское хозяйство таким образом, чтобы развитие его на коллективных началах учитывало и традиционные стремления местных крестьян к самостоятельности. За несколько месяцев советской власти такой процесс наладить было невозможно, однако и в условиях того переходного периода планировалось, что сельское хозяйство региона сможет внести в бюджет государства существенные средства. Предполагалось, что «сельскохозяйственный налог» по Литовской ССР на 1941 г. составит 64,5 млн. руб., по Латвийской ССР – 61,1 млн. руб., а по Эстонской ССР – 32 млн. руб. [3, л. 79]. Изначально Эстония и Литва планировали собрать деньги в меньших объемах: Литва – 54 млн. руб. [3, л. 2], Эстония – 17,191 млн. руб. [3, л. 12]. И только Латвия заявляла о том, что может собрать больше – 82,534 млн. руб. [3, л. 7]. Также согласно плану управления Госстраха в Прибалтийских республиках должны были быть собраны отчисления на предупредительные мероприятия по борьбе с пожарами и падежом скота в местные бюджеты в следующих размерах: по Литовской ССР – 2,230 млн. руб., Латвийской ССР – 1,820 млн. руб., Эстонской ССР – 1,020 млн. руб. [3, л. 66].

Пожалуй, единственный сбор, который местные органы власти Литвы, Латвии и Эстонии хотели собрать в размерах, гораздо мене требуемых НКФ СССР, были денежные средства по статье «Лесной доход». Литва планировала собрать 7,200 млн. руб. Наркомфин увеличил эту сумму до 34,000 млн. руб. [3, л. 3]. Латвия вообще не заявила о сборе денег по этой статье. Наркомфин поручил собрать 21,630 млн. руб. [3, л. 8]. Эстония заявила о сборе 14,433 млн. руб. Наркомфин утвердил сумму 26,850 млн. руб. [3, л. 13].

Изучение истории планирования доходной части бюджетов в Прибалтийских республиках представляет большой интерес. Поскольку все республики как-будто конкурировали между собой, кому удастся собрать

больше денег с населения, предприятий, учреждений и организаций. Больше всех заявили о готовности собрать денежные средства органы власти Эстонии – 668,256 млн. руб. Т.е. на 152,292 млн. руб. больше, чем утвердил в конечном итоге Наркомфин (515,964 млн. руб.) [3, л. 13]. На втором месте по грандиозности планов оказалась Латвия. Латвийское правительство планировало собрать 1017,768 млн. руб. Т.е. на 115,040 млн. руб. больше, чем утвердил Центр (902,728 млн. руб.) [3, л. 8]. Литовские органы власти также заявили о своем желании собрать налогов гораздо больше, чем утвердил НКФ СССР: 881,566 млн. руб. против утвержденных 809,447 млн. руб. [3, л. 3] (т.е. на 72,119 млн. больше).

Для молодых советских республик Прибалтики в их хозяйственной деятельности термин «народное хозяйство» был непривычным. Приходилось перестраивать не только систему хозяйствования, но и сознание людей: как руководителей всех уровней, так и простых тружеников. Под народным хозяйством понималось, в первую очередь, развитие промышленности, сельского хозяйства и коммунальной сферы. Предполагалось, что в 1941 г. больше всего средств будет вложено в развитие народного хозяйства Латвии – 332,602 млн. руб. Т.е., 27,2% расходов всего бюджета республики [3, л. 80]. Хотя изначально органы государственной власти Латвии заявляли о большей сумме в 577,335 млн. руб. [3, л. 9]. На народное хозяйство Литвы предполагалось затратить 268,849 млн. руб., или 33,6% от расходов бюджета республики [3, л. 80]. Хотя Литовская республика изначально просила 631,669 млн. руб. [3, л. 4], т.е. на 54,334 млн. руб. больше чем Латвия. На народное хозяйство Эстонии – 177,572 млн. руб., или 34,8% всего бюджета республики [3, л. 80]. Изначально республика запрашивала 257,344 млн. руб. [3, л. 14], т. е. больше на 79,772 млн. руб.

Недавние Прибалтийские государства традиционно на протяжении долгих лет дорожили частной собственностью. Ослабление ее роли в государственном хозяйствовании Центр предполагал осуществлять постепенно. Это было важно для того, чтобы не настраивать против новой власти население и для того, чтобы процесс перехода от частной собственности к собственности социалистической был менее болезненным. Об этом свидетельствуют данные бюджета республик. Промысловый налог с частных предприятий и промыслов местное руководство планировало собрать в размере 54,000 млн. руб. Наркомфин снизил эту сумму до 20,810 млн. руб. [3, л. 2]. Т.е. Наркомфин, несмотря на уже утвердившуюся в других республиках общественную собственность на средства производства, не только не запретил частную предприни-

материнскую деятельность в Прибалтике, но и снизил налоги частным предпринимателям. Во многом это можно объяснить планами Центра постепенно переводить экономику республики на социалистическое хозяйство. С частных предприятий и промыслов руководством Латвийской ССР планировалось собрать 4,988 млн. руб. Наркомфин, изучив обстановку в республике, утвердил гораздо большую сумму — 18,970 млн. руб. [3, л. 7]. В Эстонии налог с частных предприятий планировалось собрать в размере 10,8 млн. руб. Наркомфин понизил эту сумму до 10 млн. руб. Возможно, опыт уже проводившейся в Советской России в 1920-е гг. новой экономической политики и многочисленные издержки, которые ему сопутствовали, заставили более осторожно относиться к социальным переменам. В то же время, было очевидным, что в Латвии, Литве и Эстонии в скором времени должны были появиться крупные промышленные предприятия, а также предприятия сельского хозяйства — совхозы, колхозы, машинотракторные станции. До 1941 г. машинотракторных станций в Прибалтике не было [2, л. 14]. Предусматривались ассигнования на организацию на территории Прибалтики 115 МТС. Из них 40 в Литве, 50 в Латвии и 25 в Эстонии [3, л. 81]. Кроме того, предприятиям местной промышленности и промкооперации, созданным с 1 января 1941 г., на два года предоставлялись существенные налоговые льготы. Некоторые нетоварные операции, связанные преимущественно с МТС (ремонт автомашин и пр.) освобождались от обложения [2, л. 35-35 об.]. Органы советской власти понимали, что одним из многочисленных слабых мест досоветской Прибалтики было почти полное отсутствие на их территориях электростанций. Вот почему развитию электрификации Латвии, Литвы и Эстонии в планах на 1941 г. отводилось важное место. По этой причине в бюджет были заложены значительные расходы на капитальное строительство. В Литовской ССР на него предполагалось затратить из республиканского бюджета 191,68 млн. руб. Поскольку бюджет Литовской ССР мог покрыть только 136 млн. руб., остальные средства предполагалось выделить из союзного бюджета [3, л. 80]. Капитальные работы, предполагавшиеся провести в Латвийской ССР составляли 180,14 млн. руб. Республиканский бюджет покрывал сумму 147 млн. руб. Капитальные затраты Эстонской ССР составляли 153 млн. руб. Из них 109,12 млн. руб. покрывались республиканским бюджетом [3, л. 80].

Эти сведения очень важны, поскольку, несмотря на запросы денежных средств республик Наркомфин в республиканских бюджетах вносил исправления в расходную и доходную части бюджетов таким образом,

чтобы доходы были равны расходам. Хотя изначально заявленные расходы во всех республиках гораздо превышали доходы. Литовская ССР заявила о необходимости расходования на нужды государства суммы в размере 1361,488 млн. руб. Т.е. на 479,922 млн. руб. больше заявленных ею доходов. Эта сумма Наркомфином СССР была снижена до 809,447 млн. руб. [3, л. 5] Эстония заявила о необходимости денежных средств на расходы республики в размере 698,186 млн. руб. [3, л. 15]. Т. е. на 29,930 млн. руб. больше запланированных изначально доходов.

Представляет интерес тот факт, что в Москве уже сформировался свой взгляд на перспективу развития Прибалтийских республик. Предполагалось, что наиболее активно промышленность будет развиваться в Латвии. В ее промышленность в 1941 г. планировалось вложить 148,442 млн. руб., тогда как в промышленность Литвы – лишь 86,149 млн. руб., а в промышленность Эстонии еще меньше – 27,540 млн. руб. Изначально Латвия запрашивала 319,648 млн. руб., Литва – 196,690 млн. руб., Эстония – 66,650 млн. руб. Примерно на одинаковом уровне предполагалось финансирование сельского хозяйства: в Литве – 64,720 млн. руб., Латвии – 67,200 млн. руб. и Эстонии – 50,250 млн. руб.

Планировалось, что в Латвии успешно будут развиваться такие отрасли, как среднее машиностроение, пищевая промышленность (в т.ч. сахарная, табачная, кондитерская, пивоваренная, ликеро-водочная), легкая промышленность, лесная промышленность (в т.ч. спичечная) и пр. В Литве ожидалась успешная работа именно в сфере пищевой промышленности, а в Эстонии делался акцент на легкую промышленность (кожевенно-обувная, валяльно-войлочная, трикотажная, моховая), но в меньшей степени, чем в Латвии, а также на лесную промышленность на том же уровне, что и в Латвии. Ожидалось, что именно в Эстонии в гораздо больших масштабах, нежели в Латвии и Литве, будет успешно развиваться деятельность потребительской кооперации [3, л. 56].

В плане капитальных работ по Прибалтийским республикам предусматривалось вложить средства в речной транспорт в Литве (2,5 млн. руб.) и Латвии (5 млн. руб.), в морской флот в Латвии (10 млн. руб.) и Эстонии (8,25 млн. руб.), угольную промышленность в Эстонии (5,5 млн. руб.), в химическую промышленность в Латвии (2 млн. руб.) и Эстонии (9,5 млн. руб.), электропромышленность в Латвии (7 млн. руб.) и Эстонии (2,5 млн. руб.), среднее машиностроение в Латвии (7 млн. руб.) [3, л. 95].

На дорожное хозяйство Латвия просила 60,059 млн. руб. (НКФ СССР утвердил 23,400 млн. руб.) [3, л. 9], Литва – 51,165 млн. руб.

(утверждено 22,390 млн. руб.), Эстония – 40,789 млн. руб. (утверждено 20,870 млн. руб.) [3, л. 14].

Ни одна республика не подала заявку на развитие средств связи. Наркомфин сам определил суммы, необходимые для развития этой отрасли [3, л. 4, 9, 14].

Только в бюджете Эстонской ССР указана статья расходов «Гражданский воздушный флот». Эстонские власти заявку не подали, но НКФ СССР решил выделить на развитие этой отрасли 752000 руб.

В документе «Баланс доходов и расходов по торгам Прибалтийских союзных республик на 1941 год» была подсчитана выручка от реализации товаров в розничной сети. Наибольший показатель в Литве – 365 тыс.руб. и оценена выручка от реализации товаров в предприятиях общественного питания. Наибольший показатель в Латвии – 40 тыс. руб. [3, л. 34].

Прибалтийские республики не подали заявок на развитие кинофикации. НКФ СССР внес правку сам [3, л. 4, 9]. В документе «Баланс доходов и расходов по кинофикации на 1941 год» помимо расходов были спланированы доходы от эксплуатации киносети: прибыль, налог с кино, прибыль от подсобных предприятий и мероприятий (мастерские, буфеты и пр.). Наибольший доход в 1941 г. планировалось получить в Латвийской ССР – 11,75 млн. руб. В Литовской ССР – 10,19 млн. руб., в Эстонской ССР – 6,17 млн. руб. [3, л. 22].

Важной особенностью бюджета Прибалтийских республик на 1941 г. было то, что на социально-культурную сферу предполагалось нацелить основные средства из бюджета. На осуществление социально-культурных мероприятий Латвийской ССР – 454,207 млн. руб. (50,8% от всех расходов бюджета), Литовской ССР – 410,597 млн. руб. (51,3%), Эстонской ССР – 269,116 млн. руб. (52,7%) [3, л. 80]. Таким образом, несмотря на опасность надвигающейся войны, которую осознавали многие, более половины расходов предполагалось осуществить именно на просвещение, здравоохранение и социальное обеспечение граждан Латвии, Литвы и Эстонии. Вероятно, те планы были следствием продуманной государственной политики. Москве было важно, чтобы граждане новых союзных республик на себе ощутили государственную заботу. Кроме того, немалую роль играла и идеологическая составляющая. Новым гражданам Советского Союза нужно было прививать социалистические ценности, что без инструментов, которыми обладали социальные институты, сделать было невозможно. Стало быть, и развивать их необходимо было в первую очередь. Даже обмен у граждан прежних паспор-

тов на советские паспорта планировалось осуществить исключительно за счет средств центрального бюджета СССР [2, л. 45].

Планирование расходов на просвещение в республиках советской Прибалтики имело свои особенности. Союзное руководство осознавало грандиозность задач, стоявших перед начальной и средней школой, перед системой средне-специального и высшего образования. В деятельность всех учебных заведений непросто вносились значительные изменения – менялась сама концепция образования. Все обучаемые в той или иной мере должны были пройти курс обучения на русском языке; все учебные программы должны были быть сориентированы на ценности социалистического общества. При этом программы должны были деликатно отнестись к национальным чувствам латышей, литовцев и эстонцев, а также представителей других народов, населявших эти республики. Все это требовало дополнительных материальных вложений. Кроме того, в досоветских Прибалтийских государствах их внутренняя политика не поощряла образование широких слоев населения. Это видно на примере истории Латвии: «Такой подход озвучивала печать, писавшая, что чрезмерное образование опасно любому народу. Против допуска большинства к высшему образованию открыто выступал министр просвещения.

Важным препятствием для получения школьного образования в Латвии было тяжелое экономическое положение в семьях простых граждан. Многие дети школьного возраста не могли посещать школы, так как родители были вынуждены посылать их на заработки. По данным официальной статистики, в 1935 г. вне школы оставалось 16% детей 8–14-летнего возраста, в Латгалии – 23%. К концу периода правления Улманиса 11% населения было неграмотным. Сократилось и количество студентов. Например, в Латвийском университете в 1939/40 учебном году обучалось на 25% меньше студентов, чем в 1933/34 г. А за время существования независимой Латвии университет окончила лишь третья часть всех принятых студентов» [1, с. 243].

24 января 1941 г. Наркомфин СССР подписал документ «Замечания по проекту народнохозяйственного плана Литовской, Латвийской и Эстонской ССР на 1941 год». В нем отмечалось, что Прибалтийские республики имеют свою специфику в организации образования. В частности, в них действовала система низшего профтехнического образования, в рамках которой в 1941 г. обучалось 10948 человек. В Латвии к моменту составления плана на 1941 г. уже имелся опыт работы народных университетов для взрослых, в которых обучавшиеся имели

возможность получить среднее образование. К 1 января 1941 г. в них обучалось 9200 человек. Такая форма учебы была весьма актуальна, поскольку в тот момент в Латвии по уточненным данным проживало 40 тыс. неграмотных взрослых [3, л. 77].

Актуальной в Прибалтике была и проблема воспитания и обучения детей, оставшихся без родителей. Только в Латвии в детских домах проживало 3267 детей, а в Литве – 6000 детей [3, л. 77]. Все это вынуждало власти увеличивать расходы на образование различных категорий граждан республик Прибалтики. На просвещение в Литовской ССР было выделено 252,7 млн. руб., в том числе на подготовку кадров – 59,4 млн. руб. В Латвийской ССР запланировано 248,9 млн. руб., в том числе 59,9 – на подготовку кадров. Расходы на просвещение в Эстонской ССР составили 168,4 млн. руб., в т.ч. на подготовку кадров – 43,8 млн. руб. [3, л. 81]. Планировалось, что в Литовской ССР в начальных, неполных средних и средних школах будет обучаться 379,1 тыс. человек, в техникумах – 7123 учащихся и в вузах – 6765 человек. В Латвийской ССР число учащихся в начальных, неполных средних и средних школах должно было составить в 1941 г. 258,5 тыс., в техникумах – 12446, а в вузах – 10581. В Эстонской ССР количество учащихся в начальных, неполных средних и средних школах должно было обучаться 137,4 тыс. учащихся, в техникумах – 10581 и в вузах – 5482.

Социальная специфика Латвии, Литвы и Эстонии диктовала порядок организации медицинского обслуживания населения. Если в городах оно было удовлетворительным, то в сельской местности его практически не было. Поскольку в Прибалтийских республиках преобладали хутора, лечебные заведения, в частности, фельдшерские пункты, необходимо было обустраивать таким образом, чтобы медицинские работники, находясь в них, в случае необходимости могли оказать помощь максимальному количеству больных, проживавших в доступном радиусе от медицинского пункта. План финансирования здравоохранения в 1941 г. предусматривал выделение средств на учреждение и развитие научно-лечебных и лечебно-профилактических учреждений, больниц городских, клинических, сельских, амбулаторий городских и сельских, учреждений по борьбе с туберкулезом, в том числе туберкулезных больниц, санитарных учреждений и мероприятий, городских и сельских родильных домов, лечебно-профилактической помощи детям, детских больниц [3, л. 23-27]. За полгода с лета 1940 г. было увеличено число врачебных должностей: в Латвии – с 1379 до 1700, в Эстонии – с 661 до 780.

На здравоохранение в Латвийской ССР было утверждено 143,064 млн. руб. [3, л. 9], в Литовской ССР – 118,845 млн. руб. [3, л. 4], в Эстонской ССР – 68,968 млн. руб. [3, л. 14].

Прямая социальная помощь в 1941 г. была предоставлена 36065 человекам в Литовской ССР, кроме того в созданных Домах инвалидов содержалось 9090 человек. В Латвийской ССР прямое социальное обеспечение получали 62839 человек и такой же число людей в Домах инвалидов, как и в Литве. В Эстонской ССР проживало 39165 социально обеспечивавшихся человек. В Домах инвалидов Эстонской ССР содержалось 8030 человек [3, л. 82].

Отдельной очень важной проблемой стали реорганизация управленческого аппарата и суда. Эти сферы как никакие другие были пронизаны новой идеологией – идеологией марксизма-ленинизма, что прежде сотрудникам органов власти и суда было незнакомо. Управлять республиками и соблюдать в них социалистическую законность были вынуждены в подавляющем большинстве люди убежденные в правоте своих идей, но совершенно не имевшие практического опыта работы по специальности. Центральное руководство было вынуждено направить в Латвию, Литву и Эстонию квалифицированных специалистов в области управления и судопроизводства. При этом важно было сочетать квалификацию новых кадров с деятельностью местных сотрудников, отсутствие которых в органах власти могло бы иметь негативные последствия. Для соблюдения такого баланса была необходимость укрепления проводимой политики с помощью рубля. В 1941 г. планировалось затратить на развитие органов управления и суд в Литве – 97,650 млн. руб. (12,1% от всех расходов бюджета), Латвии – 80,172 млн. руб. (9%) и в Эстонии – 54,273 млн. руб., что составляло 10,6% от общих расходов бюджета.

Как известно, начавшаяся Великая Отечественная война не позволила сбыться тем планам. Но первый «набросок» экономического вхождения Прибалтики в состав СССР убеждает в том, что работа эта осуществлялась вдумчиво и основательно.

Список источников и литературы:

1. Воробьева Л.М. История Латвии от Российской империи к СССР. М.: Изд-во «ФИВ», 2011. 384 с.
2. Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ). Ф. 7733. Оп. 26. Д. 927.
3. РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 26. Д. 928.

Великая Отечественная война и послевоенное общество в СССР

УДК 94(47).084.8

Ходяков М. В.

д-р ист. наук, профессор, зав. кафедрой новейшей истории России,
Санкт-Петербургский государственный университет
(г. Санкт-Петербург)

«Литерный откорм процветает баснословно»: продовольственные привилегии в блокированном Ленинграде. 1941–1943 гг.

В статье анализируется проблема специального обеспечения некоторых категорий населения Ленинграда продовольствием. Автором показано, что в блокированном вражескими войсками городе существовала строгая иерархия потребления. Постановлениями Военного Совета Ленинградского фронта и Ленинградского городского комитета ВКП(б) определялись группы населения, которые снабжались продовольствием в льготном порядке. Авторы указывают, что для партийных и советских функционеров, высокопоставленных работников промышленных предприятий создавались особые условия получения продуктов питания. Делалось это посредством выдачи им специальных карточек и прикрепления к столовым закрытого типа, посещение которых становилось жизненно важным в условиях продовольственной катастрофы, постигшей Ленинград зимой 1941–1942 годов.

Сложившаяся система свидетельствовала о том, что руководители города сознательно проводили курс на поддержку прежде всего тех категорий населения, которые должны были приближать победу и способствовать развитию Ленинграда после окончания войны.

Ключевые слова: блокадный Ленинград, иерархия потребления, 1941–1943 гг.

The article analyzes the problem of special provision of food for certain categories of the population of Leningrad. The author shows that in the besieged city there existed a strict hierarchy of consumption. Resolutions of the Military Council of the Leningrad Front and the Leningrad Municipal Committee of the AUCP(b) defined groups of people who were supplied with food in a preferential order.

The author points out that for the Party and Soviet functionaries, high-ranked managers of industrial objects there were created special conditions for obtaining food. This was done through issuing of special cards for the people of these categories.

ries of population, who were attached to the special closed-type canteens. To visit such canteens became vital under conditions of a food catastrophe that befell Leningrad in the winter of 1941–1942.

The existed system indicated that the city leaders deliberately pursued the policy of support of those special population groups that were to contribute to the victory and to the development of Leningrad in the post-war period.

Keywords: besieged Leningrad, hierarchy of consumption, 1941–1943.

Нормированное снабжение жителей Ленинграда в годы Великой Отечественной войны неоднократно становилось предметом рассмотрения не только в исследовательских работах, но и в документальных публикациях минувших лет. Однако, несмотря на обилие трудов по данной проблеме, многие историки были вынуждены освещать проблему в соответствии с официальными установками своего времени. Так, бывший уполномоченный Государственного Комитета Оборона по обеспечению продовольствием Ленинграда и Ленинградского фронта Д.В. Павлов, автор неоднократно переиздававшейся многотысячными тиражами книги «Ленинград в блокаде», рассуждая о продовольственных проблемах в городе, отмечал: «Принятые партийной организацией меры позволили оградить население от спекулянтов, жуликов и объедал. Какие-либо привилегии тем или иным группам или отдельным лицам не допускались. Продовольствия было мало, но каждый человек знал, что его паек не позволят съесть никому другому и то, что полагалось получить, он получит» [9, с. 117]. Таким образом, иерархия потребления, существовавшая в блокированном фашистами Ленинграде, в советское время не могла быть предметом рассмотрения историков. К тому же материалы Управления нормированного снабжения, образованного в структуре Наркомата торговли СССР в 1944 г., не давали оснований для исчерпывающего анализа процессов, связанных с обеспечением населения города продовольственными и промышленными товарами [8, с. 36].

Однако в последние десятилетия ситуация изменилась кардинальным образом. Появились серьезные работы, в которых старый миф был полностью развенчан. Так, петербургский историк С.В. Яров в свое время заметил: «Система привилегий в блокадном Ленинграде ни для кого не являлась тайной... Преимуществом пользовались люди, находившиеся у власти и “нужные” специалисты...» [21, с. 411]. В своей

«Блокадной этике», анализируя вопрос о привилегиях при обеспечении продовольствием различных социальных групп в осажденном городе, он отмечал, что сама мысль об этом многим не казалась греховной: «С раздражением говорили о “смольнинских” пайках, но понимали, что нельзя в равной степени оценивать труд в “горячих” цехах и уборку территорий остановленных заводов». Такого рода «неравенство» не могло «восприниматься как нарушение этики еще и потому, что работа во внеурочное время, объем обязанностей и степень ответственности представителей власти позволяли быть оправданием лучшего вознаграждения их заслуг» [21, с. 412].

Н.А. Ломагин развил эту тему – он ввел в научный оборот комплекс документов, свидетельствующих об иерархии потребления в осажденном городе. При этом историк заметил, что «... в руках партийного руководства оставались важнейшие привилегии в период блокады, связанные с распределением продовольствия, которые были недоступны тому же НКВД» [5, с. 20–21, 37–38; 6, с. 151]. Партийные и советские органы, не говоря уже об уровне Военного Совета, Горкома и Обкома ВКП(б), тягот голода в дни блокады на себе практически не ощущали. Управление НКВД ЛО в своих спецдонесениях конца 1941 г. информировало секретаря Ленинградского Горкома ВКП(б) Я.Ф. Капустина о вопиющих нарушениях в сфере распределения продовольствия со стороны руководителей Приморского района города [6, с. 152, 179–180]. По мнению Н.А. Ломагина, получение в блокадном Ленинграде сотрудниками Смольного и руководителями среднего партийного звена дефицитных продуктов «немыслимых для простых горожан даже по меркам мирного времени... не считалось зазорным. Более того, это, вероятно, было нормой» [6, с. 153]. Важная информация о продовольственном положении города и меняющихся настроениях ленинградцев содержится в опубликованных Н.А. Ломагиным документах германских спецслужб и НКВД [5; 7, с. 108–427].

Вопросы обеспечения ленинградцев продовольствием отражены в статьях [10, с. 70–96; 11, с. 72–87; 15, с. 8–21], а также в трилогии известного петербургского историка Г.Л. Соболева [12; 13; 14].

В настоящей статье автор, основываясь на материалах Главного управления ленинградских столовых, ресторанов и кафе (Ленглавресторана), до недавнего времени недоступных исследователям, а также постановлениях Ленинградского горкома ВКП(б) и мемуарных свидетельствах рассматривает процесс эволюции системы «продовольственных привилегий» (дополнительного питания) в начальный период

блокады. При этом вопросы нормированного обеспечения населения продовольствием (деятельность городского управления по учету и выдаче продовольственных и промтоварных карточек при исполкоме Ленгорсовета) в настоящей публикации не рассматриваются.

Сегодня хорошо известно, что руководители города военной поры, стремясь исправить многочисленные просчеты и ошибки, связанные с обеспечением населения Ленинграда продовольствием, принимали отчаянные шаги, направленные на изменение положения. Так, А.А. Жданов на протяжении войны неоднократно встречался в своем кабинете с заместителем председателя Ленгорсовета и заведующим отделом торговли И.А. Андреенко. С целью согласования продовольственных вопросов и выработки соответствующих решений бывал на приеме у первого секретаря ЛПК и ЛОК также начальник Главного управления ленинградских столовых, ресторанов и кафе (Ленглавресторан) А.И. Фельдман [3, с. 142, 159, 186, 251, 288].

Анализируя причины трагической ситуации в городе в конце 1941 г., современные исследователи неоднократно указывали на то, что «продуктовая корзина» высокопоставленных руководителей в это время существенно отличалась от того набора продуктов, которыми были вынуждены довольствоваться простые ленинградцы [6, с. 151–152; 12, с. 227].

Действительно, на основании решения исполкома Ленгорсовета от 17 декабря 1941 г. за № 885/с уже 18 декабря появилось секретное указание А.И. Фельдмана, разосланное директорам трестов столовых всех районов города. В нем предлагалось установить на декабрь 1941 г. особый порядок «отпуска питания» партийным и советским работникам. Указание предусматривало выдачу ужинов без продовольственных карточек секретарям райкомов ВКП(б), председателям исполкомов районных советов, их заместителям и секретарям исполкомов районных советов депутатов трудящихся за символическую плату «из расчета 3 руб. за ужин на одного человека» [18, л. 205], (в декабре 1941 г. цена 100 гр хлеба на черном рынке составляла 30–50 руб.) [1, с. 502].

Особый режим питания для этих категорий сохранялся и позже. Указанием А.И. Фельдмана от 6 июля 1942 г. устанавливались месячные нормы, а также лимит на льготное питание для работников РК ВКП(б), исполкомов райсоветов, РК ВЛКСМ и других районных организаций с утверждением списков прикрепленных к столовым исполкомов райсоветов и РК ВКП(б) [16, л. 174].

В конце декабря 1941 г. распоряжением И.А. Андреенко, которого блокадники нередко называли «Отцом Пищи», единовременная про-

даже без продовольственных карточек масла, консервов, яиц, сахара, печенья, шоколада, муки и виноградного вина была организована для академиков и членов-корреспондентов Академии наук СССР. Кроме 22 сотрудников АН СССР в декабре 1941 – январе 1942 г. продовольственную помощь получили 20 преподавателей ЛИСИ, 4 – ЛГПИ им. Герцена, группа сотрудников ЛГУ (ректор, деканы факультетов, заведующие некоторых кафедр). Они прикреплялись к специальному магазину по личному распоряжению И.А. Андреевко и получали возможность помимо карточек, отовариваемых в обычном порядке, приобретать установленную ежемесячную норму продовольствия [4, с. 209, 588].

«Льготные обеды» представляли собой обеды без погашения талонов из продовольственных карточек («безвырез») по установленным нормам, которые осенью 1942 г. составляли: крупа – 40 гр, мясо – 30 гр, жиров – 7 гр, сахара – 10 гр) [16, л. 150].

Обращает на себя внимание и факт существования в Ленинграде специальных столовых для сотрудников райисполкомов, «партактива» и членов районных комитетов ВКП(б). Так, в октябре 1942 г. в Дзержинском районе к столовой № 18 (ул. Чайковского, 45, райисполком) были прикреплены 476 человек с «магазинными карточками», 26 – со «столовыми», а также 100 человек, обедавших по льготным нормам. В столовой № 19 (ул. Гагаринская, 3) обслуживались 300 человек «партактива», а в столовой № 8 (ул. Чайковского, 17) – 321 сотрудник райкома ВКП(б), из них 150 человек – по льготным нормам. К категории льготников были отнесены и другие группы «прикрепленных»: работники Ленэнерго (1 284 человека) – столовые № 7 и 10 (ул. Халтурина, 2 и набережная канала Грибоедова, 6/2); работники эвакуационного пункта (14 человек) – столовая № 10; работники ремонтно-жилищного управления и восстановления канализации (33 человека) – столовая № 25 (ул. Моховая, 37); работники АТС (19 человек) – столовая № 44 (наб. Фонтанки, 3) [17, л. 201].

Особый порядок питания к тому моменту был определен и для тех, кто руководил производством. 7 октября 1942 г. директора трестов столовых всех районов Ленинграда получили «совершенно секретный» приказ № 728/сс за подписью А.И. Фельдмана. В нем говорилось об улучшении питания руководящих работников промышленных предприятий. Приказ определял перечень руководящих работников, имеющих право на получение специальных обедов. К таковым были отнесены: директора предприятий, их заместители и помощники, главные инженеры, главные механики, главные конструкторы, главные тех-

нологи, главные энергетики, главные диспетчеры, начальники отделов, начальники цехов, сменные инженеры ведущих цехов, парторги ВКП(б), секретари партийных и комсомольских общезаводских организаций, председатели общезаводских фабзавкомов. Данное решение было принято в соответствии с постановлением Военного Совета Ленинградского фронта от 1 октября 1942 г. и ЛГК ВКП(б) от 6 октября 1942 г. [17, л. 214–215].

Прорыв блокады Ленинграда и некоторое улучшение продовольственного положения города привели к тому, что 31 июля 1943 г. бюро Обкома и Горкома приняли постановление «О снабжении руководящих работников партийных, комсомольских, советских, хозяйственных и профсоюзных организаций». Постановление имело гриф «совершенно секретно» и являлось отражением тех принципов нормированного снабжения отдельных категорий населения, которые были определены постановлением союзного правительства от 12 июля за № 757-224 с [19, л. 1–1 об.].

С 1 августа 1943 г. устанавливался особый порядок снабжения продовольствием работников партийных, комсомольских, советских, хозяйственных и профсоюзных организаций по трем категориям. Первая (1150 человек) и вторая (1350 человек) обеспечивались продовольственными карточками по группе рабочих и ИТР, отпуском литерных обедов и сухих пайков по специальным нормам. Третья категория (2000 человек) получала продовольственные карточки по группе рабочих и ИТР, а также обеды «по нормам продовольственной карточки», но без хлеба [4, с. 258].

В дополнение к повышенным нормам выдачи продуктов постановление обязывало начальника Ленглавресторана организовать к 29 июля 1943 г. столовые закрытого типа для обслуживания руководящих работников «с организацией по желанию столоующихся двух- или трехразового питания». Одновременно начальник Ленинградской конторы «Спецторг» должен был организовать к 31 июля 1943 г. «три специальных закрытых магазина» для отпуска руководящим работникам сухих пайков [19, л. 1 об.].

В первую категорию по снабжению были отнесены не только Ленинградский горком ВКП(б) – 38 человек, райкомы ВКП(б) – 144 человека, горком ВЛКСМ – 7 человек, исполком Ленгорсовета – 13 человек, исполкомы районных Советов – 96 человек, но и руководство Ленглавресторана – 3 человека, а также управление НКВД – 50 человек, районные управления НКВД – 17 человек, директор Институт истории ВКП(б),

ответственный секретарь Комиссии по установлению злодеяний немецко-фашистских захватчиков и т.д. [20, л. 2–8].

К тому времени литературное питание в Ленинграде получали также семьи адмиралов, генералов и Героев Советского Союза (100 человек), некоторые категории командного состава (120 человек), руководители крупных промышленных предприятий (250 человек) [4, с. 258].

В 1943 г. обладателями вожеленных литерных карточек смогли стать и некоторые представители науки. Для этого непременно нужно было иметь ученую степень. Известный востоковед А.Н. Болдырев 2 сентября 1943 г. записал в дневнике: «С утра всем кандидатам, доцентам и некоторым уполномоченным Академии давали литера – а мне нет... Идиотский Обком забыл упомянуть, что я кандидат наук». Через день отчаяние сменилось радостью: «Сегодня свершился, наконец, великий пищевой поворот: получена легендарная литерная карточка... Это еда, стоящая на уровне довоенного хорошего ресторанного кормления. Еще плюс – дают сахару 2 кг, масло, мясо, картофель, вино и т.п. Это гораздо больше, чем нужно и можно одному человеку». При этом А.Н. Болдырев с горечью признает, что достигнутое им продовольственное благополучие представляет собой «слишком разительную и резкую разницу с армией достойных, истинно трудящихся, никак не забывших последствий Страшного Времени, живущих на одной служащей карточке». Одновременно с этим А.Н. Болдырев в конце ноября 1943 г. констатировал: «Литерный откорм процветает баснословно» [2, с. 302, 309].

Разделение населения блокированного Ленинграда на «сытых» и «голодных» явственно прослеживается в документах военной поры. Такое положение вещей в ходе заседаний ЛГК ВКП(б) признавали и сами руководители города. Вместе с тем, обеспечение отдельных категорий населения специальными продовольственными карточками и дополнительными обедами носило продуманный характер. Особое питание для доноров крови – 16 тыс. человек на август 1943 г. [4, с. 258], дополнительные пайки для комсостава и руководителей промышленных предприятий, сотрудников НКВД, постепенное увеличение норм продовольствия для работников науки, искусства и литературы свидетельствовали об уверенности руководителей Ленинграда в том, что именно эти группы населения не только будут активно способствовать работе на нужды фронта, но и займут видное место в структуре городского населения после окончания войны.

Список источников и литературы:

1. Блокадные дневники и документы (серия: «Архив Большого Дома») / Сост. С.К. Бернев, С.В. Чернов. СПб.: «Европейский дом», 2004. 512 с.
2. Болдырев А.Н. Осадная запись (Блокадный дневник). СПб.: «Европейский дом», 1998. 365 с.
3. Журнал посещений А.А. Жданова. 1941–1944 гг. / Отв. ред. К.А. Болдовский. СПб.: Национальный центр социальной помощи, 2014. 396 с.
4. Ленинград в осаде. Сборник документов о героической обороне Ленинграда в годы Великой Отечественной войны. 1941–1944 / Отв. ред. А.Р. Дзенискевич. СПб.: «Лики России», 1995.
5. Ломагин Н.А. В тисках голода. Блокада Ленинграда в документах германских спецслужб, НКВД и письмах ленинградцев. 2-е изд. СПб., 2014. С. 20–21, 37–38.
6. Ломагин Н.А. Неизвестная блокада. Кн. 1. 2-е изд. СПб., 2004. С. 151.
7. Ломагин Н.А. Неизвестная блокада. Кн. 2. 2-е изд. СПб., 2004. С. 108–427.
8. Орлов И.Б. Карточное снабжение в 1941–1943 гг.: расчеты и просчеты // Современные проблемы сервиса и туризма. 2010. № 3. С. 36.
9. Павлов Д.В. Ленинград в блокаде. 6-е изд. Л., 1985. С. 117.
10. Соболев Г.Л. Блокада Ленинграда: от новых источников к новому пониманию // Новейшая история России. 2012. № 3 (5). С. 70–96.
11. Соболев Г.Л. Блокада Ленинграда: постижение правды // Новейшая история России. 2012. № 2 (4). С. 72–87.
12. Соболев Г.Л. Ленинград в борьбе за выживание в блокаде. Книга первая: июнь 1941 – май 1942. СПб.: Издательство СПбГУ, 2013. 696 с.
13. Соболев Г.Л. Ленинград в борьбе за выживание в блокаде. Книга вторая: июнь 1942 – январь 1943. СПб.: Издательство СПбГУ, 2015. 542 с.
14. Соболев Г.Л. Ленинград в борьбе за выживание в блокаде. Книга третья: январь 1943 – январь 1944. СПб.: Издательство СПбГУ, 2017. 764 с.
15. Соболев Г.Л., Ходяков М.В. Продовольственная комиссия Военного Совета Ленинградского фронта в 1942 году // Новейшая история России. 2016. № 1 (15). С. 8–21.
16. ЦГА СПб. Ф. Р-5379. Оп. 2. Д. 1.
17. ЦГА СПб. Ф. Р-5920. Оп. 2. Д. 3.
18. ЦГА СПб. Ф. Р-5920. Оп. 1. Д. 1.
19. ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2. Д. 5235.
20. ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 2. Д. 4707.
21. Яров С.В. Блокадная этика. Представления о морали в Ленинграде в 1941–1942 гг. М., 2012. С. 411.

УДК 323.22/28

Мусаев В. И.

д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник
С.-Петербургского института истории РАН
(г. Санкт-Петербург)

Специфика советской национальной политики в период Великой Отечественной войны и в первые послевоенные годы (1941–1953 гг.)¹

В период Великой Отечественной войны произошли изменения в советской национальной политике, задача которой заключалась в сплочении народов страны в борьбе с внешним врагом. Это выразилось, прежде всего, в усилении пропаганды дружбы народов Советского Союза. Параллельно эксплуатировался русский и в целом восточнославянский фактор, акцент делался на исторических связях славянских народов и традиции их борьбы с немецкими захватчиками. Также была пересмотрена церковно-религиозная политика в сторону некоторой либерализации. С другой стороны, ряд национальностей подвергся репрессиям по подозрению или по обвинению в коллаборационизме. Национальные депортации 1941 г. и 1943–1944 гг. явились логическим продолжением подобного рода операций середины – второй половины 1930-х гг., однако теперь они имели совершенно откровенный характер репрессий по сугубо этническому признаку (в противоположность завуалированности социально-политической риторикой, характерной для 1930-х гг.).

Ключевые слова: война, национальная политика, патриотизм, национальные преследования, депортации.

The article deals with the Soviet ethnic policy after 1941, which underwent significant alterations under the war conditions. Goal of this policy was consolidation of all Soviet peoples for struggle against the enemy. It manifested itself mainly in intensification of propagating friendship of the peoples of the Soviet Union, as well as in exploiting the Russian and the Slavic factor as a whole, stress being made upon historic links between the Slavic peoples and traditions of their struggle against the German invaders. The religious policy was also revised in the sense of some liberalization. On the other hand, some peoples underwent oppressions on suspicion or accusation of collaborationism. National deportations of 1941 and 1943–1944

¹ Работа выполнена в рамках проекта «Исторический опыт управления этническим разнообразием и этно-конфессиональными конфликтами в имперской, советской и постсоветской России: междисциплинарное исследование», при финансовой поддержке Российского научного фонда, грант № 15-18-00119.

looked like logical continuation of the operations of the similar kind, carried out in the middle and the second half of the 1930s, but this time they had quite outspoken character of persecutions on purely ethnic grounds, while in the 1930s such actions had been disguised with social-political rhetoric.

Keywords: war, national policy, patriotism, national persecutions, deportations.

Нападение нацистской Германии на СССР в июне 1941 г. неизбежно повлекло за собой, помимо прочего, и появление новых черт в национальной политике, которая также должна была служить целям мобилизации масс на фронте и в тылу на борьбу с врагом. Была усилена пропаганда советского патриотизма и дружбы советских народов. Параллельно наблюдалось выделение русского и в целом восточнославянского национально-патриотического фактора, акцент делался на исторической связи славянских народов и их вековой борьбе с немецкими захватчиками, в пропаганде активно использовались героические страницы истории русского народа. По мнению исследователя советской национальной политики в годы Великой Отечественной войны Ф. Л. Синицына, это не свидетельствовало о коренной перестройке государственной идеологии: «Национальные чувства были для коммунистической власти СССР лишь своеобразным “меньшим злом”, которое следовало использовать ради достижения высокой цели – наиболее эффективной мобилизации народа на борьбу с врагом» [16, с. 43].

Одновременно началось культивирование ненависти к захватчикам. По приказу Главного политического управления от 10 декабря 1941 г., в армейских печатных изданиях лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» заменялся на лозунг «Смерть немецким оккупантам!», такая же замена производилась на знаменах воинских частей [16, с. 40]. Идеология ненависти к немецким оккупантам распространялась средствами литературы и публицистики – достаточно вспомнить хорошо известные высказывания А. Н. Толстого, К. М. Симонова, И. Г. Эренбурга. В то же время, чтобы не допустить уклona в шовинизм и откровенную германофобию, в вопросе отношения к немецкому народу советскому руководству приходилось балансировать. В речи, произнесенной 23 февраля 1942 г., И. В. Сталин уточнил, что у Красной Армии «нет и не может быть расовой ненависти к другим народам, в том числе и к немецкому народу». Выступая 1 мая того же года, он отмечал, что «для германского народа всё яснее становится, что единственным выходом из создавшие-

гося положения является освобождение Германии от авантюристической клики Гитлера–Геринга» [17, с. 46, 52–53].

Интересно также отметить возвращение в начальный период войны к практике формирования национальных частей в составе Красной армии. Впервые такая практика стала применяться во время первой мировой войны, когда в составе русской армии были сформированы Кавказская туземная дивизия, чехословацкая дружина, переформированная затем в корпус, латышские стрелковые батальоны и сербская дивизия. Затем национальные части широко применялись красными во время гражданской войны (латышские, эстонские, финские, венгерские, башкирские и другие батальоны, бригады и полки). В 1920-е – 1930-е гг. от такой практики в советском военном строительстве отошли. Единственное исключение составила тогда Карельская егерская бригада (имевшая, впрочем, не столько национальный, сколько территориальный характер), которая, однако, в середине 1930-х гг. была распущена, при этом часть её командного состава подверглась репрессиям по обвинениям в национализме и шпионаже [18, с. 98–99].

Причина, побудившая советское командование осенью 1941 г. возродить практику формирования национальных подразделений, заключалась в том, что по мере расширения призыва в действующую армию в составе призывных контингентов обнаружилось немало людей, слабо или совсем не владевших русским языком. Поэтому важно было наладить работу с личным составом на родном языке. Другим фактором был идеологический – требовалось продемонстрировать вклад отдельных народов в борьбу с оккупантами. Всего было сформировано два национальных стрелковых корпуса, 21 стрелковая и 20 кавалерийских дивизий, ряд бригад, полков и батальонов, общей численностью около 770 тыс чел [8, с. 34]. Однако уже в 1942 г. началось расформирование национальных частей. Вызвано это было, прежде всего, тем, что по мере обучения бойцов военному делу и русскому языку надобность в таких соединениях отпадала. Тогда же был отменен призыв в действующую армию для ряда малочисленных национальностей. Отзыв с фронта представителей некоторых других народов (например, увольнение в запас в марте 1942 г. чеченцев и ингушей, перевод в тыловые части финнов) был связан с сомнениями в их лояльности. Были сохранены лишь литовская и латышская стрелковые дивизии и эстонский стрелковый корпус, в чём опять же не последнюю роль сыграли идеологические соображения: противопоставить эти формирования легионам «Ваффен СС» и другим прибалтийским частям на

службе вермахта и показать, что далеко не всё население Прибалтики поддерживает немецких оккупантов [10, с. 117–122].

Период Великой Отечественной войны был ознаменован рядом новых национальных депортаций. Они могут быть разделены на два этапа. На первом этапе – во второй половине 1941 г. и отчасти в 1942 г. – высылкам с неоккупированных территорий подверглись этнические немцы и представители «титულных» национальностей других государств, участвовавших в войне на стороне Германии (таковых, впрочем, за исключением финнов, на советской территории было очень немного, к тому же они проживали в основном в западных областях страны, в первые же дни войны оккупированных немцами (венгры, словаки, румыны), и в отношении их применить такие меры просто не успели). Самым масштабным мероприятием в этом ряду была ликвидация Автономной Республики немцев Поволжья, образованной в конце 1923 г. Это было сделано на основании указа Президиума Верховного Совета СССР «О переселении немцев, проживающих в районе Поволжья» от 28 августа 1941 г. В соответствии с этим указом, в сентябре – октябре из ликвидируемой республики было депортировано около 440–445 тыс. чел (по различным данным – 446 480 или 438 280), которые были отправлены в отдаленные районы Казахстана, Средней Азии и Западной Сибири [6, с. 27–46]. В последующие месяцы депортации коснулись почти всего немецкого населения, проживавшего в областях Европейской России, не занятых вермахтом. Из Ленинграда и Ленинградской области выселению, помимо немцев, подверглись также финны (Финляндия вступила в войну на стороне Германии 26 июня 1941 г.). 26 августа 1941 г. последовало постановление Военного Совета Ленинградского фронта «Об обязательной эвакуации немецкого и финского населения Ленинградской области». Поскольку из-за стремительного немецкого наступления и установления блокады Ленинграда полностью выполнить это постановление не удалось, 20 марта 1942 г. было принято повторное постановление ВС Ленфронта о высылке оставшихся внутри блокадного кольца финнов и немцев. Согласно справке УНКВД по Ленинградской области от 1 октября 1942 г., из Ленинграда и пригородных районов было выселено в общей сложности 58 210 финнов и немцев [13, с. 288–291]. Всего в годы войны было переселено до 950 тыс этнических немцев [7, с. 94].

Второй этап национальных депортаций начался с осени 1943 г. после освобождения территорий с этнически смешанным населением от немецкой оккупации. Эти депортации проводились на основе обвине-

ний целых народов в коллаборационизме. В принципе коллаборационизм имел место на всех оккупированных территориях, в нем были замешаны представители самых разных национальностей. Однако некоторым этносам была приписана особая склонность к предательству. В ряде районов Северного Кавказа ещё до прихода немецких войск широких масштабов достигло антисоветское повстанческое движение. Диверсионные и террористические акции продолжались здесь и после отступления немцев. Это обстоятельство также сыграло свою роль в принятии решений о депортациях.

Первыми депортации подверглись карачаевцы – на основании постановления СНК СССР от 14 октября 1943 г. В декабре 1943 г. Президиумом ВС СССР и Политбюро ЦК ВКП(б) было принято решение «о ликвидации Калмыцкой АССР и образовании Астраханской области в составе РСФСР». Проживающее на данной территории калмыцкое население, а также население в граничивших в Калмыкией регионах, подлежало переселению в Красноярский и Алтайский края, Омскую и Новосибирскую области. Операция по депортации калмыков, проводимая правительством 28–29 декабря 1943 г., носила секретное название «Улусы». Высылки продолжались в 1944 г. Решение о депортации чеченцев и ингушей принималось советским руководством еще в феврале 1943 г. Однако проведение соответствующей операции началось в конце февраля 1944 г. Наконец, в марте того же года была проведена операция по выселению балкарцев [16, с. 261–264]. Всего с Северного Кавказа на поселение в Казахстан, Среднюю Азию и Сибирь в 1943–1944 гг. было выслано до 640 тыс чел [20, с. 62]. В одном из исследований указано число сосланных в Казахскую и Киргизскую ССР жителей Северного Кавказа – 602 193 чел., из них 496 460 чеченцев и ингушей, 68 327 карачаевцев, 37 406 балкарцев [2, с. 53]. Калмыков на начало января 1944 г. было депортировано 93 139 чел [16, с. 262].

Последними в ряду массовых депортаций были выселения из Крыма. Следует заметить, что коллаборационизм среди крымских татар действительно был широко распространен. Однако наказание за это поголовно всего народа выглядит явно неадекватной мерой. 2 апреля и 11 мая 1944 г. ГКО издал постановления о выселении крымских татар из Крымской АССР в Узбекскую ССР. Соответствующая операция была проведена с 18 по 21 мая. При этом татары переселялись не только из Крыма, но и из Ростовской области и Краснодарского края. В то же время, из Крыма, вслед за татарами, летом 1944 г. подверглись выселению этнические болгары, греки и армяне. Всего на 4 июля 1944 г. из Крыма

были выселены 183 155 крымских татар, 12 422 болгар, 15 040 греков, 9621 армянин, 1119 немцев (большую часть немцев – жителей Крыма выселили с полуострова ещё до оккупации, в 1941 г.), 3652 «иноподанных», а также «изъято» 7833 человек «антисоветского элемента» [16, с. 265]. Надо, впрочем, заметить, что подобные «операции» были характерны не только для тоталитарного сталинского режима. Западные демократии в условиях войны поступали абсолютно так же. В Великобритании после начала второй мировой войны интернированию подверглись все лица немецкого происхождения. Власти США после японской атаки на Пирл-Харбор выселили всё коренное население с Алеутских островов, которое было размещено на юго-востоке Аляски. В феврале 1942 г. президент Ф. Рузвельт подписал приказ о выселении из западных прибрежных штатов всех этнических японцев (ок. 110 тыс. чел.), которых поместили в специальные лагеря в центральной части США [15, с. 382].

Обращает на себя внимание некая избирательность, проявленная при проведении депортаций: часть народов, оказавшихся целиком или полностью в оккупации, была подвергнута депортации, других же эта участь миновала. В этой избирательности просматривается определенный этно-лингвистический оттенок. В частности, чеченцы и ингуши составляют особую группу в составе Иберо-Кавказской языковой семьи (нахскую). На Северо-Западном Кавказе оба депортированных в 1943–1944 гг. народа – карачаевцы и балкарцы – относятся к народам тюркской группы, тогда как проживавшие по соседству адыгские этносы – адыгейцы, черкесы и кабардинцы – были пощажены. При этом Адыгейская автономная область, в отличие, например от Кабардино-Балкарской, Чечено-Ингушской, или Калмыцкой АССР, оккупированных частично, была в 1942 г. оккупирована полностью. Авторы работы «Земля адыгов» утверждают, что и в отношении адыгов органами НКВД также готовился проект высылки. В частности, на май–июнь 1944 г. намечалась депортация кабардинцев. Однако И. В. Сталин якобы лично пресек подобные намерения, заявив: «Без адыгов Кавказ – не Кавказ» [11, с. 71]. Нахские этносы пострадали, по-видимому, за свою традиционную непокорность: в Чечено-Ингушетии сопротивление советской власти и в довоенное время было особенно упорным. Особое же недоверие именно к тюркским этносам было, возможно, отчасти связано с учетом потенциальной турецкой угрозы (Турция соблюдала нейтралитет в ходе второй мировой войны, однако до конца 1942 г. он имел в большей степени прогерманский характер) и слухов о пантюркистских

претензиях турецкого руководства. В Балкарии местные националисты взяли курс на отделение своей части автономии от Кабарды и объединение с Карачаем, чтобы создать из них государственное образование под турецким протекторатом [5, с. 164]. По всей видимости, именно с турецким фактором была связана и очередная «чистка» пограничной полосы Грузинской ССР, из которой, в соответствии с постановлением ГКО от 31 июля 1941 г., в сентябре – ноябре того же года были высланы более 90 тыс. турок-мехетинцев, курдов и хемшинов: в обоснование этой меры в докладной записке Л. П. Берии И. В. Сталину отмечались «связь населения родственными отношениями с жителями Турции, проявление эмиграционных настроений, занятие контрабандой, шпионаж» [16, с. 265–266].

Депортации сопровождалась изменениями административно-территориального деления. Калмыцкая, Чечено-Ингушская АССР, Карачаевская АО были упразднены, Кабардино-Балкарская АССР переименована в Кабардинскую, Крымская АССР, утратившая после выселений свой полиэтничный характер, была преобразована в область. Территории упраздненных автономных образований были поделены между соседними областями, краями и республиками. К примеру, часть районов бывшей ЧИАССР составили новообразованную Грозненскую область, остальные были переданы в состав Дагестанской и Северо-Осетинской АССР и Грузинской ССР. Прилагались усилия для того, чтобы стереть саму память о депортированных народах. Ряд районов и населенных пунктов в местах их прежнего расселения подверглись переименованиям (новые названия давались в основном русские, на территориях, переданных в состав Грузии и Северной Осетии – соответственно грузинские и осетинские). Уничтожению подвергались кладбища и памятники культуры депортированных народов, как древние (крепости, башни, мечети, усыпальницы), так и более современные (например, в Грозном был даже снесен памятник чеченскому герою борьбы за советскую власть А. Шерипову). Упоминания о высланных народах исчезли из литературы, в частности, из изданий справочного характера и с географических и этнографических карт. Национальная литература депортированных народов изымалась из обращения и либо уничтожалась, либо переводилась на спецхранение. Для заселения и освоения опустевших в результате депортаций территорий организовывались кампании по переселению из других республик и областей – преимущественно из соседних, но также и из более отдаленных [20, с. 80–106].

В конце войны и в первые послевоенные годы проводились высылки членов националистического подполья и прочих противников советской власти (или лиц, сочтенных таковыми) из Прибалтики, Западной Украины и других освобожденных от немецкой оккупации территорий. По итогам Великой Отечественной войны, по данным Ф. Л. Синицина, с исторически сложившихся территорий проживания в СССР было депортировано: немцев – 949 829 чел., чеченцев, ингушей, карачаевцев и балкарцев – 608 749 чел., калмыков – 91 919 чел., крымских татар, болгар, греков и армян – 228 392 чел., турок-месхетинцев, курдов и хемшинов – 94 955 чел., «немецких пособников» и фольксдойче – 5914 чел. В конце войны и после неё было выслано: членов семей участников ОУН – 100 310 чел. (1944–1947 гг.), членов секты «Истинно-православные христиане» – 1502 чел. (1945 г.), членов семей повстанцев из Литвы – 49 331 чел. (1945–1948 гг.) [16. с. 266–267].

Высланные с Северного Кавказа, из Крыма и Калмыкии этносы до середины 1950-х гг. проживали в разных районах Казахской, Узбекской, Киргизской, Таджикской ССР (в последней – считанные единицы), в нескольких областях и автономных республиках РСФСР на режиме спецпоселения. Очевиден ущерб, нанесенный этим этносам в результате депортаций и пребывания на спецпоселении в отрыве от родных мест. Были понесены существенные людские потери: смертность была высокой как в ходе самой депортации, так и на местах высылки, особенно в первые годы. Немалый вред был нанесен высланным народам и в области их этнокультурного развития, поскольку они были вырваны из среды своего традиционного обитания, в ссылке не имели возможностей для поддержки своих языков (прежде всего из-за отсутствия школьного обучения на родном языке) и культурных традиций. При этом разговоры о сознательном геноциде депортированных народов едва ли уместны: цель их физического уничтожения не ставилась. Следует согласиться с выводами В. Г. Шнайдера: «Действия государства в отношении депортированных народов, очевидно, не содержали намерений прямого их геноцида, если подразумевать под этим физическое уничтожение или создание условий для постепенного вымирания» [20, с. 140].

Специфический национальный оттенок имела и послевоенная политика освоения новых территорий, присоединенных в 1940-е гг. в результате войн с Финляндией, Германией и Японией. К ним относились Выборгская и Ладужская Карелия, Калининградская область – часть (меньшая) бывшей немецкой Пруссии, Южный Сахалин и Курильские острова. Местное население, не успевшее или не пожелавшее

эвакуироваться в ходе военных действий, было выслано за границу. Из бывшей финской Карелии выселять жителей, впрочем, не предполагалось, однако они сами эвакуировались почти поголовно, включая и этнических русских. На территориях, переданных Финляндией СССР по условиям Московского мира, из более чем 400 тысяч жителей остались считанные сотни. Вербовка новых переселенцев для этих территорий проводилась преимущественно среди славянского населения – в российских и белорусских областях. Это касалось даже Приладожья, включенного в состав Карело-Финский ССР: сюда поселенцы также завозились из России и Белоруссии, тогда как карелам и финнам доступ в эти районы был по существу закрыт (Карельский перешеек с Выборгом, в 1940 г. также присоединенный к Карелии, в 1944 г. был передан в состав Ленинградской области РСФСР). Вариант присоединения доставшейся СССР части Восточной Пруссии к Литовской ССР был отвергнут (хотя основания для такого решения в принципе имелись: этно-лингвистическое родство коренного населения края – пруссов – с литовцами, наличие литовского населения в довоенной Пруссии), и она составила новую область в составе РСФСР, с основной территорией которой не имела границы. В конце 1940-х гг. на вновь присоединенных территориях были проведены кампании топонимических переименований (это не коснулось только Приладожья, где финские названия были сохранены). Новые названия, звучащие по-русски, в подавляющем большинстве никак не были связаны с прежними и вообще с историей того или иного края и изобретались, как правило, совершенно произвольно [1]. Ученые – историки и этнографы привлекались к выполнению задач по подтверждению славянского прошлого присоединенных областей – для обоснования прав СССР и конкретно России на эти территории [12]. Во втором издании Большой Советской Энциклопедии Восточная Пруссия даже была названа древней землей «прибалтийских славян» [3, с. 426].

Несколько иначе дело обстояло в еще одной присоединенной области – в Закарпатье. Эта область (бывшая Подкарпатская или Угорская Русь), которая ранее входила в состав габсбургских владений, в 1920-е – 1930-е гг. была частью Чехословакии, в 1938 г., в ходе раздела Чехословакии, была присоединена к Венгрии, а летом 1945 г. была передана СССР. В начале 1946 г. присоединенная территория составила Закарпатскую область в составе Украинской ССР. Отсюда не проводилось сколько-нибудь масштабных принудительных выселений, и традиционный для области полиэтничный характер населения сохранился. Одна-

ко в последующие годы властями прилагалось немало усилий для интеграции области в состав УССР: проводилась кампания украинизации коренных жителей области – русинов, поощрялись переселения из соседних западно-украинских областей, литературный украинский язык насаждался в сфере образования и культуры. Примерно это же можно сказать о Северной Буковине, присоединенной к СССР ещё раньше, в 1940 г., и составившую Черновицкую область в составе УССР.

В целом, национальная политика Советского государства на данном этапе не претерпела фундаментальных изменений по сравнению с предыдущим. Из особенностей, связанных с влиянием военного фактора, можно отметить дальнейшую консолидацию статуса русского этноса как «первого среди равных», вынесшего на своих плечах основную тяжесть войны. При этом И. В. Сталин и другие партийные и государственные руководители в своих речах и статьях никогда не забывали отметить вклад всех народов страны в общую победу, подчеркнуть значение интернационализма и дружбы народов. В этот же контекст органично вписывалась и некоторая реабилитация религии и церкви, в первую очередь православной: прекращение антирелигиозной и антицерковной пропаганды, освобождение большого числа священников из заключения, разрешение провести выборы патриарха, открытие храмов и др. (подробно см.: [9, 14, 19]). Национальные депортации 1941 г. и 1943–1944 гг. также явились логическим продолжением подобного рода операций середины – второй половины 1930-х гг., однако теперь они имели совершенно откровенный характер репрессий по сугубо этническому признаку, в противоположность завуалированности социально-политической риторикой, характерной для 1930-х гг.

Список источников и литературы:

1. Балашов Е. А. Метаморфозы топонимики Карельского перешейка: краткое исследование по этимологии географических названий. СПб.: «Нива», 2003. 131 с.
2. Беджанов М. Б. Ленинская национальная политика и её деформация в годы сталинщины. Майкоп: «Меоты», 1994. 60 с.
3. Большая Советская Энциклопедия. 2-е изд. Т. 19. М.: Большая советская энциклопедия, 1953. 608 с.
4. Бугай Н. Ф. Правда о депортации чеченского и ингушского народов // Вопросы истории. 1990. № 7.
5. Бугай Н. Ф., Гонов А. М. Кавказ: народы в эшелонах (20-е – 60-е годы). М.: «Инсан», 1998. 368 с.

6. Герман А. А. Исторический феномен Республики немцев Поволжья (1918–1941 гг.) // Российская история. 2012. № 4. С. 27–46.
7. Земсков В. Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960. М.: «Наука», 2005. 306 с.
8. Иванов В. Е. Национальные воинские части в СССР. Екатеринбург: АМЛИКС, 1996. 173 с.
9. Кашеваров А. Н. Государство и Церковь: Из истории взаимоотношений Советской власти и Русской Православной Церкви, 1917–45 гг. СПб.: СПбГТУ, 1995. 138 с.
10. Кирсанов Н. А. Национальные формирования Красной Армии в Великой Отечественной войне 1941–45 гг. // Отечественная история. 1995. № 4.
11. Кринко Е. Ф. Национальная политика и межнациональные отношения на Северном Кавказе в годы Великой Отечественной войны: историография, проблемы // Гуманитарная мысль Юга России. Краснодар, 2005. № 1.
12. Кушнер П. И. Этнические территории и этнические границы. М.: АН СССР, 1951. 285 с.
13. Мусаев В. И. Политическая история Ингерманландии в конце XIX–XX вв. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского института истории РАН «Нестор-История», 2004. 450 с.
14. Одинцов М. И., Кочеткова А. С. Конфессиональная политика в Советском Союзе в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М.: РОССПЭН, 2014. 317 с.
15. Сим Хон Енг. Депортация народов: международный аспект проблемы // Россия в XX веке. Проблемы национальных отношений. М.: «Наука», 1999. С. 377–384.
16. Сеницын Ф. Л. Национальная политика СССР в Великой Отечественной войне. Пермь, 2009.
17. Сталин И. В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М.: Госполитиздат, 1952. 208 с.
18. Такала И. Р. Судьбы финнов в Карелии // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск, 1991.
19. Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь и Советское государство в 1943–64 гг.: От «перемирия» к новой войне. СПб.: Изд-кое объединение ДЕАН+АДИА-М, 1995. 216 с.
20. Шнайдер В. Г. Советская национальная политика и народы Северного Кавказа в 1940 – 1950-е гг. Армавир: Редакционно-издательский центр АГПУ, 2009. 236 с.

УДК 94(47).084.9

Иванов В. А.

д-р ист. наук, профессор
ассоциированный научный сотрудник
Санкт-Петербургского института истории РАН
(г. Санкт-Петербург)

**«Двадцать дробь десять»:
российские ИТУ в первое десятилетие после XX съезда**

Система исправительно-трудовых учреждений, выстроенная при Сталине сравнительно недолго пережила своего творца. Начавшийся в обществе после XX съезда партии процесс десталинизации коснулся как содержания её карательной политики, так и самой организации ИТУ. В статье рассматриваются некоторые проблемы, возникшие в процессе «либерализации» наказательной и исполнительной деятельности разнообразных карательных учреждений на территории РСФСР во второй половине 1950-х – 1960-х годов, влиявшие на ее содержание и направленность.

Ключевые слова: карательная политика, XX съезд КПСС, исправительно-трудовые учреждения, режим содержания осужденных, преступность, РСФСР в 1950-е – 1960-е гг.

System of correctional labor facilities, built under Stalin comparatively long survived its Creator. Began in the society after the twentieth party Congress of de-Stalinization process were made as the content of its punitive policy and in the organization of the CLF. The article discusses some problems arising in the process of «liberalization» of the criminal and executive activities of various punitive institutions in the RSFSR during the second half of the 1950s and 1960s, influencing its content and direction.

Keywords: punitive policy, twentieth Congress of the CPSU, correctional labor facilities, custodial control, criminality, USSR in 1950s – 1960s.

Советская система ИТУ никогда не соответствовала в полной мере заявленному и закрепленному в нормативных правовых актах формату, особенно в содержательном плане. Коммунистическая фраза и здесь, по выражению М. Пфэртнера, была обратна действительности

[18, с. 93]. Тюрьмы, лагеря и лаготделения, колонии и места поселений всегда были переполнены, их деятельность не приносила дохода, процесс перевоспитания пребывал в метафизическом состоянии, взаимоотношения внутрилагерного социума строились на неписанных, но преимущественно чтимых его членами тюремных катехизисах: «воровских законах», «правилах» и «понятиях».

Мало что изменилось в системе ИТУ сразу после смерти «усатого гуталинщика» (так называли заключенные Сталина. – В.И.), хотя самые впечатляющие жесты властей по освобождению от сталинского тоталитаризма коснулись именно ее. Уже в конце марта 1953 г. по указу Президиума ВС СССР началась амнистия осужденных, когда из более чем 2,5 млн. заключенных на волю вышло более трети из них [1, с. 462]. «Выпорхнула» тогда и значительная часть особо опасных рецидивистов из 221,4 тыс. сидевших в ИТУ к этому времени, что буквально через короткое время повсеместно почувствовали на себе все советские граждане [19, с. 192].

Ситуация с преступностью в стране обострилась настолько, что впервые за несколько послевоенных лет вопрос о мерах по усилению борьбы с уголовной преступностью был вынесен 1 декабря 1955 г. на обсуждение Президиума ЦК КПСС [17, с. 66]. Н.С. Хрущев и его сторонники заявили тогда, что МВД СССР и лично министр С.Н. Круглов не выполнили требований указа ПВС СССР от 3 сентября 1955 г. и постановлений ЦК КПСС от 12 марта и 10 июля 1955 г. по этому вопросу [4, л. 34–35], а на прошедшей в конце января 1956 г. коллегии МВД СССР, подводящей итоги амнистии даже приводился пример, когда из ИТЛ был выпущен на свободу (по указу – В.И.) осужденный Мыйзавальд, имеющий судимости общей сложностью на 60 лет, и, который на третий день «воли» вновь совершил тяжкое преступление [4, л. 35].

О грубом искажении ключевых принципов советской карательной политики в период культа личности Сталина и массовом нарушении социалистической законности было упомянуто в известном закрытом докладе Н.С. Хрущева на XX съезде партии. Общий контекст обвинения сводился к тезису об использовании Сталиным системы ИТУ как одного из рычагов властвования и массового принуждения. Для неподготовленного слушателя советская система ИТУ воспринималась в этот период как вместилище чудовищных пороков и полнейшего бесправия заключенных. Из всех звеньев правоохранительной и управленческой системы государства именно на ИТУ, а не на судебные органы, прокуратуру, подразделения госбезопасности и уж тем более высшие

партструктуры верхушкой руководства страны был переключен «общественный гнев» и осуждение.

Это настроение быстро уловили в «зонах» отпетые уголовники-рецидивисты и их подручные: едва ли не нормой стали массовые отказы от работы, неповиновение администрации, пьянство. Прокурор Ленинградской области В. Андреевский, зная о подобной куражке заключенных в ИТК, тюрьмах и поселениях, предлагал в 1959–1960 гг. отменить в ряде ИТК области «строгий режим», а ввести так называемый «специальный режим» (где преобладал бы «тяжелый физический труд и жестокое наказание». – В.И.) [21, л. 41, 42]. В свою очередь работник Ленинградской городской прокуратуры В.А. Чертолин в январе 1957 г. призывал прокурорских коллег «урезонивать распоясавшихся адвокатов», окрыленных решениями XX съезда и якобы спекулирующих вопросами социалистической законности и подыгрывающих уголовникам [26, л. 1].

Специально созданная после XX съезда комиссия Президиума ВС СССР (позже и комиссия ПВС РСФСР. – В.И.) должна была изучить реальное положение дел в системе ИТУ страны и внести законодательные предложения по их коренной реорганизации и обновлению. Так, осуществив в марте–апреле 1956 г. свою первую комплексную проверку Унженского ИТЛ в Горьковской области, комиссия констатировала, что только в 1955 г. в лагере было допущено свыше 62 тыс. нарушений режима со стороны заключенных, в том числе 48,5 тыс. случаев отказа от работы, более 2 тыс. эпизодов пьянства и др. Выяснилось, что ежедневно на работу не выводилось до 1,6 тыс. чел. по различным причинам, около 8 тыс. чел. получили производственные травмы, при этом 8 чел. погибли. Обнаружилось также, что в 11-м женском лагоотделении этого лагеря за 6 мес. 1955 г. заключенным было недодано около 3 тонн мяса. Отвратительными были признаны и бытовые условия заключенных [4, л. 95, 95 об.].

В ряде мест комиссии ПВС СССР, РСФСР и других союзных республик в буквальном смысле урезонивали отдельных прокурорских работников, которые используя процедуру протестов стали повально освобождать осужденных (сидевших за малозначительные правонарушения. – В.И.), еще совсем недавно отправляя их в ИТК и ИТЛ за них на большие сроки. Так, в августе 1959 г. прокуратура Ленобласти была вынуждена приостановить подобного рода «расчистку» мест лишения свободы в регионе в связи с началом работы в нем комиссии ПВС РСФСР [20, л. 25, 26].

Работа подобных комиссий и различных специалистов из Минюста СССР, МВД СССР и других ведомств, позволили в короткий срок подготовить проект «Положения об ИТУ МВД СССР», который в конце ноября 1956 г. по распоряжению главы МВД СССР Н.П. Дудорова был разослан во все МВД-УВД республик, краев и областей. До 15 декабря 1956 г. планировалось обобщить все предоставленные с мест замечания и предложения по проекту и окончательно доработать его [4, л. 405 об. – 412 об.]. В сущности, подготовленное на скорую руку Положение вскоре дало о себе знать в процессе его реализации в системе ИТУ.

Особенно болезненно выстраивалась новая схема агентурного обеспечения осужденных. После принятия нового «Положения об ИТК и тюрьмах МВД РСФСР», которым предусматривались основательные содержательные перемены, существенный ущерб как раз и понесла агентурно-оперативная работа. Так, к осени 1961 г. выяснилось, что в ряде колоний резко сократился агентурный аппарат (в связи с размещением осужденных по ИТК в соответствии с назначенным видом режима – В.И.), а в других колониях напротив, сконцентрировались одни опасные рецидивисты без должного оперативного освещения. Во многих тюрьмах, ИТК и изоляторах произошли столкновения между враждующими однодельцами или объектами разработок с ранее расшифрованными агентами (которых до нового Положения, не размещали в одном ИТК, тюрьме или изоляторе. – В.И.) [9, л. 1]. Учитывая, что в это время в РСФСР насчитывалось 167 следственных изоляторов, 22 тюрьмы и 2 специальных психиатрических больницы (в Казани и Ленинграде – В.И.) работы по созданию и руководству спецаппаратом предстояло немало [12, л. 64–66]. Эта деятельность была крайне важна не только в плане предупреждения готовящихся преступлений среди задержанных и осужденных, но нередко и по установлению истинных преступников, скрывающихся на свободе от следствия и суда. Так, только в Ленинграде в 1964 г. благодаря агентурно-осведомительному аппарату в системе ИТУ были установлены преступные лица, за деяния которых неправосудно уже отбывали наказание 10 чел. За первое полугодие 1965 г. были установлены ещё 7 чел. [27, л. 54].

Мало что изменилось и с разрешением проблем наполняемости осужденных, точнее перенаполняемостью ими ИТУ, как после работы комиссий ПВС СССР в лагерях, тюрьмах и колониях МВД, так и после введенного в действие Положения. Ещё 1 февраля 1956 г. Бюро Ленинградского обкома КПСС в своем постановлении «О нарушении социалистической законности в тюрьмах г. Ленинграда» указывало всем «правоохраните-

лям» города (МВД, Минюст, суды, прокуратура и др.) на катастрофическую загруженность тюрем осужденными лицами, с вступившими в законную силу приговорами, содержащимися там уже длительное время [25, л. 29, 30]. Так, например, несмотря на то, что лимит тюрьмы №1 («Кресты») в Ленинграде приказом МВД СССР от 27 апреля 1960 г. для следственных, кассационных, транзитно-пересыльных и уже осужденных лиц был определен в 2,5 тыс. чел. [6, л. 12, 13], реально – на середину июня 1961 г. там содержалось свыше 3,8 тыс. чел., причем поступление в тюрьму вновь арестованных и осужденных намного превышало этапирование срочно-заключенных из тюрьмы в колонии [23, л. 28, 28 об.]. При такой людской плотности совсем не соблюдалась положенная в 1960-е гг. на одного «сидельца» камерная площадь не менее 3 кв.м. Подобная пере-загруженность тюрем в начале 60-х гг. была связана в первую очередь с введением в действие нового УК РСФСР (1960 г.). Все в те же тюрьмы Ленинграда (№1, №2) и области (г. Выборг и Тихвин) в течении августа–октября 1961 г. ежемесячно поступало более 1600 арестованных. В итоге за три месяца туда прибыло 4873 чел. В то же время из тюрем было этапировано лишь 3116 чел. [22, л. 55, 56].

По своим «лагерным понятиям» и традициям восприняли и сполна насладились «оттепелью» конца 50-х – начала 60-х гг. и бывшие гулаговские бытовики-уголовники. Такой «расслабухи» во внутрizonовской жизни не могли припомнить даже старожилы уголовного мира: среди осужденных участились случаи массового пьянства и наркомании, гомосексуализма и открытого неповиновения администрации, групповых побегов из мест лишения свободы. В апреле 1961 г. на проходящей в МВД РСФСР коллегии были впервые названы ИТУ Алтайского и Приморского краев, Архангельской, Магаданской, Омской и Свердловской областей, где широкое распространение получили случаи наркомании среди осужденных. Коллегия МВД ставила задачу руководству ИТУ по выявлению наркоманов, их учету и обязательному выяснению того, где они стали заниматься этим: в местах заключения или вне их [8, л. 28, 29].

Проделанная в ИТУ работа вскрыла угрожающий масштаб наркомании и пьянства в местах заключения. Не случайно 21 декабря 1961 г. в МВД РСФСР появился приказ «О мерах по усилению борьбы с наркоманией и пьянством в ИТУ МВД РСФСР», в котором администрации ИТУ разрешалось «...заключенных, употребляющих наркотики переводить в бараки камерного типа с тюремными условиями содержания и содержать их изолированно» [9, л. 430, 431]. В мае 1962 г. министр внутренних дел РСФСР В.С. Тикунов поощрил сотрудников оператив-

ных аппаратов ИТУ УВД Свердловского облисполкома И.Н. Быкова, Я.К. Бондарева, Д.Я. Семокова, Н.А. Ярдова и других за ликвидацию в системе колоний и лагерей региона двух преступных групп из числа заключенных и гражданских лиц, занимающихся снабжением уральских зон наркотиками, шприцами, деньгами и реализующих эти «товары» среди заключенных по высоким спекулятивным ценам [10, л. 375].

Крайне затруднительно и совсем неэффективно шла в ИТУ РСФСР борьба с гомосексуализмом осужденных, явлением, о котором даже в ведомстве предпочитали не говорить как о крупной проблеме, и о которой в начале ноября 1956 г. заместитель МВД СССР полковник М. Холодков высказался вполне определенно, назвав его причиной тяжких правонарушений среди заключенных (насилие, убийства и увечья на почве ревности, половое развращение молодых по возрасту заключенных, заражение венерическими болезнями и др.). В п. 3 совершенно секретного распоряжения МВД СССР № 306 по отношению к женщинам-заключенным, занимающимся половыми извращениями, предлагалось не только «...наказывать их в дисциплинарном порядке, вплоть до водворения в строго режимные подразделения, принимая при этом меры разобщения сожительниц, но и запретить заключенным женщинам носить мужскую одежду...» [4, л. 339]. В зонах запрещались также разного рода «свадьбы» гомосексуалистов, «калмы» с них, а также смена родовых фамилий и т.п. Кстати, восстановления у заключенных их родовых или измененных в установленном законом порядке фамилий требовала специальная инструкция, введенная секретным приказом МООП РСФСР от 14 декабря 1965 г. [14, л. 173].

Общемировая тенденция роста преступности «работала» в 50-е – 60-е годы и в системе ИТУ в советской России [3, с. 9]. Одним из очагов криминальной напряженности стала внутрилагерная преступность. Так, за 6 месяцев 1957 г. в лагерях и колониях МВД СССР был убит 51 заключенный, в этом принимало участие 182 преступника, а в 8 разоблаченных бандах действовало около 50 заключенных, 96 чел. прошли по групповым делам [5, л. 366]. Чаще всего за этими преступлениями стояли уголовники-рецидивисты, которые до осени 1956 г. содержались в ИТЛ и ИТК вместе с лицами, осужденными за менее опасные преступления.

25 октября 1956 г. постановлением № 1443-719 ЦК КПСС и Совмин СССР обязали органы МВД «развести» эти категории осужденных и не допускать впредь их совместного содержания. Однако, проведенная летом 1960 г. проверка выявила повсеместное нарушение этого предписания. Так, в подразделениях общего режима УВД Иркутской области

содержалось 1156 уголовно-бандитствующих элементов, в УВД Кемеровской области – 1069 рецидивистов, в исправительных учреждениях Архангельской области – почти 900 чел., в Свердловской области – более 700 бандитствующих заключенных [7, л. 32, 32 об]. Уголовный террор рецидивистов в системе ИТУ РСФСР и других республиках Советского Союза достиг такого предела, что Президиум ВС СССР своим постановлением от 6 апреля 1963 г. «О применении ст. 14.1 Закона СССР «Об уголовной ответственности за государственные преступления», узаконил норму, по которой «...неподдающиеся перевоспитанию особо опасные рецидивисты» могли привлекаться к уголовной ответственности за действия, дезорганизующие работу ИТУ [13, л. 262, 262 об.].

По признанию многих практических работников, эта мера заметно повлияла на масштаб и дерзость уголовного «шабаша» рецидивистов в ИТУ страны. После первых уголовных дел с применением данной статьи резко поубавилось число уголовно-бандитствующих элементов, провоцирующих остальных осужденных и лично участвующих в организации вооруженных неповиновений, бунтов и голодовок в ИТК и тюрьмах, которые имели место в РСФСР в начале 1960-х гг.: вооруженное неповиновение 8-ми особо опасных рецидивистов 5 апреля 1961 г. в ИТК № 2 (Сталинградская обл.); бунт в Брянской ДВК 21 сентября 1961 г. с поджогом колонии и массовым побегом; неоднократные одиночные и групповые голодовки, отказы от приема пищи в тюрьме № 1 «Кресты» в 1961 – начале 1962 гг. и др. [7, л. 243, 244; л. 229; 24, л. 70].

Именно уголовный лагерный беспредел чаще, чем злоупотребления администрации ИТУ, служил причиной одиночных и групповых побегов. Сбежавший осужденный фактически пребывал в положении «нелегала»: ему чаще всего были нужны новые документы, деньги, жилье, одежда, отдельные предметы быта и т.п. При этом риск оказаться разысканным и задержанным был крайне высок, однако причины и мотивация, побудившие совершить побег (а это противоправное деяние влекло за собой уголовную ответственность) были сильнее этих опасений сбежавшего. В свою очередь, общественная опасность побегов заключалась прежде всего в том, что вся «схема выживания» их участников была полностью выстроена на преступной практике (воровстве, разбое, грабеже, убийстве и др.). А это вело к дополнительной криминологической напряженности в обществе.

Учитывая все эти обстоятельства, Прокуратура СССР летом 1961 г. в порядке ст.42 Основ уголовного законодательства Союза ССР пояснила, что те из заключенных, кто бежал из мест лишения свободы 15 лет

назад и более и был установлен – розыск не прекращать. Розыск мог быть остановлен, если имелось основание о прекращении уголовного дела на бежавшего [9, л. 30]. У такой практики «бессрочного сыска» было немало сложностей. Чаще всего им переставали заниматься как сами ИТУ, так и конвойные подразделения внутренних войск, а также территориальные органы милиции, каждая в отдельности полагаясь друг на друга.

Крайне медленно разрешался во второй половине 50-х – 60-х гг. вопрос и о трудовом перевоспитании осужденных, производственная занятость которых была «головной болью» всех региональных УМЗ (ОМЗ) МВД. Заключение «простаивали» и в прежние времена, а на закрытых совещаниях в МВД СССР в последние годы правления Сталина, да и позже, руководители крупных ИТЛ и строек не раз заявляли о нерентабельности труда заключенных, дороговизне их содержания на средства государства [2, с. 424–425].

Вместе с этим руководство МВД и местные власти постоянно искали всевозможные варианты для того, чтобы занять этот контингент хоть какой-то работой. Изучив в 1962 г. вопрос о практике трудоустройства осужденных во всей системе ИТУ РСФСР, республиканский МООП распространил даже небольшой обзор, назвав ряд регионов (Башкирия, Удмуртия, Брянская, Ярославская, Владимирская области и др.), где в целом разрешались позитивно проблемы их трудовой занятости [13, л. 10–12].

В то же время избежать явных перекосов в реализации на практике ключевых принципов советской исправительно-трудовой политики в эти годы так и не удалось. Например, в швейном производстве в ИТУ МООП РСФСР весной 1963 г. использовалось около 10 тыс. заключенных мужчин, из которых 8 тыс. чел. – в колониях строгого и усиленного режимов, что (вид этого производства – В.И.) полностью не соответствовало тяжести совершенного этими осужденными преступления [13, л. 223–231]. В 18-ти ИТК, расположенных на территории Ленинграда и области, с наполнением 12 тыс. заключенных из-за отсутствия работы и охраны в 1962 г. около 2 тыс. из них не работали вообще [29, л. 1]. И в 1964 г. по той же причине в этих колониях в среднем ежедневно на простое находилось около 1 тыс. чел., а почти 40% к общему числу сдельщиков не выполняли нормы выработки и производственные задания [30, л. 70].

В 1965 г. свыше 25 тыс. осужденных, находящихся в ИТУ на территории РСФСР, ежедневно не трудились по причине отсутствия работы. Численность осужденных, используемых на оплачиваемых работах за

первые три месяца 1966 г. составила только 73,9%. План доходов по ИТЛ и ИТК оказался невыполненным почти на 5 млн. руб. и соответственно платежей в бюджет [15, л. 139, 139 об.]. Росли задолженности заключенных и по исполнительным листам: возмещение ущерба, алиментные выплаты, судебные издержки и др.

Не ладилось в эти годы дела и с перевоспитанием «оступившихся» советских граждан, или как трубадурили сталинские пенитенциарии еще в 20-е – 30-е гг. с «перековкой» заключенных. Одной из причин слабого воспитательного воздействия на сознание осужденных оставался непримиримый антагонизм между администрацией ИТУ и заключенными. Довольно часто фальшь и лицемерие руководителей ИТЛ и ИТК уживались с грубейшими нарушениями прав заключенных, физическим и психологическим насилием над ними. Добиться справедливого разрешения проблем заключенных было очень непросто. Часто только «вор в законе» своевременно «разруливал» наиболее болезненный вопрос среди сидельцев, не редко при этом усложняя взаимоотношения среди заключенных.

В отличие от 1920-х – 1930-х гг., в новых условиях, жалобам осужденных в различные инстанции на противоправные действия чиновников ИТУ стали уделять более пристальное внимание, а по итогам рассмотрения некоторых из них даже принимать серьезные кадровые решения. Так, например, за несанкционированный вывод в июле 1961 г. в песчаный карьер 12 заключенных Устьвымского ИТЛ за отказ от работы и содержание их там около суток без пищи, а в январе 1962 г. за аналогичные действия по удержанию 17 заключенных в глубоком снегу в течение 7 часов, министром внутренних дел РСФСР В.С. Тикуновым был снят с должности начальник ИТЛ подполковник А.Г. Калашников и наказаны другие лица [11, л. 6, 7]. Столь жесткая реакция МВД РСФСР стала возможной благодаря письмам заключенных в редакцию журнала «К новой жизни» и принципиальной позиции его редактора, не скрывшего этого обращения.

Как отмечали многие проверяющие на местах – в тюрьмах, СИЗО, ИТЛ и ИТК часть таких «кричащих» жалоб заключенных попросту изымалась администрацией из производства или вовсе не регистрировалась. В распространенном МООП РСФСР в марте 1963 г. обзоре «Состояние работы с письмами, жалобами и заявлениями в исправительно-трудовых учреждениях» упоминались конкретные руководители, укрывавшие жалобы заключенных от регистрации (Анисимов, Самозвон, Соловьев, Пучков и др.) [12, л. 97–97 об.].

Порой действия сотрудников ИТУ и вовсе подпадали под уголовную статью, особенно когда дело касалось добросовестного исполнения своего профессионального долга. Так, в марте 1963 г. прокурор г. Ленинграда С.Е. Соловьев докладывал первому секретарю ОК КПСС В.С. Толстикову, что в ИТУ УМЗ УООП Ленобласти укоренилась противоправная практика вывода на УДО и «химию» заключенных, судимых по «тяжким» статьям (убийство разбой, ТПП, изнасилование и др.) [28, л. 76, 77]. Выяснилось, например, что практически около половины «химиков» и вышедших по УДО осужденных вновь возвратились в ИТУ региона после совершения ими преступлений или покушения на него. В начале 1967 г. во все УМЗ–ОМЗ МВД–УВД РСФСР было отправлено информационное письмо МООП РСФСР, в котором описывался вопиющий случай, когда из-за преступной халатности старшего инспектора ИТК №15 ОМЗ УООП Сахалинского облисполкома Косякиной, осужденная к 6 месяцам лишения свободы некто Богданова вместо них отсидела лишних 1,5 года [16, л. 99].

Завершая данное эссе, скажем о том, что процесс десталинизации проходил в советской России довольно болезненно, хотя внешние его проявления носили куда более пафосные оттенки и он даже порождал определенные надежды на перемены. В случае же с доставшейся в наследство «оттепели» 60-х гг. сталинской системой ИТУ было все гораздо запутаннее и неопределеннее. Лишь позже стало отчетливее видно, что уголовно-исполнительная политика советского государства и его практика не были готовы снять прежние противоречия. Между тем, секрет успеха был довольно прост – в начале нужна была реформа не самой системы ИТУ страны, а всего политического и общественно-экономического устройства советского государства, для того чтобы выйти на подлинную свободу с чистой совестью!

Список источников и литературы

1. Богданов Ю.Н. Сергей Круглов. Два десятилетия в руководстве органов госбезопасности и внутренних дел СССР. Документальная повесть. М.: ООО «ТД Алгоритм», 2015. 624 с.
2. Иванова Г.М. История ГУЛАГа. 1918-1958: социально-экономический и политико-правовой аспекты. М.: Наука, 2006. 438 с.
3. Кудрявцев В.Н. Стратегии борьбы с преступностью: монография. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2017. 368 с.

4. Отдел специальных фондов Информационного Центра Главного Управления МВД РФ по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области (далее – ОСФ ИЦ ГУ МВД РФ по СПб и области). Ф. 2. Оп. 1. Д. 203.
5. ОСФ ИЦ ГУ МВД РФ по СПб и области. Ф. 2. Оп. 1. Д. 215.
6. ОСФ ИЦ ГУ МВД РФ по СПб и области. Ф. 2. Оп. 1. Д. 250.
7. ОСФ ИЦ ГУ МВД РФ по СПб и области. Ф. 2. Оп. 1. Д. 262.
8. ОСФ ИЦ ГУ МВД РФ по СПб и области. Ф. 2. Оп. 1. Д. 263.
9. ОСФ ИЦ ГУ МВД РФ по СПб и области. Ф. 2. Оп. 1. Д. 269.
10. ОСФ ИЦ ГУ МВД РФ по СПб и области. Ф. 2. Оп. 1. Д. 271.
11. ОСФ ИЦ ГУ МВД РФ по СПб и области. Ф. 2. Оп. 1. Д. 272.
12. ОСФ ИЦ ГУ МВД РФ по СПб и области. Ф. 2. Оп. 1. Д. 280.
13. ОСФ ИЦ ГУ МВД РФ по СПб и области. Ф. 2. Оп. 1. Д. 281.
14. ОСФ ИЦ ГУ МВД РФ по СПб и области. Ф. 2. Оп. 1. Д. 306. Т. 2.
15. ОСФ ИЦ ГУ МВД РФ по СПб и области. Ф. 2. Оп. 1. Д. 318. Т. 2.
16. ОСФ ИЦ ГУ МВД РФ по СПб и области. Ф. 2. Оп. 1. Д. 330. Т. 1.
17. Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления / гл. ред. А.А. Фурсенко. М.: Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2003. Т. 1. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. 1344 с.
18. Пфэртнер М. Русское путешествие / пер. с нем. Г.А. Кочубей. Грэфенгайнихен: Изд-во Р.Геррозе, 1944. 272 с.
19. Смыкалин А.С. Колонии и тюрьмы Советской России. Екатеринбург: Изд-во УрГЮА, 1997. 368 с.
20. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб). Ф. 24. Оп. 113. Д. 78.
21. ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 113. Д. 154.
22. ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 124. Д. 62.
23. ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 124. Д. 63.
24. ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 124. Д. 122.
25. ЦГАИПД СПб. Ф. 744. Оп. 8. Д. 1.
26. ЦГАИПД СПб. Ф. 1711. Оп. 7. Д. 4.
27. ЦГАИПД СПб. Ф. 1711. Оп. 7. Д. 19.
28. ЦГАИПД СПб. Ф. 8437. Оп. 4. Д. 31.
29. ЦГАИПД СПб. Ф. 8437. Оп. 4. Д. 32.
30. ЦГАИПД СПб. Ф. 8437. Оп. 4. Д. 99.

УДК 63.3 (Рос-4 Лен)

Подольский С. И.

канд. ист. наук, ассистент кафедры истории
Санкт-Петербургского горного университета
(г. Санкт-Петербург)

Реформы Н. С. Хрущева и региональная экономическая политика в 1957–1965 гг. (по материалам Ленинградской области)

Статья посвящена развитию региональной экономической политики в годы перестройки управления промышленностью и строительством Н.С. Хрущева (1957–1965) в контексте советской истории. Совнархозы, организованные в 1957 г., способствовали быстрому росту экономического потенциала в регионах, новые управленческие структуры были наделены широкими хозяйственными полномочиями. Особо важно изучить результаты реформы в отдельных местностях. Поэтому в статье внимание акцентировано на развитии хозяйственного потенциала Ленинградской области, примыкающей к крупнейшему мегаполису СССР. Хозяйственная реформа Н.С. Хрущева способствовала возникновению новых и реконструкции старых производств. Одними из важнейших проектов стало возведение НПЗ в Киришах, помощь промышленности сельскому хозяйству, наращивание мощностей стройматериалов.

Ключевые слова: региональная политика, центр, регионы, совнархозы, Ленинградская область, промышленность.

The article is devoted to the development of regional economic policy in the years of restructuring of the management of industry and construction of N.S. Khrushchev (1957–1965) in the context of Soviet history. The Sovnarkhoz (Council of national economy), organized in 1957, contributed to the rapid growth of economic potential in the regions, new administrative structures were vested with broad economic powers. It is especially important to study the results of the reform in individual localities. Therefore, the article focuses on the development of the economic potential of the Leningrad Region, adjacent to Leningrad, the largest metropolis of the USSR. Economic reform N.S. Khrushchev contributed to the emergence of new and reconstruction of old manufactures. One of the most important projects was the construction of an oil refinery in Kirishi, assistance to the industry in agriculture, and the building of building materials.

Keywords: regional policy, centre, regions, economic councils, Leningrad Region, industry.

История выстраивания региональной экономической политики в СССР противоречива, что подтверждает и обширная историография [3; 4, с. 30–32; 6, с. 75–143; 8, с. 171–194; 15, с. 340–349; 16; 19; 23, с. 71–75, 24, с. 359–475; 28, 29]. Так, по мнению признанного исследователя – А.З. Ваксера, «полноценного опыта разработки и осуществления региональной политики в Российской Федерации не существует», центр очень неохотно наделял регионы широкими хозяйственными полномочиями [4, с. 30].

Правда, попытка установления всеобъемлющей хозяйственной диктатуры в годы Гражданской войны провалилась: многие хозяйственные межрегиональные связи были потеряны, а экономическая повседневность населения превратилась «в налаживание товарообмена между потребляющими провизию регионами и производившими ее» [10, с. 226]. После установления НЭПа в 1921 г. местные управленческие структуры получили значительные хозяйственные права [24, с. 470–471]. На Северо-западе, в Ленинградской области, это привело к расцвету арендных отношений, кооперации, причем не только промышленной, но и сельскохозяйственной [11, с. 110–111; 24, с. 400; 29, с. 26].

Но слом НЭПа и осуществление административно-территориальной реформы в начале 1930-х гг. привели к централизованному хозяйствованию через столицу. Это привело к неоптимальному управлению промышленностью региона, отмеченному даже в отчетах германских спецслужб, готовившихся к войне с СССР: «в результате нерационального и необдуманного размещения промышленного производства... железнодорожный транспорт постоянно лихорадит... чугун одного и того же сорта транспортируется из Ленинграда на Урал и одновременно с Урала в Ленинград» [13, с. 63–64]. В послевоенный период развитие экономики Ленинградского региона испытало губительное воздействие «Ленинградского дела» [8, с. 200–228]. Разгром региональных партийных кадров и усиление централизаторской тенденции затормозили формирование территориально-производственного комплекса.

В итоге неразвитость различных территорий страны стала одной из причин проведения перестройки управления промышленности и строительства: в 1957 г. страна была разбита на 105 экономических административных районов, в каждом из которых был создан совет народного хозяйства. Благодаря организации совнархозов, регионы впервые за долгие годы получили ощутимые права по управлению промышленностью, строительством и различными ресурсами. Особенно важным процесс реформирования стал для Ленинградской области, непосредственно примыкающей к крупнейшему мегаполису – Ленинграду.

Ленобласть вошла в состав Ленинградского экономического района (ЛЭР), одного из самых крупных совнархозов страны, включавшего значительную часть Северо-западного региона. Если брать всю промышленность ЛЭР за 100%, то на долю Ленобласти приходилось 6,5% объема валовой продукции [4, с. 108–109].

В 1957 г. ЦК КПСС фактически запретил строить новые промышленные гиганты в Ленинграде [19, с. 68]. Поэтому Совет народного хозяйства разработал план размещения новых промышленных мощностей в Ленинградской области [26, л. 1–2].

Выделим такое пионерное в те годы направление как нефтехимическая промышленность [14, с. 63]. Ежегодно Северо-Запад, а также Мурманская область и Карелия потребляли до 8 млн. т. различных нефтепродуктов, завозившихся железнодорожным транспортом из Поволжья и с Урала [21, с. 12]. Остро ощущалась нехватка местного нефтеперерабатывающего завода. Пытаясь учесть потребности региона в нефтепромышленном сырье, Министерство нефтяной промышленности СССР 4 августа 1956 г. издало приказ № 504 о начале строительства нефтеперерабатывающего завода [26, л. 20]. Еще в 1930-е годы возводился первый Киришский химический завод, но началась война, линия фронта прошла через поселок, и строительство было разрушено [21, с. 15]. Специалисты-нефтяники вспомнили о прерванной стройке в октябре 1956 г. [26, л. 20].

По указанию председателя Ленинградского совета народного хозяйства, Владимира Николаевича Новикова, данному осенью 1957 г., специалисты Ленинградского совнархоза подготовили к 1 августа 1958 г. проектное задание по строительству Киришского нефтеперерабатывающего завода [26, л. 21]. НПЗ был рассчитан на переработку нефти в бензин, керосин, реактивное и дизельное топливо, топочный и флотский мазут, битум [26, л. 29]. 13 декабря 1957 г. В.Н. Новиков, вместе с председателями областного и городского исполкомов, обратился к заместителю председателя СМ РСФСР Н. К. Байбакову с просьбой утвердить план строительства нефтеперерабатывающего завода [26, л. 20]. В приложении к письму они указывали, что завод должен быть рассчитан на 8 млн тонн нефти; предлагалось перегонять «черное золото» через Ярославль, а не из Поволжья и Башкирии, благодаря чему экономилось бы 350 млн. руб. Первая очередь завода, рассчитанная на 2 млн тонн переработанной нефти, была построена в 1963 г. С этого момента одним из главных поставщиков оборудования стал один из флагманов промышленности – Невский машиностроительный завод [12, с. 1]. Серьезный результат в строительстве Кириш-

ского НПЗ был получен в конце 1965 г., когда началась переработка нефти на полную мощность [19, с. 298–299].

Промышленные мощности совнархоза в Ленинграде были в значительной мере направлены на решение острой проблемы – жилищной. Многие предприятия, обеспечивавшие строительную отрасль материалами, находились в Ленобласти. Среди таких заводов, подчинявшихся Управлению строительных материалов и стекольно-фарфоровой промышленности Ленсовнархоза, можно назвать Пикалевский и Угловский известковые комбинаты, Выборгский рубероидный завод [18, с. 69]. В 1961 г. были введены новые мощности Сланцевского цементного завода, а в 1962 г. была сооружена вторая технологическая линия Пикалевского цементного завода на 568 тыс тонн цемента в год [27, л. 158]. Активно развивалось производство железобетона: к концу 1962 г. в распоряжении Ленинградского СНХ находились два крупных комбината в Металлострое и Волхове [27, л. 144].

Особенностью организации совнархозов стало усиление роли местных советов. До 1957 г. в их ведении практически не было промышленности. Многие предприятия, которые могли бы обеспечивать местные потребности в простых товарах и строительных материалах, подчинялись министерству местной промышленности и выполняли указания из Москвы. Но с февраля 1957 г. местные производства начали переориентироваться на советы. По словам председателя Ленинградского областного исполкома Н.И. Смирнова (апрель 1957 г.) одной из главных целей этой передачи было «обеспечить занятость свободного местного населения». В ведение областного совета были переданы Приморская, Охтинская и Невская мебельные фабрики, производство лыж в области, заводы «Новатор» и «Знамя». В то же время продукция этих предприятий, на 200 млн руб., должна была направляться на продажу населению области [22, с. 3].

Вовлечение предприятий местных советов в процесс реформирования, привело к их модернизации. Обратимся к истории гатчинской мебельной фабрики, находившейся в 1957–1962 гг. в подчинении Ленинградского областного исполкома. В течении 1958 г. была проведена реконструкция станочного цеха фабрики, в связи с чем старое здание было разобрано и ликвидировано [2, с. 24]. В 1962 г. фабрика была включена в состав предприятий совнархоза и работы по перевооружению предприятия стали нарастать. Был разработан новый проект ее реконструкции и модернизации. Директор предприятия в 1961–1967 гг. А.П. Сергеев вспоминал о начале 1960-х гг.: «... коренной реконструкции подвергся главный производственный корпус. Одновременно велось строительство новых про-

изводственных участков: отделки мебели, шлифования, полирования и другие...» [2, с. 26]. Переоборудование мебельной фабрики положительно сказалось на ассортименте продукции. Снова обратимся к содержательным запискам Алексея Павловича: «... Коллектив фабрики немало потрудились над освоением новых изделий: сервантов, книжных шкафов и полок, футляров для телевизоров. Набор мебели К-61, фасад которой был облицован текстурной бумагой, фабрика представила на Выставке достижений народного хозяйства в Москве» [2, с. 26].

Регионализация экономики существенно помогла техническому оснащению сельского хозяйства в области. Когда Ленинградский совнархоз начал проводить на предприятиях тяжелой промышленности конверсию – переход от оборонной техники на гражданскую продукцию, то на некоторых из них были размещены заказы на сельскохозяйственное оборудование.

Ещё в начале лета 1957 г. Ленинградский металлический завод выделил под заказы сельского хозяйства специальный участок в цехе № 33. На нём рабочие собирали транспортеры для комбайнов. К августу 1957 г. производство наладилось: на участке собирали до 1000 транспортеров в месяц вместо 300 – 350 в самом начале работ [9, с. 1]. В июле – августе 1958 г. завод им. А.А. Жданова, совместно с Балтийским, изготовил 20 тыс. безлафетных жаток. Балтийский завод поставил детали для 6 тыс. жаток. Жатки, по словам директора завода Д.Н. Балаева, пошли в течение 1958 г. на поля и участвовали в уборке осеннего урожая [25, с. 1]. Невский машиностроительный завод в конце 1963 – начале 1964 гг. оказал помощь областному совхозу «Лужский». Завод механизировал совхозные фермы, собрал и установил камнеподборщики для тракторов «Беларусь» и ДТ-20, оснастили ремонтные службы совхоза [20, с. 1].

Среди крупных производителей, заменивших часть оборонных заказов на производство сельскохозяйственной техники в 1957 – начале 1960-х гг., можно назвать Невский машиностроительный, Адмиралтейский, им. А.А. Жданова, Балтийский, Ижорский заводы, а также «Большевик» [1, с. 111]. Удовлетворение региональных потребностей сельского хозяйства в технике и стало результатом реформирования управления промышленностью.

После смещения Н.С. Хрущева совнархозовская реформа оказалась обреченной на ликвидацию: новым лидерам страны – Л.И. Брежневу, Д.Ф. Устинову и другим было привычнее управлять при помощи централизма, сосредоточив власть в столице, в сентябре 1965 г. произошел отказ от совнархозов. Тем не менее, сложившиеся за почти десятилетие

хозяйственные связи между различными предприятиями не могли быть разрушены в одночасье и продолжали функционировать. Причем их полезность понимали первые лица города. Так В.С. Толстиков старался не допустить развала рациональных кооперативных связей, нередко вступал в конфликты с общесоюзными министерствами. Исполдволь регионализм впоследствии поощрял и Г.В. Романов. [5; с. 363].

История экономической региональной политики в советской России прошла противоречивый путь. Период Н.С. Хрущева породил совнархозовскую реформу, давшую импульс к становлению территориально-экономического комплекса в Ленинградском регионе. После преобразований индустриальный облик Ленинградской области определили как новые гиганты, так и обновленные производства. В рамках Ленинградского экономического района наладилось эффективное взаимодействие между областью и мегаполисом. Думается, этот опыт заслуживает в наше время пристального внимания.

Список источников и литературы:

1. Бурим Л.Д., Ефимова Г.А. Ижорские заводы. Колпино. Исторический очерк. СПб., 2002.
2. Бурлаков А.В. Сто лет в истории Гатчины. Предприятие «Гамбль» (Гатчина-мебель) вчера, сегодня, завтра... Гатчина: СЦДБ, 2014. 96 с.
3. Веденеев Ю.А. Организационные реформы и государственное управление промышленностью в СССР. Историко-правовое исследование (1957–1987). М.: «Наука», 1990. 251 с.
4. Ваксер А.З. Советская региональная политика 1950–1980-х годах и формирование Ленинградского территориально-экономического комплекса: истоки и уроки. // Промышленность Ленинградской области. История и современность. Материалы научной конференции. 4.11.1999. СПб., 2000.
5. Ваксер А.З. Ленинград послевоенный. 1945–1982 гг. СПб.: «Остров», 2005. 436 с.
6. Ваксер А.З. Реформа управления промышленностью и строительством в СССР. По материалам Ленинградского экономического района. // Советский мегаполис: Ленинград в процессе модернизации. СПб., 2014.
7. Ваксер А.З. Возрождение ленинградской индустрии. 1945 – начало 1950-х гг. СПб.: «Остров», 2015. 256 с.
8. Воробьев Ю.Ф. Реформа 1957 г. и ее роль в изменении организационной структуры управления народным хозяйством. // Очерки экономических реформ. М., 1993.
9. Гревнин С. Для сельского хозяйства. На участке сборки СК – 27. Турбостроитель. 1957. 21 августа.

10. Давыдов А.Ю. Самоснабжение и мешочничество в России в XX веке: этапы эволюции и общественные последствия // Старцевские чтения – 2006. К 75-летию профессора Виталия Ивановича Старцева. СПб., 2007.
11. Давыдов А.Ю. Кооператоры советского города в годы НЭПа. Между «военным коммунизмом» и социалистической реконструкцией. СПб.: Алетейя, 2011. 216 с.
12. Завод – новостройкам семилетки. Сделано в 1963 году // Молот. 1963. 8 февраля.
13. Зотова А.В. Экономика блокады. СПб.: «Остров», 2016. С. 63–64.
14. Кныш В.А., Подолянец Л.А., Хайкин М.М. Индустриально-сырьевая экономика: проблемы регулирования и управления. СПб.: ЛЕМА, 2017. 109 с.
15. Круглов В.Н. Хозяйственная реформа 1957 г. и дискуссии о развитии территориального устройства СССР // После Сталина. Реформы 1950-х годов в контексте советской и постсоветской истории. Материалы VII международной конференции. Екатеринбург. 15–17 октября 2015. М., 2016.
16. Лабудин А.В. Развитие теории территориального самоуправления в СССР: 1917–1991. Кн. 2. СПб.: СПбУЭФ, 1996. 223 с.
17. Лавриков Ю.А. Очерк о ленинградском экономическом районе. Л., 1958.
18. Ленинградская область. Исторический очерк. Л.: Лениздат. 1986. 366 с.
19. Павленко В.Ф. Планирование территориального развития (территориальный аспект планирования). М.: Экономика, 1984. 268 с.
20. По почину «Электросилы». Молот. 1963. 10 декабря.
21. Садчиков И.А., Сомов В.Е. Кириши – нефтеоргсинтез. От ПО к... ПО. СПб.: Химия, 1997. 270 с.
22. Смирнов Н.И. Возможности местной промышленности. Ленинградская правда. 1957. 12 апреля.
23. Степанов С.В. Приневский край в научных конференциях 2010-х годов // Научный потенциал краеведческих конференций. Материалы 10-й научно-практической конференции по информационным ресурсам петербурговедения. СПб., 2017.
24. Тропов И.А. Эволюция местных органов государственной власти в России (1917–1920-е гг.). СПб.: ГУАП, 2011. 499 с.
25. Турантаев Н. Заказ по жаткам выполнен досрочно // Балтиец. 1958. 30 августа.
26. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (далее – ЦГА СПб). Ф. 9683. Оп. 1. Д. 43.
27. ЦГА СПб. Ф. 9683. Оп. 1. Д. 3317.
28. Хорев Б.С. Региональная политика в СССР (экономико-географический подход). М.: Мысль, 1989. 286 с.
29. Хрисанфов В.И. Лужский край в 1920-е – 1930-е годы. Кн. 2. Промышленность и сельское хозяйство. Луга: Изд-во Голубева, 2015. 226 с.

УДК 94 (47)

Полторац С. Н.

д-р ист.наук, проф., главный редактор
ежемесячного журнала для ученых «Клио»
(Санкт-Петербург)

О студенческой жизни Д. А. Германа – будущего писателя Даниила Гранина

Российский писатель Д.А. Гранин – один из самых ярких и талантливых современников. Его романы, повести, рассказы, очерки широко известны не только в России, но и в десятках других стран мира. На фоне известности его произведений совсем неизвестны биографические сведения писателя. Особенно это касается студенческого периода его жизни. В настоящей статье говорится о возможных причинах выбора Д.А. Граниным будущей инженерной специальности, о его учебе в Ленинградском электротехническом институте им. В.И. Ульянова (Ленина) и в Ленинградском индустриальном институте, переименованном позже в Ленинградский политехнический институт. Обращается внимание на тот факт, что будущий писатель уже в студенческие годы активно работал в редколлегиях студенческих многотиражек в ЛЭТИ и в ЛПИ.

Ключевые слова: Д.А. Герман, Д.А. Гранин, Ленинград, вторая половина 1930-х гг., Ленинградский электротехнический институт им. В.И. Ульянова (Ленина), Ленинградский индустриальный институт, Ленинградский политехнический институт.

Russian writer D. A. Granin is one of the brightest and most talented contemporaries. His novels, tales, stories, essays are widely known not only in Russia but also in dozens of other countries. Despite the popularity of his works, the biographical information of the writer is not known at all. There is no information about the student period of his life. This article describes the possible reasons why D. A. Granin chose the specialty of an engineer. The author writes about his education at the Leningrad electrotechnical Institute named after V. I. Ulyanov (Lenin) and the Leningrad industrial Institute, later renamed into the Leningrad Polytechnical Institute. Attention is drawn to the fact that the future writer has been actively working in the editorial boards of student newspapers in universities during his student years.

Keywords: D. A. German, D. A. Granin, Leningrad, the second half of the 1930s, Leningrad electrotechnical Institute named after V. I. Ulyanov (Lenin), Leningrad industrial Institute, Leningrad Polytechnical Institute.

О ранней юности Д.А. Гранина известно не так уж много. Юность ленинградца Даниила Германа была похожа и не похожа на юность его сверстников. В школьные годы его идеалами были Гаврош, Спартак, Овод, граф Монте-Кристо, Валерий Чкалов, Фарадей [3, с. 42]. Последний был героем, который явно выбивался из общего ряда. Даниил восхищался ученым, как человеком, который долгие годы трудился, идя к своей научной цели. Возможно, именно Фарадей сыграл свою роль в том, что Даниил выбрал себе профессию, связанную с энергетикой.

Разумеется, как и для остальных мальчишек, ориентирами для него были ОСОАВИАХИМ, нормы ГТО, стремление к сдаче на знак «Ворошиловский стрелок», который сверстники ценили едва ли не как орден Красного Знамени. Прыгать с парашютом, преодолевать полосу препятствий, петь песни на слова М.В. Исаковского, водить автомобиль, разбираться в радиоаппаратуре и в технике вообще – таковы были нравственные ценности советской молодежи середины 1930-х гг. Быть гуманитарием в мальчишеской среде считалось неприличным, неуместным. Все будущие мужчины страны готовились к тому, чтобы дать отпор мировому империализму. До написания композитором Д.Я. Покрассом и поэтом В.И. Лебедевым-Кумачом знаменитой песни «Если завтра война» в 1935 г. еще осталось три года, но песня стала лишь следствием того духа, который уже несколько лет витал в воздухе. Те слова были не просто словами из песни: они стали алгоритмом поведения и жизни советской молодежи.

Хотя Даниил Герман по своей природе был гуманитарием, техникой он тоже был очень увлечен. Он вполне успешно и легкосочетал любовь и к тому, и к другому. В школьной характеристике на него, выпускника школы № 15 Смольнинского района Ленинграда, директором было написано: «Герман Даниил проявил себя как очень способный и развитой ученик, особенно в области гуманитарных предметов» [1, л. 7]. В школьные годы Даниил, как и многие его сверстники, проявлял политическую активность. Полтора года был редактором стенгазеты, полгода руководил политкружком [1, л. 1 об.]. Но в комсомол его приняли только в десятом классе. В те годы процедура вступления в эту молодежную политическую организацию была непроста. По подобию членства в большевистской партии молодые комсомольцы сначала проходили кандидатский стаж. Так что, на электроэнергетический факультет ЛЭТИ [1, л. 12] Даниил поступил, будучи лишь кандидатом в комсомольцы [1, л. 1, 3].

В документах, связанных с простой, казалось бы, биографией молодого человека Д.А. Германа, уже в конце 1939 г. появилась путаница. В характеристике, подписанной деканом электромеханического факультета Ленин-

градского индустриального института откуда-то появились сведения о том, что Д.А. Герман «до 1935 г. учился и окончил ФЗУ. Затем полгода работал шофером» [2, л. 9]. Эти данные явно не стыкуются со сведениями об окончании школы-десятилетки № 15.

Явные гуманитарные способности Даниила проявились во время вступительных экзаменов в Ленинградский электротехнический институт им. В.И. Ульянова (Ленина), которые в то время назывались вступительными испытаниями. Вступительных экзаменов было семь: русский язык письменный, русский язык устный, математика письменная, математика устная, физика, химия, обществоведение. По обоим экзаменам по русскому языку и обществоведению абитуриентом Д.А. Германом были получены «пятерки», физику он сумел сдать на «четыре», письменную и устную математику, как и химию, сдал на «три» [1, л. 4]. Средний балл «четыре» позволил Даниилу в августе 1935 г. стать студентом-первокурсником Ленинградского электротехнического института им. В.И. Ульянова (Ленина). Он выбрал специальность «электрические станции», что было необычайно современно.

Почему Д.А. Герман поступил именно в этот вуз? Представляется, что на выбор повлияло несколько обстоятельств. Во-первых, институт был очень престижным в предвоенные годы. Специальности, связанные с электроделом, с радиоделом перед войной были необычайно популярны среди молодежи, особенно среди юношей. Успешная реализация плана ГОЭЛРО вдохновляла всю страну на новые свершения. Многие мечтали о строительстве новых электростанций. Вероятно, мечтал и Даниил. Но был, мне кажется, и прагматический аргумент. Даниил Герман жил в то время с мамой и младшей сестрой в самом центре Ленинграда, на углу Литейного проспекта и улицы Пестеля. Точный адрес, по которому они проживали: ул. Пестеля, дом 27, кв. 33 [1, л. 2]. Институт находился на Петроградской стороне, на улице Попова, в доме 5. Спокойным шагом от дома до института можно было пройти за 50 минут. По тем временам, когда у советского человека каждая копейка была на учете, а транспортная система в городе была развита слабо, небольшое расстояние от дома до ЛЭТИ имело большое значение. Экономия времени и денег важна для любого человека, а для скромного первокурсника тем более.

Даниил учился с интересом, но, как сказали бы сейчас его современные сверстники, без фанатизма. По гуманитарным дисциплинам успевал блестяще, по техническим – по-разному: от «трех» до «пяти». На первом курсе по математике у него была твердая «тройка», тогда как экзамены по физике и химии, как и лабораторные работы, он сдал на «четыре». Были сложности с начертательной геометрией, черчением, теоретической механикой и английским языком: на экзаменах больше «тройки» Даниилу получить не уда-

лось. На «четверку» он сумел сдать рисование, хотя в живописи уже тогда разбирался блестяще! По политической экономии у студента Д.А. Германа на первом курсе была отличная оценка. В экономических вопросах он был силен, как, возможно, никто в его группе № 108 [1, л. 3].

Прекрасные волевые качества, огромное самолюбие и колоссальная работоспособность делали свое дело. На втором курсе по математике у Даниила была уже оценка «отлично». На должном уровне были знания и в области экономической политике. Что же касается теоретической механики, технологии материалов, теории механизмов и машин, физических основ электротехники и легендарного сопромата, то достижения второкурсника были крайне скромны. Однако «тройки» по этим дисциплинам было достаточно, чтобы без проблем перейти на третий курс.

Во время учебы в ЛЭТИ Даниил Герман активно сотрудничал с комитетом ВЛКСМ, но наибольшую активность проявил как член редколлегии институтской газеты «Энергетик» [2, л. 3 об.].

На третьем курсе не обошлось без сюрпризов. По диалектическому материализму Даниил на экзамене получил лишь «тройку». Таких же скромных оценок он был удостоен на экзаменах по английскому языку, по «электрическому измерению», «переменному току», а также по «деталям машин» [1, л. 12]. Зато на экзаменах по таким дисциплинам как «Электрические машины переменного тока», «Электрическое материаловедение» и «Теплотехника» он получил оценки «отлично» [1, л. 12 об.].

Но главный сюрприз состоял в том, что его специальность «Электрические станции» в институте вдруг сократили. Даниил стоял перед выбором: продолжить обучение по другой специальности, или уйти в Индустриальный институт, в котором на электромеханическом факультете готовили будущих инженеров по его специальности «Электрические станции».

Индустриальный институт прежде назывался Ленинградским политехническим институтом. В начале 1930-х гг. в рамках неудачного эксперимента его разделили на несколько отдельных вузов. Но позже спохватились, осознав всю глупость содеянного. Собрали куцые вузы вновь в единый институт, назвав его Индустриальным. Осенью 1940 г. ему вернули прежнее название – Политехнический институт. Он находился за пределами городской черты. Институт возвышался над многочисленными дачными домами, а неподалеку находилась деревня Гражданка, к которой примыкало поселение немцев-колонистов, живших там еще с екатерининских времен. До Политехнического института, в район Лесного, ходил один единственный трамвай американского производства. Добираться на нем до вуза было долго, но Даниил посчитал это лучшим выходом из создавшегося положения.

Получив официальное разрешение в ЛЭТИ на перевод в Ленинградский индустриальный институт, Д.А. Герман в августе 1938 г. написал заявление на имя директора ЛИИ с просьбой зачислить его студентом четвертого курса электромеханического факультета по специальности «Гидроэлектрические станции». Руководство ЛИИ не возражало и 13 сентября 1938 г. Д.А. Герман был зачислен на факультет, в связи с чем ректором было дано указание внести изменения в приказ № 636д о зачислении студентов от 1 сентября 1938 г. [2, л. 3]. Но уже 31 августа 1938 г. ему на домашний адрес на ул. Пестеля было отправлено официальное уведомление о том, что он зачислен на четвертый курс электромеханического факультета Ленинградского индустриального института [2, л. 5].

В новом вузе Даниил Герман учился так же, как и в прежнем: при весьма средней успеваемости проявлял свойственную времени активность. В его характеристике, подписанной деканом электромеханического факультета, секретарем факультетского партбюро и председателем профбюро от декабря 1939 г. говорилось: «Успеваемость хорошая. Дисциплинирован. Принимает активное участие в общественной жизни института, являясь членом редколлегии газеты "Индустриальный" (ныне – газета "Политехник". – С.Л.). Политически развит» [2, л. 9].

Важно заметить, что, обучаясь в ЛИИ, Даниил Герман прошел прекрасную военную подготовку. Возможно, она не раз выручала его в боевой обстановке. Кроме того, практически с самого начала войны Д.А. Герман служил в звании старшего политрука, что соответствовало воинскому званию капитана.

Время учебы в Политехе пролетело незаметно и уже 27 июня 1940 г. руководство института подписало Д.А. Герману выписку из диплома, в которой отмечалось, что дипломный проект на тему «Проект ГЭС по р. Серебрянной» защищен им на оценку «хорошо» [2, л. 15].

За время обучения в ЛЭТИ и в ЛИИ Даниил изучил 41 учебную дисциплину. Средний балл его успеваемости составлял 3,97, т.е. учебу в вузе он завершил с общим баллом «четыре». Таким образом, в конце июня 1940 г. Д.А. Герман стал дипломированным инженером-электриком [2, л. 15].

Казалось бы, на этом история учебы Д.А. Германа в Ленинградском индустриальном институте закончилась. Это почти так. Но есть небольшая загадка. По распределению Даниил должен был быть направлен в распоряжение наркомата электростанций. Ему предстояло отправиться трудиться в Ленинградскую область на строительство электростанции на реке Свирь. Выпускник института по распределению не явился. По этому поводу из наркомата электростанций СССР 10 декабря 1940 г. был направлен запрос

в Ленинградский индустриальный институт [2, л. 16]. В ответ на запрос из наркомата электростанций сотрудником института, который к тому моменту вновь стал Ленинградским политехническим институтом им. М.И. Калинина, начальнику главцентрэнерго в Москву 17 декабря 1940 г. был направлен ответ. В нем говорилось: «Сообщаем, что м[олодой] специалист Герман Д.А. работает на Кировском заводе (Ленинград) по полученной им путевке № 1319 от 29/VIII-40 г. по НК тяжелого машиностроения» [2, л. 14].

Как получилось, что специалист в области строительства электростанций попал по новому распределению работать на Кировский завод г. Ленинграда сказать трудно. Возможно, к концу его обучения в вуз в срочном порядке поступила заявка с Кировского завода на молодых специалистов. К подобным заявкам отношение было особенно внимательное, поскольку на Кировском заводе изготавливались танки и другая техника для обороны страны. Советский Союз активно готовился к защите своих рубежей, и запросы оборонных предприятий были превыше всего.

Нельзя исключать, что события развивались и по более приземленному сценарию. Не каждому молодому инженеру хочется покидать родной дом, свой город и уезжать на строительство нового объекта за пределы города. Из личного дела Д.А. Германа известно, что он в студенческие годы проходил на Кировском заводе производственную практику. Наверняка там у него появились знакомые, которые были заинтересованы в привлечении смышленного парня к себе на производство. Подготовить запрос из оборонного предприятия в институт – не такая уж сложная задача.

Таким образом, будущий писатель Даниил Гранин получил профессиональную подготовку в двух технических вузах Ленинграда, которые по праву считались одними из лучших не только в Ленинграде, но и в СССР. Полученных знаний ему вполне хватило для того, чтобы в дальнейшем на протяжении многих лет со знанием дела описывать в своих произведениях труд советской технической интеллигенции.

Список источников и литературы:

1. Личное дело студента Даниила Александровича Германа // Архив Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова (Ленина).
2. Личное дело Германа Даниила Александровича // Архив Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого.
3. Гранин Д.А. Примечания к путеводителю // Неожиданное утро. Л.: Лениздат, 1987. 351 с.

Историческая наука в современном обществе (историографические очерки и историческая публицистика)

УДК 92 (929)

Любичанковский С. В.

д-р ист. наук, профессор,
зав. кафедрой истории России
Оренбургского государственного
педагогического университета
(г. Оренбург)

Профессор Г. А. Герасименко глазами коллеги-историка (о работе П. С. Кабытова «Жизнь и творчество профессора Григория Алексеевича Герасименко»)

В статье дается оценке книге профессора П.С. Кабытова о жизни и творчестве видного отечественного историка Г.А. Герасименко. Сделан вывод, что новая книга, помимо фактологической новизны, погружает читателя в атмосферу поиска, способствует воспитанию уважения к интеллектуальному труду.

Ключевые слова: историография, Г.А. Герасименко, П.С. Кабытов, историк, историческая наука.

The article evaluates the book of Professor P.S. Kabytov about the life and work of the prominent Russian historian G.A. Gerasimenko. It is concluded that the new book, in addition to factual novelty, immerses the reader in the atmosphere of search, contributes to the education of respect for intellectual work.

Keywords: historiography, G.A. Gerasimenko, P.S. Kabytov, historian, historical science.

Владлена Семеновича Измозика знаю с 2007 года (его замечательные труды – конечно, значительно с более раннего времени), когда вышел на защиту докторской диссертации и находился в поиске оппонентов. Владлен Семенович – выдающийся ученый и при этом скромный человек, настоящий питерский интеллигент, с которым интересно не только поговорить, но даже и помолчать, находясь рядом. Стараюсь равняться на него.

В предлагаемой статье речь пойдет о другом крупном российском ученом, который также, как и Владлен Семенович, является

для нескольких поколений отечественных историков примером для подражания.

Новая книга известного российского ученого-историка П.С. Кабытова «Жизнь и творчество профессора Григория Алексеевича Герасименко» [1] не случайно «адресована всем интересующимся историей России»: герой ее – видный российский историк, заслуженный деятель науки Российской Федерации – внес огромный вклад в разработку актуальных проблем Великой российской революции.

Несколько строк в Большой биографической энциклопедии сообщают: «Герасименко Григорий Алексеевич. Заведующий кафедрой истории Российского государства Российской академии государственной службы при Президенте РФ; родился в 1931 г.; доктор исторических наук, профессор; основное направление научной деятельности: политология; увлекается музыкой». И хотя энциклопедия вышла в 2009, в ней нет даже второй даты. В энциклопедии Саратовского края информации побольше: помимо биографической рамки (1931–2005) есть информация об основных этапах жизненного пути: «Родился 19 августа 1931 г. в крестьянской семье на Дальнем Востоке. В 1954–1959 гг. учился на историческом факультете СГУ. С 1963 г. работал на историческом факультете. В 1965 г. защитил кандидатскую диссертацию, в 1973 г. – докторскую. В 1973–1980 гг. был деканом факультета. В 1980 г. переехал в Москву. Работал заведующим кафедрой истории СССР и всеобщей истории Высшей кадровой школы при ЦК ВЛКСМ, заведующим кафедрой истории СССР Академии общественных наук при ЦК КПСС, заведующим кафедрой истории Российского государства Российской академии государственной службы. Специалист в области истории органов местного самоуправления в первой половине XX в. Скончался 13 августа 2005 г. в Москве» [3, с. 585].

Библиография о П.А. Герасименко до недавнего времени перечисленными источниками исчерпывалась.

Тем ценнее недавно вышедшая книга П.С. Кабытова «Жизнь и творчество профессора Григория Алексеевича Герасименко». Читаешь ее – и скупые строки справочной статьи будто оживают.

Автор подробно сообщает о том, что предки его героя были амурскими казаками, рассказывает о детстве своего героя в с. Климовка Амурской области, о школьных годах, пришедшихся на военное лихолетье, первом педагогическом опыте в качестве учителя начальных классов в родной школе.

Интересно узнать, что будущий ученый поначалу выбрал военную карьеру: поступил в Челябинское военное училище штурманов дальней

авиации. «Став летчиком, – уверен автор книги, – Г.А. Герасименко обрел панорамное, или объемное видение многих событий, что, вероятно, предопределило выбор его будущей гражданской профессии» [1, с. 10].

Петр Серафимович вводит в научный оборот строки из автобиографии Г.А. Герасименко, в которых содержатся сведения о его военной службе: оказывается, два с половиной года он служил в авиационном полку, участвовал в войне на корейском полуострове, на его счету были боевые вылеты. В автобиографии значится: «демобилизован по состоянию здоровья».

Автор книги пишет: «О том, что он служил в армии, и даже принимал участие в военных конфликтах, я узнал случайно лишь в середине 1990-х гг., когда он во время нашей встречи сказал мне, что уезжает в Северную Корею, для встречи ветеранов войны» [1, с. 11].

Приступая к повествованию, П.С. Кабытов размышляет: «Писать о Г.А. Герасименко и легко, и сложно. Легко, потому что я долгие годы знал Григория Алексеевича, часто с ним встречался, принимал участие в обсуждении его творческих планов по написанию монографий. С другой стороны, это накладывает большую ответственность на автора данного очерка при оценке его вклада в российскую историографию» [1, с. 6].

В уже процитированной статье из Саратовской энциклопедии перечислены основные сочинения Г.А. Герасименко. Среди них и фундаментальные монографии: «Борьба крестьян против столыпинской аграрной политики» (Саратов, 1985); «Земское самоуправление в России» (М., 1990); «Первый акт народовластия в России: общественные исполнительные комитеты (1917 г.)» (М., 1992); «Народ и власть (1917 год)» (М., 1995), и научные статьи в центральных исторических журналах: «История СССР», «Вопросы истории», «Отечественная история».

Сами названия книг и статей свидетельствуют о научных интересах их автора, но чрезвычайно интересно читать о том, что стояло за этими публикациями, с какими сложностями сталкивался автор, как отстаивал свою точку зрения. Многие происходило на глазах автора книги, и в своем повествовании он не просто анализирует научные труды ученого, но и рассказывает об обстановке, в которой они рождались.

Так, П.С. Кабытов подробно рассказывает о событиях полувековой давности, когда было решено к 50-й годовщине Октябрьской революции подготовить серию работ о том, как проходила подготовка к ней в регионах России.

К тому времени Г.А. Герасименко написал оригинальную работу по истории Советов Нижнего Поволжья, в которой впервые ввел в научный

оборот новые архивные документы. Эти материалы, в том числе и по Советам Астрахани, были использованы при написании коллективной монографии. Однако, после выхода в свет монографии «Октябрь в Поволжье» старые астраханские и волгоградские большевики обвинили авторов коллективной монографии во всех смертных грехах, заявляя, что они исказили и даже оклеветали астраханских большевиков того времени, и неверно оценили их вклад в процессе борьбы за советскую власть.

В своей книге П.С. Кабытов цитирует своего героя: «Поскольку главным поставщиком архивных материалов по событиям в Астрахани был я, ... то члены редколлегии обязали меня держать ответ перед старыми большевиками. Конечно, надежда на то, что я, начинающий тогда исследователь, вытащу их из этой ситуации, была мала. Ответ большевикам вылился в 24 страницы мелкого шрифта. И после того как члены редколлегии его подписали и отправили в ИМЛ (Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС – П.К), никаких действий не последовало. Москва умолкла» [1, с. 24].

Как видим, копья в связи с оценкой революционных событий 1917 года ломали и в глубоко советское время.

«Писать воспоминания о пережитом – дело невероятно трудное, – размышляет П.С. Кабытов на страницах одной из своих книг. – Практически никто из мемуаристов не может сохранить объективность при освещении событий, в которых он или принимал участие, или являлся их очевидцем. Вольно или невольно на первый план выступает сам автор воспоминаний со своими представлениями о жизни, чувствами и переживаниями, зачастую с предрассудками. ..., я попытаюсь говорить ... о людях, с которыми мне довелось встречаться и многие годы работать» [2, с. 177].

Надо сказать, что автор с этой задачей справился прекрасно. Вот он рассказывает о первой встрече с Григорием Алексеевичем, которая состоялась в апреле 1971 г. в Саратове. П.С. Кабытов вспоминает, как во время совещания историков Поволжья увидел «высокого, худощавого, лет сорока человека...». «Так случилось, – пишет далее П.С. Кабытов, – что мы с Г.А. Герасименко стали друзьями. Нашей дружбе не могла помешать разница в возрасте. Она составляла почти 10 лет. В нем не было ни грамма снобизма, когда профессора смотрят на младших коллег свысока. Мы встречались на научных конференциях, а также во время заседаний Научного совета в Москве, обменивались мнениями, обсуждали научные проблемы за обедом или ужином» [1, с. 28].

На страницах книги о многих обсуждаемых проблемах автор пишет подробно. Например, рассказывает об открытии, которым поделился с ним Герасименко. «По его наблюдениям низовые крестьянские органи-

зации уже с лета 1917 г. состояли преимущественно из представителей демократических слоев сельской поземельной общины, что явно не соответствовало официальной концепции, которая генетически восходит к «Краткому курсу истории ВКП (б)» [1, с. 29].

Нельзя не обратить внимания на то, что в книге множество ссылок на личный архив автора. То есть автор вводит в научный оборот абсолютно новые материалы: письма Герасименко, воспоминания учеников и коллег, многие из которых, к слову, написаны по просьбе П.С. Кабытова. Трудно переоценить значение воспоминаний друга Герасименко Ю.Г. Бреусова: «Во время одного из полетов самолет из-за непоправимой технической неполадки потерял управление и рухнул. К счастью, Григорий остался жив, но его ноги были травмированы... Несмотря на перелом ног, сам Гриша не сломался. Огромная воля к жизни, стремление быть полноправным членом общества, постоянные физические занятия способствовали тому, что последствия переломов абсолютно не были заметны» [1, с. 12].

Рассказывая о вышедшей в Саратове в 1985 г. монографии Герасименко под названием «Борьба крестьян против стольпинской аграрной политики», Кабытов цитирует строки из письма ульяновского историка Д.С. Точеного: «...Я читал труд, который невозможно было оспорить ни в главном, ни во второстепенном. Каждое положение книги Г.А. Герасименко было аргументировано более чем основательно. Прошло более тридцати лет со дня первого прочтения его работы о низовых крестьянских организациях, но у меня осталось с тех пор непоколебимое убеждение: более фундаментальных и доказательных исследований по истории событий в России в 1917–1918 гг. мне не попадалось» [1, с. 29–30].

И хотя автор сожалеет, что ему не удалось изучить многие архивные материалы, касающиеся Герасименко, так как «нет пока доступа к его личному архиву», книга «Жизнь и творчество профессора Георгия Алексеевича Герасименко» уникальна, так как рисует портрет настоящего ученого, о котором П.С. Кабытов пишет с огромным уважением и любовью: «Я всегда восхищался его огромной картотекой, в которой были представлены тысячи выписок из архивных материалов, документальных публикаций и научных трудов историков. Он как-то в Москве продемонстрировал мне это уникальное собрание. В московский период жизни картотека стала пополняться ксерокопиями архивных источников, извлеченных историком из фондов центральных архивов Москвы и Ленинграда, а также из научных исследований. Как правило, эти ксерокопии были испещрены пометами историка.

Обычно эта часть исследовательской работы для многих историографов невидима. Она выступает в качестве подводной части айсберга и видна только вдумчивому историографу и тем коллегам, которые занимаются этой проблематикой. Но, несомненно, одно – источниковая база и научная литература являются тем фундаментом на основе которого историк, реконструируя ушедшие в далекое прошлое события и факты, добывает новые знания и воссоздает новые концепции.

Оценивая поистине титанический труд историка, можно сказать, что это был в буквальном смысле этого слова глубоко земельный крот. Прорыв фонды центральных и областных государственных архивов, и опираясь на плечи предшественников, он создал ряд оригинальных научных исследований по истории Великой российской революции. Позже, перейдя от региональной проблематики, он написал ряд научных трудов по истории России начала XX века» [1, с. 21–22].

Рецензируемое издание российского ученого-историка П.С. Кабытова в известной степени продолжает ряд биографических этюдов о замечательных ученых, включенных в уже упоминаемую нами книгу «Историк в прошлом и настоящем» (в нее вошли рассказы о С.Ф. Платонове, А.М. Анфимове, С.О. Шмидте, В.Г. Тюкавкине, Е.И. Медведеве, И.М. Ионенко, Г.Н. Вульфсоне, Ю.И. Смыткове). Новая книга пополняет галерею портретов ученых, исследователей, энтузиастов, погружает читателя в атмосферу поиска, «заражает» желанием искать и таким образом способствует воспитанию уважения к исследовательскому, интеллектуальному труду. И в этом, на наш взгляд, еще одна ценность рецензируемой книги, адресованной широкому кругу читателей, и в первую очередь, начинающим исследователям.

Список источников и литературы:

1. Кабытов П.С. Жизнь и творчество профессора Григория Алексеевича Герасименко. Саратов: Техно-Декор, 2016. 135 с.
2. Кабытов П.С. Историк в прошлом и настоящем: историографические очерки, исследования и публицистика. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2016. 320 с.
3. Энциклопедия Саратовского края. Саратов: Приволж. кн. изд-во, 2002. 780 с.

УДК 94(470)

Хлобустов О. М.

член Общества изучения истории
отечественных спецслужб
(г. Москва)

Феномен послеправды

В статье анализируется феномен послеправды (post-truth), рассматривается его взаимосвязь с формированием исторического сознания. И, в частности, использование эффекта послеправды в годы «холодной войны» США против СССР. Приводятся примеры феномена послеправды в некоторых современных отечественных популярных изданиях. В статье также раскрывается история создания Общества изучения истории отечественных спецслужб и некоторые аспекты его деятельности.

Ключевые слова: послеправда, социально-психологический феномен, историческое сознание, массовая информация, информационное противоборство, отечественные органы государственной безопасности, исторические чтения.

The article analyzes the post-truth phenomenon, examines its relationship with the formation of historical consciousness. It also deals with the post-truth phenomenon during the Cold war between the USA and the USSR. The article contains some examples of post-truth in some modern domestic popular publications. It also reveals the history of the Society for the Study of the history of domestic intelligence agencies and some aspects of its activities.

Keywords: post-truth, socio-psychological phenomenon, historical consciousness, mass information, information warfare, domestic state security services, historical readings.

В 2016 г. составители Оксфордского словаря выбрали в качестве слова года термин post-truth («постправда», «послеправда») [7]. Этот неологизм обозначает некий получивший в настоящее время значительное распространение социально-психологический феномен общественного сознания. Он означает формирование общественных настроений посредством распространения информации, оперирующей не фактами, а эмоциями человека, знакомящегося с ней. Филологи объяснили выбор «послеправды» в качестве «слова года», а также его механизм тем, что источнику информации «объективные факты менее важны, чем обра-

щение к эмоциям и личным убеждениям ее получателей» [8]. Особенно широкое распространение механизм формирования послеправды получил в сфере массовой информации. То есть, речь идет о целенаправленном манипулировании общественным мнением и настроениями различных социумов.

Несмотря на относительную «молодость» самого термина (его появление филологи датируют 1992 г.), механизм формирования послеправды давно применялся в сфере идеологической борьбы и информационного противоборства между государствами, что получило на Западе официальное признание в виде концепции *психологической войны*.

По сути дела, мы имеем дело с известной ситуацией «двух правд», когда имеются две или большее количество *версий* исторического процесса. И в геополитическом соперничестве, и в информационном противоборстве каждая из участвующих в нем сторон, стремится утвердить подлинность именно своего взгляда, своей трактовки исторического прошлого. Американский историк Джозеф Найт так охарактеризовал эту ситуацию: «В информационный век побеждает тот, чья история убедительнее, чья история способна привлечь людей» [10, с. 286].

Постижение исторического опыта всегда актуально, хотя подчас и становится объектом политических и идеологических спекуляций, в чем нашим современникам пришлось наглядно убедиться в годы так называемой перестройки. В этой связи уместно вновь вспомнить мудрые слова В.О. Ключевского о том, что «История – не учительница, а скорее строгая надзирательница: она ничему не учит, и лишь наказывает за невыученные уроки!».

Так, КГБ СССР уже в 1966 г. располагал информацией о том, что зарубежные идеологические центры «пытаются поколебать морально-политическое единство советского народа, играть на национальных и религиозных чувствах отдельных групп населения, и, тем самым, создавать наиболее выгодную для себя ситуацию в Советском Союзе. И именно поэтому спецслужбы ведущих империалистических государств стали основными организаторами идеологических диверсий». Уже в то время ежедневное радиовещание велось 28 зарубежными радиостанциями на 21 языке народов СССР. Разумеется, весь этот объем вещания не идет ни в какое сравнение с теми возможностями, которые ныне создает мега-СМИ Интернет.

В феврале 1966 г. в Гуверовском Институте изучения войн, революций и мира при Стэнфордском университете, в то время – ведущем мировом «советологическом» центре, был проведен международный

симпозиум, посвященный предстоящему пятидесятилетию Великой Октябрьской социалистической революции в России и его освещению в зарубежных СМИ и иностранном вещании. На основании его рекомендаций Информационное агентство США (ЮСИА) направило во все заграничные представительства директиву о подготовке проведения комплекса пропагандистских мероприятий, направленных на дискредитацию данного исторического юбилея. Помимо этого, с 1967 года в социалистических странах Государственным департаментом США (при тайном участии ЦРУ), намечалось также проведение пятилетнего социологического исследования с целью выработки мер «по повышению эффективности информационно-идеологического воздействия на научно-техническую и творческую интеллигенцию, а также на молодежь». Главная его цель, как она формулировалась Государственным департаментом США, состояла в необходимости «сосредоточить внимание на соответствующей обработке местных авторитетов в области культуры и отдельных лиц, которые могут влиять на формирование общественного мнения» [1, л. 84–88].

А в мае 1986 г. Государственный департамент США начал масштабную информационно-пропагандистскую кампанию, назначение и смысл которой формулировался как стремление «превратить год семидесятилетия Советской власти в год пятидесятилетия «большого террора» 1937 года!». Следует отметить, что этот замысел в значительной степени удался его инициаторам [12, с. 378–393].

При этом тогда «в общественный оборот» публикаций СМИ стали активно вводиться оценки и описания конкретных событий зарубежных авторов, в том числе и изменников Родины, перебежчиков из рядов органов безопасности (Г. Агабекова, П. Дерябина, О. Гордиевского и некоторых других). Причем авторы газетно-журнальных публикаций не утруждали себя проверкой фактов, обстоятельств и причинно-следственных связей упоминаемых событий. А в 1990–1993 гг. пришла очередь уже прямым перепечаткам «творений» указанных «свидетелей-разоблачителей». В этой связи трудно не согласиться с постулатом, сформулированным известным российским историком С.П. Мельгуновым: «Часть – не есть целое. Часть правды – не есть вся правда» [6, с. 5].

Относительно анализа конкретных произведений, что в большей степени под силу компетентным специалистам, следует отметить, что, как подчеркивал еще в 1930-е годы С.П. Мельгунов, «в историческом труде критике подлежат не столько теоретические построения автора, вытекающие из его индивидуального мировоззрения, сколько та факти-

ческая канва, на которой выводится определенный исторический узор. Только в этой плоскости из столкновения мыслей может **родиться истина** (выделено мной – О.Х.)» [6, с. 5]. Та самая правда истории, которая приносится в жертву послеправде.

Инерция дискредитации исторического прошлого страны, начатая упомянутой информационно-пропагандистской кампанией США 1986–1987 гг., вызвала к жизни инициативу Центра общественных связей ФСБ России по проведению в Москве международной научной конференции «Российские спецслужбы – история и современность», состоявшейся 10–11 декабря 1997 г. Именно на ней и произошло мое знакомство с В.С. Измозиком. Эта конференция стала знаменательным событием научно-исторической жизни страны, имевшим не только значительный общественный резонанс, но и более отдаленные последствия.

Первым из них стало ежегодное проведение в декабре месяце Исторических чтений на Лубянке. Этот весьма полезный и плодотворный опыт общения специалистов-историков исследовательских, архивных и образовательных учреждений России, как гражданских, так и военных, а также ветеранов и сотрудников спецслужб, позволил начать работу по созданию Общества изучения истории Отечественных спецслужб (ОИИОСС). Цель деятельности общества формулировалась как объективное и комплексное изучение и освещение истории отечественных органов безопасности. То есть, уже изначально она определялась как противодействие распространению «послеправды».

С первых же дней образования оргкомитета по формированию ОИИОСС В.С. Измозик стал одним из активных его участников, одним из неформальных лидеров, душой его Санкт-петербургского отделения, а затем – и членом правления Общества.

Следует отметить, что деятельность этого отделения в немалой степени способствовала регулярному проведению в северной столице с 2005 г. на площадке Государственного музея политической истории России Исторических чтений «Гороховая, 2», публикации материалов которых являются еще одним интереснейшим источником для изучения социально-политической истории страны.

Общество изучения истории Отечественных спецслужб было зарегистрировано 27 июля 2001 г. и в настоящее время является коллективным членом Российского исторического общества. Сегодня членами общества и участниками Исторических чтений на Лубянке являются жители не только Санкт-Петербурга и Москвы, но и историки из Архангельска, Петрозаводска, Омска, Хабаровска, Владивостока, Екатеринбурга, Во-

ронеза, Нижнего Тагила, Орла, Самары, Челябинска, Волгограда, Великого Новгорода и Калининграда.

16 октября 2006 г. Обществом был проведен круглый стол «Современная историография и источниковедение истории отечественных органов госбезопасности (от Ф.Э. Дзержинского до Ю.В. Андропова). Тенденции развития», на котором были рассмотрены некоторые аспекты использования и формирования «эффекта слепоправды» [5, с. 8–130].

Активная работа Общества привела к тому, что его участники принимали участие в создании радиопрограмм и в съемках десятков документальных фильмов, посвященных различным этапам социально-политической истории России, неотъемлемой частью которой является и история деятельности отечественных органов безопасности, ими подготовлены и опубликованы не один десяток научных трудов.

Применительно к рассматриваемой проблеме формирования исторического сознания, уместно будет привести тот факт, что еще в сентябре 1998 г. президенту США Б. Клинтону был представлен доклад РЭНД-Корпорейшн «Strategic Informational Warfare Rising» («Возрастание значения информационного противоборства»). В нем был сформулирован целый ряд задач «информационного противоборства второго поколения», то есть, основанного на успешном, с точки зрения руководства США, опыте «холодной войны» против СССР. Обратим внимание на первую из названных задач: «подмена традиционных нравственных ценностей и ориентиров, создание атмосферы бездуховности, разрушение национальных духовно-нравственных традиций и культивирование негативного отношения к культурно-историческому наследию». По нашему мнению, ее формулировка является квинтэссенцией замысла, изложенного в известном «плане Даллеса для СССР». И дает, таким образом, окончательный и однозначный ответ на непрекращающийся спор относительно подлинности замысла А. Даллеса [11, с. 215–220]. А в декабре 1999 г. «Стратегические рекомендации по информационному противоборству второго поколения» уже были утверждены в качестве директивы Совета безопасности США [3].

И не случайно в этой связи в современной Военной доктрине Российской Федерации в числе угроз национальной безопасности называется и «деятельность по информационному воздействию на население, в первую очередь на молодых граждан страны, имеющая целью подрыв исторических, духовных и патриотических традиций в области защите Отечества» [2, п. 13в].

На наш взгляд, необходимо подчеркнуть, что искажение понимания исторического прошлого и его отражение в историческом сознании общества, далеко не всегда является напрямую следствием сознательных манипуляций с фактами и информацией о них. Оно может быть также следствием недостаточного уровня методологической культуры автора, а также качества используемых им источников.

С.П. Мельгунов писал по этому поводу, что, по нашему мнению, с полным основанием относится и к представителям СМИ: «История обязывает к рассмотрению всей совокупности того материала, который может быть в распоряжении исследователя. Историк тенденциозен, когда он сознательно отбрасывает материал, не укладывающийся в заранее им установленные, и, следовательно, искусственные схемы; бессознательно он тенденциозен, конечно, и тогда, когда игнорирует материал в силу своего незнакомства с ним» [6, с. 5].

Об этом, на наш взгляд, следует помнить при знакомстве с некоторыми новинками литературы, приуроченными к столетнему юбилею Октябрьской революции и столетию образования советских органов государственной безопасности. В частности, в 2017 г. стало доступно массовому читателю немалое число переводов зарубежных изданий, в том числе и мемуарного плана: А. Даллеса, Г. Брук-Шефера, Р. Локкарта, А.М. Орлова и других [4]. Однако, к сожалению, данные издания не имеют никаких редакционных пояснений и комментариев. Из них абсолютно неясно, к примеру, а какова же была подлинная роль британской СИС и лично Роберта Брюса Локкарта в попытках свержения советского правительства? А также в раскрытом ВЧК в августе 1918 г. так называемом «заговоре послов»? Да и биография самого Льва Лазаревича Фельдбина (настоящие имя и фамилия А.М. Орлова) достойна более серьезного изложения, в отличие от версии, предложенной им американским читателям в 1953 г. [15].

Некоторые же другие переводные и мемуарные издания, наоборот, сопровождались весьма емкими и содержательными предисловиями или комментариями, позволяющими более объективно оценивать как исторические реалии времени, так и роль в них конкретных исторических персонажей [13]. «Без подобного предупреждения, публикация книги Дэвида Даллина, порожденной духом маккартизма, и, добавим, очень многих других подобных изданий, стала бы лишь еще одним из антисоветских пасквилей, вместо того, чтобы объективно показать борьбу за спасение и обеспечение выживания первого в мире социалистического государства» [14, с. 402].

В заключение хотелось бы выразить надежду, что, по крайней мере, в сообществе историков и журналистов, найдут понимание и поддержку слова В.В. Путина о том, что прошедшие и предстоящие юбилейные даты в истории России будут наконец-то восприняты «нашим обществом как подведение черты под драматическими событиями, которые разделили страну и народ, станут символом взаимного прощения и принятия отечественной истории такой, какая она есть – с ее великими победами и трагическими страницами» [9].

Список источников и литературы:

1. Архив Управления ФСБ РФ по г. Москве и Московской области. Ф. 1 (1967 г.), Оп. 8, Д. 2, Т. 2.
2. Военная доктрина Российской Федерации, пп. 13 в). // Российская газета, 30 декабря 2014 г.
3. Гриняев С.В. Взгляды военных экспертов США на ведение информационного противоборства. // Зарубежное военное обозрение. М., 2001, № 8.
4. Даллес А. ЦРУ против КГБ. Искусство шпионажа. М., 2017; Брук-Шеферд Г. Перебежчики из разведки, изменившие ход «холодной войны». М., 2017; Локкарт Р. Агония Российской империи. Воспоминания офицера британской разведки. М., 2017; Орлов А. Подлинный Сталин. Воспоминания генерала НКВД. М., 2017.
5. Материалы научной конференции (круглого стола) «Современная историография и источниковедение истории отечественных органов госбезопасности (от Ф.Э. Дзержинского до Ю.В. Андропова). Тенденции развития». // Труды Общества изучения истории отечественных спецслужб. Том III. М., 2007.
6. Мельгунов С.П. «Российская контрреволюция» (Методы и выводы генерала Головина). Доклад в Академическом союзе 17 июня 1938 г. Париж, 1938.
7. Постправда, brexit и fake news... // РИА Новости, <https://ria.ru/world/20170913/1504718396.html>. (Дата обращения 19.11.2017).
8. «Постправда» стало словом года по версии Оксфордского словаря. // www.bbc.com/russian/news-37995176. (Дата обращения 23.12.2017).
9. Путин В.В. Выступление на заседании Совета при Президенте по развитию гражданского общества и правам человека 30 октября 2017 г. // <http://www.kremlin.ru/events/president/news/55947> (Дата обращения 5.11.2017 г.).
10. Хлобустов О.М. Американская стратегия «холодной войны» против России: история и современность. // Исторические чтения на Лубянке: XX лет. М., 2017.
11. Хлобустов О.М. Еще раз о «пресловутом плане Даллеса». // Труды Общества изучения истории отечественных спецслужб. М., 2006. Т. I.
12. Хлобустов О.М. КГБ СССР 1954–1991 гг. Тайны гибели Великой державы. М.: Аква-Терм, 2013. 654 с.

13. Хлобустов О. Государственная безопасность СССР при Шелепине и Семичастном. // Семичастный В.Е. Спецслужбы СССР в тайной войне. М. 2016, с. 6–50; Хлебников И. Воспоминания агента государственной безопасности. // Туманов О. Подлинная “Судьба резидента”. Долгий путь на Родину. М., 2017, с. 6–16; Хлобустов О. Разведка и контрразведка в XX веке. // Даллин Д. Советский шпионаж в Европе и США. 1920–1950 годы. М., 2017, с. 402–418.

14. Даллин Д. Советский шпионаж в Европе и США. 1920–1950 годы. М.: Алгоритм, 2017. 448 с.

15. Царёв О. И., Костелло Дж. Роковые иллюзии. М.: Аква-Терм, 1995. 592 с.

Сведения об авторах

Баранов Андрей Владимирович – доктор исторических наук, доктор политических наук, профессор кафедры политологии и политического управления Кубанского государственного университета (Краснодар).

Барыкина Инна Евгеньевна – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры социального образования Санкт-Петербургской академии постдипломного педагогического образования.

Батулин Павел Владимирович – ведущий специалист-архивариус АО «Первый канал» (Москва).

Булгакова Людмила Алексеевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Санкт-Петербургского Института истории РАН.

Годовова Елена Викторовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Оренбургского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Гусман Леонид Юрьевич – доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории и философии Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения, ассоциированный научный сотрудник Санкт-Петербургского Института истории РАН.

Давыдов Александр Юрьевич – доктор исторических наук, профессор кафедры русской истории Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена.

Зотова Анастасия Валерьевна – доктор исторических наук, академик РАЕН, доцент кафедры международных отношений на постсоветском пространстве Санкт-Петербургского государственного университета.

Иванов Виктор Александрович – доктор исторических наук, профессор, ассоциированный научный сотрудник Санкт-Петербургского Института истории РАН.

Иорданская Анастасия Максимовна – историк, переводчик.

Крымская Альбина Самуиловна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры документоведения и информационной аналитики библиотечно-информационного факультета Санкт-Петербургского государственного института культуры.

Любичанковский Сергей Валентинович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Оренбургского государственного педагогического университета.

Мусаев Вадим Ибрагимович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела современной истории России Санкт-Петербургского Института истории РАН.

Николаев Андрей Борисович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой русской истории Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена.

Плеханов Александр Михайлович – доктор исторических наук, профессор.

Плеханов Андрей Александрович – кандидат исторических наук, главный специалист Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ).

Подольский Сергей Игоревич – кандидат исторических наук, ассистент кафедры истории Санкт-Петербургского горного университета.

Полтораки Сергей Николаевич – доктор исторических наук, профессор, главный редактор ежемесячного журнала для ученых «Клио» (Санкт-Петербург).

Рабинович Александр (Alexander Rabinowitch) – профессор Индианского университета (США), ассоциированный научный сотрудник Санкт-Петербургского Института истории РАН.

Рудник Сергей Николаевич – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории Санкт-Петербургского горного университета.

Сафонов Михаил Михайлович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела новой истории России Санкт-Петербургского Института истории РАН.

Степанов Станислав Вячеславович – преподаватель, Гатчинский педагогический колледж им. К. Д. Ушинского (г. Гатчина, Ленинградская область)

Тропов Игорь Анатольевич – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры гуманитарного образования Выборгского филиала Российского государственного педагогического университета (РГПУ) им. А. И. Герцена, профессор кафедры социально-экономических наук и внешнеэкономической деятельности Ивангородского гуманитарно-технического института (филиала) Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения.

Хлобустов Олег Максимович – член Общества изучения истории отечественных спецслужб (Москва).

Ходяков Михаил Викторович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой Новейшей истории России Санкт-Петербургского государственного университета

Хрисанфов Валентин Иванович – доктор исторических наук, профессор кафедры исторического регионоведения Санкт-Петербургского государственного университета.

Щербакова Екатерина Игоревна – кандидат исторических наук, доцент кафедры общественно-гуманитарных дисциплин Московской школы экономики Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

Содержание

Вместо введения... Несколько слов о юбиларе	5
<i>Плеханов А. М.</i> Ветеран исторической науки.....	5
<i>Рудник С. Н.</i> Слово об историке, коллеге, друге и просто порядочном человеке.....	11
<i>Подольский С. И.</i> «Владлена Семеновича знает весь город»: заметки из блокнотов о В. С. Измозике.....	18
Проблемы Российской истории XVIII – начала XX вв.	25
<i>Степанов С. В.</i> Региональное книжное дело Российской империи в конце XVIII – начале XX вв.: факторы развития и эволюции.....	25
<i>Булгакова Л. А.</i> Из истории «эпохи цензурного террора»: басня «Моль».....	33
<i>Барыкина И. Е.</i> «Голос из Германии 1859 года». Неизвестная статья гр. Д. Н. Толстого.....	38
<i>Годовова Е. В.</i> Город Оренбург середины XIX века глазами современников-иностранцев.....	47
<i>Щербакова Е. И.</i> Шпионы-губернеры и коммунист Некрасов.....	53
<i>Гусман Л. Ю.</i> Русский либеральный конституционализм и его отражение в легальной печати начала 1860-х гг.....	61
<i>Рудник С. Н.</i> Всесословная воинская повинность и патернализм власти (на примере всеподданнейших докладов министра внутренних дел).....	67
<i>Плеханов А. А.</i> Место и роль Отдельного корпуса пограничной стражи в обеспечении политической стабильности Российской империи в конце XIX – начале XX вв.....	79
Великая Российская революция 1917–1922 гг.	88
<i>Сафонов М. М.</i> Из истории отречения Николая II.....	88
<i>Николаев А. Б.</i> Из истории приказа № 1 Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов.....	99
<i>Батулин П. В.</i> «Дневник военного цензора» В. В. Суханина.....	107
<i>Иорданская А. М., Тропов И. А.</i> Революционные события 1917 года в Петрограде в восприятии французского дипломата (по страницам дневника Луи де Робьена).....	116
<i>Хрисанфов В. И., Степанов С. В.</i> Революция 1917 г. в провинции (на материалах Лужского уезда Петроградской губернии).....	136
<i>Rabinovich A.</i> Coping with Crises in Civil War Petrograd (May-July, 1919).....	148

<i>Рабинович Александр (пер. Крымской А. С.). Борьба с кризисами в период Гражданской войны в Петрограде (май-июль 1919 г.)</i>	162
<i>Давыдов А. Ю. Дорожные мытарства времен «русской смуты» 1917–1921 гг.: закалка характера или деградация личностных качеств россиян?</i>	179
<i>Баранов А. В. «Бело-зелёные»: казачье повстанческое движение на Дону в 1920–1922 гг.</i>	188
<i>Зотова А. В. Планирование развития республик советской Прибалтики в 1941 г.</i>	197
Великая Отечественная война и послевоенное общество в СССР	209
<i>Ходяков М. В. «Литерный откорм процветает баснословно»: продовольственные привилегии в блокированном Ленинграде. 1941–1943 гг.</i>	209
<i>Мусаев В. И. Специфика советской национальной политики в период Великой Отечественной войны и в первые послевоенные годы (1941–1953 гг.)</i>	217
<i>Иванов В. А. «Двадцать дробь десять»: российские ИТУ в первое десятилетие после XX съезда</i>	228
<i>Подольский С. И. Реформы Н. С. Хрущева и региональная экономическая политика в 1957–1965 гг. (по материалам Ленинградской области)</i>	239
<i>Полторак С. Н. О студенческой жизни Д. А. Германа – будущего писателя Даниила Гранина</i>	246
Историческая наука в современном обществе (историографические очерки и историческая публицистика)	252
<i>Любичанковский С. В. Профессор Г. А. Герасименко глазами коллеги-историка (о работе П. С. Кабытова «Жизнь и творчество профессора Григория Алексеевича Герасименко»)</i>	252
<i>Хлобустов О. М. Феномен послеправды</i>	258
<i>Сведения об авторах</i>	266

CONTENTS

INSTEAD OF INTRODUCTION... A WORD ON ANNIVERSARY CELEBRANT	5
<i>Plekhanov A. M.</i> Veteran of the historical science	5
<i>Rudnik S. N.</i> A word on historian, colleague, friend and just a man of honour	11
<i>Podolskij S. I.</i> «The whole city knows Vladlen Semenovich»: sketches from notebooks about V. S. Izmozik	18
PROBLEMS OF RUSSIAN HISTORY OF XVIII – EARLY XX CENTURIES	25
<i>Stepanov S. V.</i> The regional book business of the Russian Empire in the end of the XVIII and early XX centuries: factors of the development and evolution	25
<i>Bulgakova L. A.</i> From the History of the “Era of Censorship Terror”: Fable “Moth”	33
<i>Barykina I. E.</i> «Voice from Germany in 1859». Unknown article of Count D. N. Tolstoy	38
<i>Godovova E. V.</i> Orenburg in the middle of the XIX century through the eyes of contemporaries-foreigners	47
<i>Shcherbakova E. I.</i> Spies-tutors and communist Nekrasov	53
<i>Gusman L. Yu.</i> Russian liberal constitutionalism and its reflection in legal periodicals in early 1860s	61
<i>Rudnik S. N.</i> Compulsory military service of all classes and paternalism of the power (through the example of loyal reports of the Department of Interior)	67
<i>Plekhanov A. A.</i> Place and role of the Special corps of border guards (SCBG) in the political stability ensuring of the Russian Empire in the late XIX – early XX centuries	79
THE GREAT RUSSIAN REVOLUTION OF 1917–1922	88
<i>Sofonov M. M.</i> From the history of the abdication of Nicholas II	88
<i>Nikolaev A. B.</i> Excerpts on the history of the Order Number One of the Petrograd Soviet of Workers’ and Soldiers’ Deputies	99
<i>Batulina P. V.</i> «The diary of a censorship officer» of V. V. Sukhanin	107
<i>Iordanskaya A. M., Tropov I. A.</i> Revolutionary events of 1917 in Petrograd in the perception of a French diplomat (throughout the pages of Louis de Robien’s diary)	116
<i>Hrisanfov V. I., Stepanov S. V.</i> Revolution of 1917 in the hinterlands (a case study of Luzhsky Uyezd of Petrograd governorate)	136

<i>Rabinovich A.</i> Coping with Crises in Civil War Petrograd (May-July, 1919).....	162
<i>Davydov A. Yu.</i> Travelling drudgery in the times of the «Russian Time of Troubles» (1917–1921): hardening of a temper or retrogression of personal qualities of the Russians?.....	179
<i>Baranov A. V.</i> “White-greens”: The Cossack rebel movement on the Don region in 1920–1922	188
<i>Zotova A.V.</i> Planning of development of the Soviet Baltic republics in 1941.	197
THE GREAT PATRIOTIC WAR AND POST-WAR SOCIETY IN THE USSR	209
<i>Hodyakov M. V.</i> «Feeding up of special population groups flourishes incredibly»: food privileges in the besieged Leningrad. 1941–1943.....	209
<i>Musaev V. I.</i> Specifics of the Soviet Ethnic Policy during the Great Patriotic War and in the first postwar years (1941–1953).....	217
<i>Ivanov V. A.</i> «Twenty fractions ten»: Russian CLF in the first decade after the 20th Congress	228
<i>Podolskij S. I.</i> Reforms of N.S. Khrushchev and regional economic policy in 1957–1965 (a case study of the Leningrad region).....	239
<i>Poltorak S. N.</i> About the student life of D. A. Herman – the future writer Daniel Granin.....	246
HISTORICAL SCIENCE IN MODERN SOCIETY (HISTORIOGRAPHICAL ESSAYS AND HISTORICAL JOURNALISM)	252
<i>Lyubichankovskij S.V.</i> Professor G.A. Gerasimenko through the eyes of his colleague-historian (about the publication of P.S. Kabytov «Life and work of professor Grigoriy Alekseyevich Gerasimenko»).....	252
<i>Hlobustov O. M.</i> The post-truth phenomenon.....	258
Information about authors.....	266

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

Государство, общество, личность в истории России (XVIII–XX вв.).
Сборник научных трудов к 80-летию со дня рождения
доктора исторических наук, профессора
Владлена Семеновича Измозика

С. Н. Полторак (общ. ред.), И. А. Тропов (отв. ред.),
А. В. Зотова, С. Н. Рудник,
А. М. Иорданская, С. В. Степанов

оригинал макет:
С. В. Степанов

ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
Ленинградской области
«КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЕ ТОВАРИЩЕСТВО»
Лауреат Премии им. Е. Р. Дашковой
e-mail: kptloorg@gmail.com

Тел. 8(964)380-06-72
Подписано в печать 17.08.2018
Усл. п. л. 39,6 Формат 60x84 /16
Тир. 300 экз.